

*И БЫЛА ВЕЛИКАЯ ИМПЕРИЯ, И БЫЛИ
МАЛЕНЬКИЕ ВОЙНЫ, О КОТОРЫХ НИКТО НЕ
ЗНАЛ...*

*Оформление обложки: В. Чекмарев
Корректор: М. Орданович*

Пятнадцатое издание

Москва 2012

АФРИКАНСКИЙ АНАБАЗИС, ИЛИ Фантазии на тему Африканских снов

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Настоящая романтика есть только в танковых войсках. Сытое рычание танковых дизелей за несколько минут до рассвета. Под завязку наполненные баки, полные боеукладки, в курсовом и спаренном пулемете заправлены ленты, и командир налаживает на башне любимый ДШК, ища взглядом на горизонте наглую муху Алуэтта, которую 12,7 снимет за километр легко. И уверенность в том, что там, за далекими холмами, ждет белый город, утопающий в зелени, где ждут усталых танкистов девушки, цветы и пиво. И надо только пройти через это плато, усеяв его обугленными скелетами Элефантов и Сарацинов, и ведь пройдем, как проходили не раз. И пусть вместо белого города будут опять пылающие развалины, вместо девушек - снайперы УНИТА, а вместо пива - пайковый ром панцергренадеров Рауля, но всё равно - мы опять победили. Броня крепка и танки наши быстры!

Анабазис на фоне Северной Анголы
(Фантазия на тему Африканских снов I)

*«Над Анголой тучи ходят
хмуро,
Конго весь тревогою объят.
На широких берегах Замбези
часовые Родины стоят»*

Лейтенант С. Акимов

В середине семидесятых годов Двадцатого века в Африке было весьма неспокойно. В землях Восточнее Замбези, там, где Замбия и Конго граничили с Ангольскими провинциями Куандо Кубанго и Максико, жизнь тоже была ключом, ибо в Анголе разгоралась гражданская война, в Зимбабве и Родезии шла очередная "Чимуренга" (освободительная война) и ее участники периодически отмечались в прилегающих к Анголе провинциях, не забывая и саму Анголу. Помимо отрядов ФНЛА и ополченцев племени Баконго Холдена Роберто вокруг ошивались и другие всевозможные формирования. И кого там только не было: отряды племен Шона, Ндабанинги, Ситхоле и Роберта Мугабе, которые иногда отсиживались тут от Скаутов Селуса; Джошуа Нкомо, командир вооруженных формирований матебелов, который покусывал и шонов и Родезийцев; спецназ Мобуту; какие-то непонятные группы Иностранного Легиона; десантники Родезийской Легкой Пехоты; спецгруппы из непонятно кого, обученные в Китае и Северной Корее; дезертировавшие подразделения всех оттенков; отряды местной самообороны; просто банды и чуть ли не оставшиеся от прошлых кампаний паракоммандо бельгийского короля ... Короче, салат с озерными грибами.

И в это самое время, в этих самых местах оказалась группа спецов, которых официально там не то что не было, но и быть не могло. Они выполняли специальное задание по доставке важного груза из точки "А" через точку «Б» в точку "С". О точке "А" мы, по понятным причинам, умолчим, точкой "Б" был изначально назначен город Лумбала, но он был захвачен частями очередных сепаратистов, а единственный действующий аэродром был там. Так что, новой точкой "Б" стал город Макондо, ну, а точкой "С", соответственно, город Казомбо.

А ситуация на тот стратегический момент была своеобразная... От Макондо до Казомбо можно было доехать по старому португальскому шоссе, но там нас, наверняка, ждали сюрпризы в виде застав и засад. Так что, пришлось действовать по обстановке, а обстановка складывалась следующим образом...

У местных патриотически настроенных пейзажистов были взяты займы три старых добрых пятьдесятпятки, пара БРДМ и небольшой обоз из заправщика и нескольких грузовиков. Пейзажисты всё равно собирались делать ноги, а нам работать надо, да и три наших «ровера» уже не катили во всех смыслах.

Итак, наша бронемото кавалькада бодро двинулась по шоссе с первой задачей: а где же свернуть.

Было три пути... Первый - по шоссе напрямую, но нас там, как уже намекалось выше, наверняка ждали. Второй путь, несколько длиннее, вел через плохонькие, но все-таки джунгли, и там резко падала скорость и, опять же, повышалась опасность иррегулярных засад. Третий путь, самый длинный, вел, так сказать, по опушке, и тут были сомнения по поводу горючки и моторесурса, так как техника обслуживалась явно в режиме *Depois de amanhã*, что означало "послезавтра". У наших "меньших камарадос" была национальная традиция. Ежели он, говоря о сроках того, что он когда-нибудь сделает - *Amanha* (завтра), то это означает то же самое, что у нас - зайдите через месяц, ну, а если вам скажут *Depois de amanhã* (после завтра), то это однозначно означает после дождика в четверг. Но у Империи везде были друзья-интернационалисты. И один из этих друзей сообщил о том, что в километрах тридцати от трассы есть старый рудник, и заправляет там всем Жозеф Лежамбон по прозвищу Окорок, и что у него можно разжиться любой автотехникой и запчастями, но только за деньги или на обмен. Отъем или обман не приветствуются, ибо рудник охраняют ветераны из состава португальских фузилейрос и им подобные. Сам же Жозеф был Шеф-капралом бригады саперов Французского Иностранного Легиона в отставке, так что, ребята там были серьезные. На переговоры пошли капитан Тараканов и старшина Тарасюк. Помимо фамилии капитан имел следующие приметы: он был маленький, шустрый, коренастый и усатый, так что, какую кличку он носил пожизненно, догадаетесь сами. Плюс к этому, он обожал носить береты, и, вдобавок, их коллекционировал. Звездой его коллекции был коричневый берет Родезийского Скаута, взятый им в честном бою. В берете и камуфляже Тараканов чрезвычайно походил на ОАСовца с карикатуры КУКРЫНИКСов. Так вот, капитана Тараканова послали на переговоры, потому что он был полиглотом и гениально стрелял по-македонски. Старшина Тарасюк «розумів і розмовляв тільки рідною мовою» и еще немного по-

москальски, но торговаться как он не умел никто во всем Управлении. "Удивительно изворотливая личность, хорошо, что хоть комсомолец", - так говорил о нем наш замполит. Так что, старшина тоже был при деле. База Окорока поражала воображение: этакий форт из бетона, ощетинившийся торчащими из бойниц и машикулей, всевозможными стволами, от Эрликонов до ДШК и раритетных MG-131. Перед открытыми воротами стоял хорошо поездивший М-113, как ни странно с ДШК на верхней турели и эмблемой легиона на броне. Сам Окорок оказался бодрым бородатым крепышом зуавом, с блестящим загорелым черепом и со всеми целыми конечностями вопреки прозвищу. Через два часа торговли, вскакивания с места и попыток уйти, не заключив сделку, консенсус наступил. Три грузовика вместе с грузом перешли в собственность старого Легионера, мы получили три трейлера, старых, но на ходу, и автоцистерну с соляжкой. Тягачи были еще те, а об их возрасте говорило то, что на одном из них мы с изумлением увидели полустертую эмблему Африканского корпуса Роммеля. Одно слово - Африка...

А анабазис наш тем временем продолжался. Так как с горючкой и транспортом все было нормально, мы загнали танки на трейлеры и выбрали длинную дорогу. В километре от форта Жозефа мы должны были остановиться, чтобы дожидаться нашего главного диверсанта капитана Сандро, но он догнал нас еще на марше на позаимствованном у легионеров мотоцикле. Судя по его довольной роже, рации у Жозефа больше не было. Уж ежели мы были вынуждены соблюдать радиомолчание, так чем же этот Шеф-капрал саперов был хуже нас?

Красноватая земля слева и начинающиеся заросли справа уносились назад, и колонна постепенно набирала скорость. БРДМ мелькали впереди, стараясь не уходить из зоны прямой видимости, и, как оказалось, правильно делали. За поворотом, поперек трассы стояли два бронированных грузовика, ощетинившиеся пулеметами, перед ними праздно ошивался десяток фигур в бурском камуфляже и поголовно с М-16. Но, как говорил наш инструктор по огневой, если бронированная машина не танк, то КПВТ на броню наплевать. Наши БРДМки были не просто так, а "Вторые", и вооружение соответствующее. Так что, не успели наши трейлеры развернуться в положение, удобное для ведения из танков огня, как мощно замолотившие КПВТ смели свинцовой вьюгой нежданное препятствие. До цели было меньше ста метров, так что из людей не ушел никто, ну, а грузовики горели, и в них радостно взрывались боеприпасы.

Таракан в сердцах промял ударом кулака крыло у тягача. Ну, как же, без него случилась перестрелка, а таких вещей капитан не терпел, да еще и пленных нет.

Мы не стали задерживаться: ведь на выстрелы могли появиться ненужные гости, и, прибавив ходу, пошли курсом на Казомбо. И когда до Замбези уже оставалось всего ничего, мы нарвались на преграду посерьезнее. Три М-47 и два Центуриона непонятной принадлежности прочно перекрыли дорогу. Разведка обнаружила их издали, и мы смогли сгрузить танки с трейлеров, обратный процесс не представлялся возможным, да и, как выяснилось позже, не пригодился. Выскочив из зеленки, три наших машины первым залпом подбили двух сорокседьмых, но у противника оказался грамотный командир и, моментально просчитав, что на дальних дистанциях его танкам ловить нечего, попер на сближение, которое оказалось отвлекающим маневром. Пока шла танковая дуэль, и мы подожгли для разнообразия пару Центурионов, из зарослей фукнули базуки и две пятьдесятпятки перешли в разряд невосполнимых потерь: живых экипажей после таких попаданий не остается. Мы не могли рисковать грузом, и поэтому зачистка окружающей местности подзатянулась часа на два, но одного пленного мы взяли. Это был бельгиец-наемник, ветеран колониальных войн и он не сразу, но рассказал, кому мы были обязаны такой теплой встречей. Разговорить вражину помог капитан Тараканов одним из своих методов.

Кстати о его методах... Какое-то время назад и немного в других местах небольшая мангруппа под его командованием напоролась на заглохший «ровер», в котором ехал Родезийский полковник с адъютантом и водилой. Адъютант схватился за автомат и... безвременно усоп, водила-кафр сбежал, а полковник дисциплинированно поднял руки. Вида он был самого Кипплинговского, этакий джентльмен, несущий бремя белого человека. Он назвал свое имя, звание и личный номер и отказался давать какую-либо иную информацию. А ребята в процессе рейда подстрелили какое-то вкусное местное парнокопытное и стали разводить костер, дабы уже и обед было пора готовить. Наш полиглот Таракан, не желая ничего такого, показал на костер, и сказал, что вот с этим закончим, а там и с тобой разберемся. Бедный колонель решил, что костер готовится для него, а учитывая то, что он понял, с кем имеет дело, каких-то сомнений в присутствии у нас гуманизма у него не было, и он выложил все, что знал. Таракан же, естественно, сразу же изобразил это своей тонкой психологической игрой, и периодически пытался этот метод применять в дальнейшем.

Ну, а теперь вернемся к нашему бельгийскому пленнику... Он выдал весьма интересную информацию. Оказалось, что по местным

долям и весям разнеслась весть о том, что ожидается конвой, перевозящий чуть ли не полугодовую добычу алмазов с каких-то законспирированных копей. И заявленный маршрут, как выяснилось, в аккурат совпадал с нынешним нашим, и что бы там кто, где и кому не вез, попали под раздачу именно мы. Как говорил генерал Селезнев: "Когда совпадения становятся закономерностью, надо уходить в параноики".

А что касается нашего анабазиса, то мы доехали до Казомбо, и груз доставили куда надо. Правда, к финишу из техники у нас остался один БРДМ и один грузовик. Как говорил Клаузевиц, "...каждая Большая война, состоит из многих маленьких, и не все из них бывают известны истории". Но, увы, даже на маленькой и неизвестной войне гибнут люди.

Р.С. Жозефа Лежамбона прозвали Окорокком еще в Легионе за то, что он в один присест смолотил двухкилограммовый оковалок Вестфальской ветчины.

СВИДАНИЕ В СЛЕПУЮ, ИЛИ ПРИМЕНЕНИЕ ФАЛЕРИСТИКИ В СПЕЦОПЕРАЦИЯХ (Фантазия на тему Африканских снов II)

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

РЕДЪЯРД КИПЛИНГ

На войне всякое бывает, в том числе и случайности. Лейтенант Акимов на четырех танках выдвигался к месту прорыва. Времени было в обрез, а обещанная пехота так и не прибыла. И внезапно на дороге нарисовалась группа местных жителей с калашами и частично в военной форме: из расчета один комплект обмундирования на два с половиной кафра. Особенно экзотически выглядел их предводитель. Помимо «Дегтяря», на нем была только каска, юбка из какой-то травы и богатые украшения в носу. Сережка рявкнул на своих новых комбатантов, показал вякнувшему было что-то командиру, кулак, после чего похлопал его по плечу и дал

закурить. Консенсус был достигнут, десант расселся по броне, и пятьдесятпятки, взревев всеми своими двумя тысячами лошадок, продолжили движение в заданный район. Враг был разбит, победа была за нами, но... Сержкины десантники оказались представителями противоположной стороны, и после боя вернулись к своим. А вы говорите Киплинг...

Они, случайности эти, бывают даже в тылу. В одну жаркую, но зарубежную страну, прибыл проверяющий генерал из Союза. Ему устроили встречу и даже минипарад, в процессе которого сборная парадная рота, печатая шаг, пела Катюшу. Генерал для порядку сделал замечание, что мы, мол, тут не совсем официально, так что пение Советских строевых песен - это как бы демаскировка. Лейтенант Сержка Акимов, известный ерник и матерный бард, с невинным лицом поинтересовался у высокого начальства...

- А нестроевые песни петь можно?

- Можно, - рассеянно кивнуло начальство...

Через два года оный генерал инспектировал личный состав в другой жаркой, но зарубежной стране, причем на другом континенте. И вот стоит его превосходительство во дворе базы, благосклонно рассматривает подаренную ему местную саблю с цацками, и тут в ворота въезжает запыленный джип, набитый загорелыми мордами в камуфляже и арафатках. И вот эти самые рожи самозабвенно распевают хором следующий текст: «Мы в город изумрудный идем дорогой трудной...» - и так далее. Генерал, роняя на песок матерную пену, бросился к наглецам, аж подвывая от злобного усердия и предчувствия раздачи всевозможных карательных мер. И тут наиболее наглая из загорелых морд сказала:

- А это не строевая песня товарищ генерал, и вы ее сами разрешили к исполнению два года назад.

У старшего лейтенанта Акимова, помимо наглости и юмора, была еще очень хорошая память на лица, хотя в наглости и юморе он преуспел гораздо больше. Еще в Училище его побаивался замполит, особенно после того, как замполитовский перл "Стыдитесь, товарищ! Курсант - комсомолец, а простудились", Серега запустил в тираж, и прибавил к нему пословицы типа "Комсомолец, а кашляешь" или "У хорошего комсомольца насморка не бывает". Все перлы получили распространения на всех курсах и во всех батальонах, причем, везде упоминалось авторство не Акима, а замполита.

В другой далекой жаркой стране Сержка на многие годы получил переходящее красное знамя в номинации "Большой прикол". А дело было так...

К нам приехал некий лейтенант Поздняков, молодой порученец из Главпура, генеральский сынок в чистом виде. Прозвище он получил «Сынуля», и этим было сказано все. Тусовался при штабе, стучал

при случае в Центр, а наградной лист на него ушел на боевую награду. Ребятам это резко не понравилось, и Серега задумал страшную месть, тем более, что один донос был про него и его привычку загадывать антисоветские загадки. Проистек этот донос из следующей ситуации...

Сынуля слышал, что Сережка рассказывает анекдоты "с душком" и неоднократно пытался его развести на подобный анекдот, старлей был всегда начеку, но по живости характера не удержался и как-то с таинственным видом сказал Сынуле...

- Леша. Анекдотов не знаю, но знаю загадку. Вот ты знаешь, как расшифровывается аббревиатура КПСС?

- Нет, - замирая от предвкушения удачного доноса, буквально пропел Алеша. Серега оглянулся, и с таинственным видом прошептал на ухо стукачку...

- Коммунистическая Партия Советского Союза, - и, сделав паузу, добавил: - Вам должно быть стыдно, лейтенант Поздняков, коммунист, а такого не знаете.

После этого только ленивый не спрашивал лейтенанта Алексея Позднякова о том, как расшифровывается КПСС.

А теперь ближе к мести. У этого Сынули была золотая мечта - переспать с негритяжкой, и он по-пьяни проболтался об этом Таракану. И, уж, как только об этом узнал лейтенант Акимов, у него в голове созрел план. Засланец из Центра для подтверждения приверженности линии Партии привез с собой коллекцию значков с В. И. Лениным и всем ею хвастался. Это его и погубило...

В штабе местных камарадос работало немало особей африканской национальности женского полу, и не все из них отличались молодостью и красотой... Ради справедливости должен отметить, что высокой нравственностью среди них отличались тоже далеко не все. На этом и основывалась операция. Диспозиция была следующая: дурнушке Марии, местной девушке непонятного возраста, была выделена энная сумма и разъяснено, что на нее глазами любви посмотрел белый мамамуши, но он очень стесняется, и весь из себя секретный. Поэтому в комнате, где все будет происходить, должно быть темно, и она вообще не должна видеть его лица.

Капитан Тараканов, который ради дела превозмог брезгливость и временно сдружился с Главпуровским Сынулей, проинструктировал пылкого Ромео о том, что девушка совсем юна, и по молодости вельми стеснительная. И что все будет происходить без света, но перед тем, как она уйдет, ей надо обязательно подарить значок с

образом Вождя: она, мол, будет в восторге и будет с гордостью его носить.

Пожилой уборщице Сильвии был рано утром следующего дня вручен значок, который накануне Сынуля подарил Марии. Старушке было строго наказано не снимать этот значок весь день, и в определенные часы барражировать в строго указанном квадрате, и при виде Сынули радостно ему улыбнуться, сверкая при этом значком, и все это было, естественно, подкреплено купюрой в 10 бырр.

А потом наступило утро стрелецкой казни... Молодой офицер, жмурясь как сытый и счастливый кот, обожравшийся сметаной, умыкнутой им из хозяйского погреба, вышел во двор. Светило солнышко, чирикали попугаи, радостно ползали змеи, умопомрачительно пахли экзотические растения. Низенькая кривоногая старушка с метлой приветливо и подобострастно улыбнулась красавцу в новенькой тропической форме, но увидя его дикий взгляд, на всякий случай сжала метлу крепче и стала пятиться к ближайшим дверям. А Сынуля с ужасом смотрел то на старушку, то на гордо сверкающий октябрятский значок с фасом кудрявого Ильича в отрочестве.

Об этом сексуальном мезальянсе Сережка рассказал по большому секрету своей пассии, сестре секретарши начальника гарнизона, красавице Марьям. На другой день об этом знал весь город. Старушке Сильвии подняли жалование, а Сынуля окончательно отвратился от коллекционирования значков с изображением Вождя Мирowego Пролетариата.

ИНТИМНОЕ СВИДАНИЕ У ПАРОВОДА КАРЛ МАРКС

(Фантазия на тему Африканских снов III)

Отступление от вступления. Двадцать лет спустя...

Полковник Вальтер сидел в маленьком плавучем кафе на Савве и маленькими глотками пил Вранац, его самолет из Сурчина улетал через четыре часа и он успевал еще кое с кем здесь встретиться. Старый пьяница, бесцельно бродивший между столиками, наконец, осмелился подойти и к Вальтеру, лицо и, особенно, глаза которого, не очень располагали к общению.

- Простите, господин главный. Не угостите ли ветерана? - проскрипел он.

Вальтер посмотрел на него не обещающими ничего хорошего глазами, но, зацепившись за ленточку медали "Отличному стрелку", его взгляд смягчился.

- В кого так хорошо стрелял солдат? - спросил он.

- В тех, кто сейчас жирует в нашей краине, - гордо просипел бродяга. - А если хотите угостить старого сержанта, закажите не эту черногорскую бурду, а нашу родную Вельямовку.

Вальтер кивнул хозяину, и когда заветная бутылка оказалась в руках сержанта, было видно, что он еле сдерживается, чтобы не начать пить из горлышка, но, пересилив себя, налил вино в бокал и уже оттуда жадно выпил.

- Ты, старый вояка, выпил сегодня, пожалуй, больше бутылок, чем Партизанских улиц в Белграде, - улыбнулся полковник.

- Зато меньше, чем улиц Князя Милоша, - нашелся сержант. Заскрипели деревянные мостки, и в кафе ввалился Капитан Дибич. Судя по мощному запаху жжённой бумаги, он пришел прямо из подземелий Ташмайдана. Он рухнул на стул, не чинясь, схватил бутылку с Вранацем, и приник к горлышку.

- Всё, полковник, - сказал Дибич. - Хрен они получают, а не архивы. Можно сматываться.

Бродяга понял, что его присутствие больше нежелательно, сгреб бутылку и, неуклюже откланиваясь, сказал на прощанье:

- А вы знаете, начальники, как раньше называлась эта баржа? Она называлась Карл Маркс...

И на Вальтера ностальгически пахнуло Африканским зноем.

СВИДАНИЕ У ПАРОХОДА КАРЛ МАРКС

Порт как всегда кипел жизнью. Смесь Ангольских, Кубинских и Русских менталитетов дала на выходе умопомрачительный Большой Бардак, и это было очень живописно. Тракторы, тягачи, люди всех цветов кожи, орущие чайки, соответствующий букет запахов, и все это под Африканским солнцем. В самой гуще портовых пакгаузов была незаметная контора небольшой национализированной транспортной фирмы. Там базировался технический советник или, как он сам себя любил называть, - Техник-интендант 1 ранга Сыщиков, правда, по совместительству он был еще и особистом, но об этом было известно только узкому кругу посвященных. Естественно, вызов к нему ни у кого не вызывал энтузиазма, не вызвал он одного и у меня. Посмотрев на визави пронзительным, как прицел "драгуновки", взглядом, особист начал монолог, периодически, впрочем, прерываемый возмущенными воплями моей оскорбленной невинности:

- Вот что, старлей. Ты тут крутишь с близняшками из комендатуры. И завтра у вас свидание...

- Это поклеп. Мы общаемся только по работе, а про свидание я ничего не знаю.

- На свидание тебя пригласит Жозефа. Оно состоится у парохода "Карл Маркс", но Нзинга там тоже будет. Эти телки работают на разведку Роберто, и у них приказ похитить тебя. Как ни странно, ты, находясь в обществе местных Аид, даже будучи пьяным, строго хранишь Государственную тайну. Так что, решено тебя выкрасть и устроить экстренное потрошение. Ты можешь, конечно, отказаться, но нам очень надо взять их главного с поличным, а он обязательно примет участие в акции.

- Слушай, Техник-интендант. А кто будет в прикрытии и поддержке?

- Только мои.

- Тогда согласен, но свой экипаж я тоже привлеку.

Сыщиков было напрягся, а потом махнул рукой и сказал:

- Экипаж, но не больше. Мои люди закроют кольцо сразу же после того, как ты встретишься со своими телками и их начальником. Главное - взять резидента живым, остальные меня не волнуют. Ты понял? -

- Так точно, товарищ Техник-интендант 1 ранга.

Утром следующего дня Жозефа, действительно, ангажировала меня на вечер. Она сказала, что камарадо Команданте очень ревнив, и поэтому она будет ждать меня на периферии порта, возле парохода Карл Маркс, что у заброшенного пирса. Оттуда на ее джипе мы поедem в уютное и безопасное место.

- Бинго! - подумал я, - надо готовиться к свиданию.

Эту часть порта местные называли "Мадейра де Ферро" (Madeira de ferro). Это был гигантский склад металлолома. Тут были контейнеры, автомобили, битая портовая и военная техника, со стороны океана были всевозможные морские обломки и, в том числе, пароход "Карл Маркс". Около него притулилась ржавая "пятьдесятпятка", из дула ее уныло опущенной пушки свисали какие-то ржавые же лохмотья. Возле этой композиции я и притулился. Красотки появились минута в минуту. Они весело меня приветствовали... Жозефа жестикулировала "Узи", а Нзинга для разнообразия Смит-Вессоном. А потом на сцену вышел главный герой сегодняшней тусовки. Я с изумлением узнал таможенного инспектора Карнейро - главного портового идиота. Он прославился тем, что во время ночной выгрузки танков приставал ко всем с претензиями, что по бумагам тут проходят трактора, и это явное несоответствие. Вежливо всех поприветствовав, таможенный барашек объяснил, причем на приличном русском, что я - его пленник и должен не сопротивляться, если, естественно, хочу жить.

Я сделал самое грустное из доступных мне выражений лица и промямлил:

- Позвольте с боевым конем попрощаться, - и показал на ржавую "пятьдесятпятку".

Под изумленными взглядами тройки шпиёнов я подошел к танку и потрепал его по лобовой броне. Надо сказать, результат был ошеломляющим... Башня стала разворачиваться, и пушка оказалась направленной прямо на Карнейро, ржавые лохмотья, свисающие из пушки, зашевелились и потянулись в сторону похитителей. Лязгнул медленно открывающийся люк, и оттуда показалось страшное зеленое лицо. Со стороны таможенника раздались характерные звуки, и явственно потянуло еще более характерным запахом, с криком - Няма - он рухнул на землю в глубоком обмороке. Нзинга оскалилась в недоброй усмешке, и вскинула свой магнум, но Жозефа от души вмазала ей по руке своим Узи. И для полного блезира мощно взревел танковый дизель. А в это время из всех закоулков посыпались люди Сыщикова. Все-таки профессионал - он и в Африке профессионал. Завербовать одну из близняшек, против второй... это очень высокий класс. Особист гордо вышел на "сценическую" площадку и спросил нас с Акимовым:

- Ну, что, танкисты... Никто не обосрался?

Шевелящиеся ржавые щупальца потянулись к нему, и Техник-интендант шарахнулся в сторону, потом обалдело уставился на наши хохочущие физиономии, и немного смущенно сказал:

- Да, я вижу, что шутка удалась...

Р.С. Сережку Акимова накануне покусали какие-то местные мошки, и он был безжалостно измазан в санчасти зеленкой, отсюда и зеленая морда лица.

Р.Р.С. А "O carneiro" по-португальски, означает баран.

Р.Р.Р.С. Шевелящиеся ржавые лохмотья оказались плодом технического гения старшины Тарасюка. И вот немного о его технической гениальности...

ШАМАН ТАРАСЮК

Однажды под танком взорвался управляемый фугас, и аккурат в районе аккумулятора лючка. Оные аккумуляторы, естественно, в хлам, а танк без аккумуляторов, ну, ни как не хочет заводиться. Из другого транспорта были только одинокий АМЛ-60 и ситроеновский пикапчик. Лет через десять после этих событий, один настоящий полковник, у которого недалеко от этих мест заглохла тяжелая

самоходка, нашел такой выход... он поставил САУ на скорость, убрал опоры и бабахнул в сторону потенциального противника. САУ завелась на раз. У нас не было ни САУ, ни полковника, зато у нас были Тараканов и Тарасюк... Они четверть часа что-то обсуждали, размахивая руками, и матеря друг друга, но Таракан вдруг заржал и, хлопнув старшину по плечу, проорал: "Ну, ты шаман, Тарасюк". После этого Тарасюк, немедленно озадачив весь экипаж, стал громоздить за башней какую-то странную конструкцию, а Таракан, выгнав АМЛ на середину дороги, предался ожиданию. Места и времена были достаточно веселые, и когда Таракан, меланхолично сидевший на башне броневика, увидел выезжавшую из-за поворота разномастную колонну гражданских легковых авто, то он несколько не удивился. А беженцы (это были французские мулаты), увидев усатого офицера в берете, да еще и на французском броневике, пришли в бешеный восторг и запели Марсельезу. Ура! Свои! Таракан истоиво допел вместе с ними Гимн Белль Франс и, махнув рукой сделавшему стойку Тарасюку, пошел вдоль небольшой колонны, перегруженной багажом, отдавая один и тот же приказ: "Livrer les accumulateurs". Наши умельцы быстро соорудили комбинированную аккумуляторную батарею, и родная матчасть благополучно добралась до точки назначения.

Когда один моралист, узнавший об этой истории, спросил изобретателей, мол, не жалко ли им было бросать на дороге несчастных беженцев, Тарасюк обиженно ответил: "Но я же им оставил аккумуляторы на двух машинах".

Прямо вспоминается эпизод из Джека Лондона, где герой в ответ на похожее обвинение говорит: "Ну, я же оставил им жирных собак".

БАНКЕТ НА ПРАТТЕРЕ С ПРЕКРАСНОЙ ДАМОЙ

(Фантазия на тему Африканских снов IV)

*"А помните, была держава,
Шугались ляхи и тевтоны,
И всякая пся крив дрожала,
Завидев наши батальоны!"*

Тимур Шаов

В старинном байзеле в районе Праттера, недалеко от знаменитого колеса обозрения, гуляла странная компания. Официанты уже слегка нервничали, но вовсе не потому, что поняли, что это русские. И, действительно, кого сейчас удивишь в Вене

русскими? Эта компания вела себя нестандартно для русских туристов: они пили пиво и вели себя не очень громко, одеты были прилично, хотя и разномастно, и самое поразительное... у всех были ленты и знаки "Серебряного Креста" Австрийской республики. И тут компания оживилась: грациозно выскочив из фиакра, в байзель вошла красивая женщина в элегантном и очень дорогом деловом костюме. И тут случилось еще одна странность... Когда Леди подошла к столу странной компании, все русские встали и не сажались, пока дама не присела на поданный официантом стул.

Народ очень обрадовался Эрике, ибо давно уже пора было начинать банкет и пиво уже надоело, вдобавок часть ребят сковывали официальные костюмы. А костюмы были подобраны весьма в своеобразной гамме... Барон, Никита и Борька с Акимом были в стандартных смокингах, Генка и Сокол - в деловых костюмах, Тарасюк облачил свои короткие телеса в белую тройку от Версаче. Ну, а Таракан и Арканя переплюнули всех: они гордо сверкали малиновыми пиджаками, черными рубашками и зелеными бабочками в белый горошек. Когда жена Президента Австрии увидела эту живописную троицу цвета Австрийского флага, она чуть не вскрикнула, но воспитание и опыт все-таки взяли свое, и она сделала вид, что закашлялась. Да-а-а, наша компания была экзотической не только по одежде, но и вообще... Борька был Аглицким банкиром, Аким - Питерским издателем, Никита - тенором в Ля Скала, Барон владел какой-то фирмой в Калифорнии, Тарасюк, по его словам, поставлял кофе из Украины в Рио, что исходя из его личности не казалось шуткой, Генка и Сокол выпускали модный журнал одновременно в Москве и тут в Вене, ну, а Таракан и Арканя гм..., были представителями теневой экономики в одном немаленьком Российском городе. Таракан жаловался потом, что, когда он сначала честно открыл фирму, стали давить бандюки. Создал охранную контору - стали давить менты. Вспомнил старую истину о том, что если надо с чем-то бороться, то надо это сначала возглавить, и после этого все пошло нормально.

Вобщем, как перефразировал Жванецкого Барон: "Видно что-то не так было у нас в Военных училищах". Банкет завертелся по нарастающей. На столе появилось шампанское, господа офицеры чинно и по очереди танцевали с Эрикой, а когда она, перецеловав всех и, всплакнув напоследок, вышла к ожидавшему ее мужу для сопровождения оным домой, то начался настоящий Русский банкет. На столе, наконец, появилась водка... И сквозь веселье и тосты вспомнилось то, что лет двадцать назад создало эту ситуацию.

Сэр Эдмунд Чарлз Ричард Смайт - пятый граф Гетиленд был в плену у немцев четыре раза. Первый раз в мае 1940 года во Франции. Будучи на рекогносцировке, попался патрулю Вермахта,

но был освобожден через несколько часов танкистами полковника Де Голля. В декабре 1941 под Бенгази его захватила батальонная разведка одной из частей Роммеля, но через неделю Бенгази пал и Смайт опять получил свободу. В феврале 1943 его машина заблудилась в песках, и снова Сэр Эдмунд попался в силки солдат Лиса пустыни, был отправлен ими в Тобрук, и только в мае 1943 снова получил свободу. В 1945 году, в начале января, капитан Смайт оказался последним пленным, которого взяли немцы во время Арденской операции, ему очень повезло, что на штаб полка Вермахта, где его допрашивали, напали польские командос. Учитывая то, что в Британской армии плен не является преступлением, Смайт даже имел некоторый карьерный рост, чему конечно способствовали родственные связи в Лондонском истеблишменте.

После войны майору Смайту предложили работать в Британской военной администрации в Германии, но он отказался. Немцы, причем в любой форме, очень сильно действовали на его психику. Приехав через десять лет после войны в Берлин, Смайт увидел солдат ННА ГДР в такой знакомой до дрожи форме, полностью потерял над собой контроль и, сказавшись больным, срочно улетел в Лондон. И вот, ответственный сотрудник Форин Офиса был отправлен в Африку с важной миссией. В Тунисе, недалеко от Гадамеса, нашли останки Британских военнослужащих времен Второй Мировой войны, и в комиссию нужно было включить Британского дипломата, Смайту как раз нужна была какая-нибудь успешная и значительная поездка, ибо близились награждения и для получения какого-нибудь ордена новые заслуги были необходимы. В экспедицию, помимо охраны и военного патруля, вошла девушка-переводчица из Миссии ООН, очаровательная австрийка Эрика Инкварт. Колонна из четырех «роверов» попала в песчаную бурю, и машина, где были Эрика, Смайт и водитель осталась в одиночестве. Учитывая, что единственный компас сломался, ООНовский экипаж покотился совсем в другую сторону. Короче, когда кончился бензин, на горизонте показался оазис. Водитель остался у машины, а Эрика и Смайт пошли за помощью. Чем ближе они подходили к оазису, тем тревожнее становилось у Смайта на душе. Дежавю услужливо показывало картины тридцатилетней давности, и не самые благостные. В тот раз ведь он тоже заблудился в пустыне, а что из этого тогда вышло... Вот девушка и дипломат почти вплотную подошли к Оазису. Им показалось, что звучит какая-то музыка, эта музыка звучала все громче, и вместе с ней стали слышны слова какой-то смутно знакомой песни. ПЕСНЯ БЫЛА НА НЕМЕЦКОМ! Как только Смайт понял это, колени его ослабели. На пятачке, среди пальм, был какой-то непонятный бивак, состоящий из пары палаток и неизвестного сооружения, напоминающего вход то ли в ДОТ, то

ли в бункер. Возле распахнутого входа в бункер орал патефон, и люди, в немецких тропических касках и песочного цвета кителях Роммелевского покроя, самозабвенно распевали слова: "Вир Альтер аффен - ист вундерваффен", дирижируя маузеровскими карабинами 98К. А когда один из них, самый большой и страшный бедуин, помахивая карабином, как тросточкой, направился к парочке путешественников, у Смайта закружилась голова, и, пробормотав «Нихт Шиссен их бин капитулирен», он рухнул на землю.

Мужик с девицей появились очень не вовремя. Стоило хранить радиомолчание, чтобы засветиться в последний момент. На такие случаи была четкая инструкция, и следовать ей не очень хотелось. Но судьба распорядилась по-своему... Со стороны «ровера» слышалась стрельба, в бинокль было видно, как замелькали вокруг машины вооруженные фигуры, тело шофера, безжалостно выкинутое на песок, валялось изломанной куклой, и два джипа, набитые инсургентами, двинулись к оазису. Президент Боургиба навел в стране порядок, но в этих местах еще сохранились некоторые вооруженные формирования и у правительства руки до них пока не доходили. А джипы тем временем приближались, и их турельные пулеметы бдительно смотрели на оазис, но для нас это было слишком просто. Как один хлестнули четыре выстрела, оба водителя и пулеметчики отправились к Аллаху, а потом начался элементарный тир с подарками... выстрел - попадание, выстрел - попадание. После первого залпа прошло всего восемь минут, и от противника осталась только матчасть. Но почивать на лаврах было некогда. Это была явно разведка какой-то большой банды, уходящей за границу, и надо было делать ноги.

Наших гостей спас Арканя. Между прочим, это именно он ввел в бессознательность гордого Бритта. Типаж, надо сказать, весьма своеобразный. Представьте бегемота, вставшего на задние лапы, с физиономией Шрека. И не смотря на устрашающую внешность, Арканя был добрейшей души человек и большой интеллектuala (для офицера, естественно). Дома у него была прекрасная библиотека европейских поэтов Эпохи Возрождения, огромный шоколадный "Британец" с вреднейшим характером по кличке Чосер, тетушка с повадками классной дамы и два холодильника. Любовь Аркани к поэзии была загадкой для всех, но на девушек декламация стихов на итальянском действовала как форма Африканского корпуса на Сэра Смайта: они закатывали глаза и слабели в коленках. Чосер имел точку дислокации на шкафу в прихожей, откуда любил неожиданно прыгивать на гостей. На вопрос "В кого он у тебя такой?", Арканя обычно отвечал: "А в окружающих". Ну, а два холодильника, что по Советским временам было такой же роскошью, как два больших телевизора, это была дань главной слабости нашего друга - чревоугодию. Так вот, после того как Смайт пришел в себя, Арканя

представился польским этнографом, а нас определил как польских же геологов. Ну, а про наш антураж он рассказал почти правду. Мол, заблудились и отстали от партии. Машину послали на поиски. А склад с немецкой амуницией нашли здесь случайно и решили позабавиться. Ну, а после того, как он прочитал Эрике несколько строф из Франкфуртера, лед недоверия растаял полностью.

Истинное же положение вещей было следующим... В этот оазис мы попали не случайно и ждали здесь транспорт, чтобы по обыкновению сопроводить его по назначению. Склад с немецкими тряпками и железками нашли случайно и стали дурачиться, но тихо. Когда же увидели гостей, решили применить пятую позицию маскировки: часть засады демонстрирует бурную деятельность и раздолбайство, а основной состав ждет, когда надо нанести удар. Подобный случай описывал в своих мемуарах один подпольщик: гестаповцы захватили явку и устроили там засаду. На явке был патефон с советскими пластинками, а в сенях стояла...ну очень большая емкость с буряковым напием. В сенях же мирно лежала в углу в грубом мешке рация "Северок", присыпанная мороженым Буряком. Рацию немцы как раз не заметили: и им даже в голову не пришло, что кто-то будет хранить рацию в сенях, да еще и в мешке. Но на самогонку фашисты глаз положили. Для маскировки они стали крутить на патефоне пластинки с советскими песнями, особенно им пришлась по душе Катюша. Потом, естественно, пришлось выпить, потом еще немного, а потом гестаповцам пришла в голову гениальная идея... Если они будут петь вместе с патефоном, то партизанен поймут что тут свои и придут прямо в ловушку. Впрочем, когда партизанский разведчик подошел к дому, то из ярко освещенных окон под патефон и ядреный запах самогонки, неслись бессмертные слова Михаила Васильевича Исаковского: «Райсцвѣтали яблѣки и грѣюши, пойплильи тумьяны найд рекѣй...». Подпольщик тихонько проник в сени, забрал рацию и скрылся в темноте... Это я рассказываю к тому, что на складе имелось и некоторое количество старых армейских пайков Вермахта, на хлеб и шнапс, входившие в них, годы не подействовали совершенно. Так что возможность пошуметь мы встретили с редким энтузиазмом, и неофициальный гимн Фольксштурма распевали от души. Кто не знает - "Вир Альтер аффен - ист вундерваффен", означает в переводе "Мы старые обезьяны - и есть Чудо Оружие". Эту песню несчастные фолькштурмисты 1945 года напевали на мотив "Дойче зольдатен". Песенка была из коллекции Барона, который в порядке хобби, интересовался фольклором Третьего Рейха. Итак, мы и гости погрузились в джипы, один из которых для разнообразия оказался Доджем 3\4 и тронулись навстречу ожидаемому транспорту. Погоня, конечно же, не заставила себя ждать. Когда мы ликвидировали

второй за три часа патруль, у нас возникли вопросы к третьему, и одного из преследующих пришлось взять в плен и по-быстрому разговорить. (Смайт и Эрика были в передней машине, и этого не видели). Выяснилось, что у оазиса мы шлепнули какого то ихнего ходжу, и теперь нам был объявлен газават.

Когда мы объяснили Смайту, что среди покаранных нами убийц его водителя был некий религиозный полевой чин, и что это теперь создает нам всем определенные трудности, то воспрянувший и никого больше (кроме Аркани) не боявшийся Сэр Смайт заявил, что мы действовали в пределах необходимой обороны. И больше того, защита чиновников Форин Офиса ее Величества и ООН является святой обязанностью любого цивилизованного человека, пусть даже он и поляк. А Эрика от себя добавила, что мы заслуживаем награды за спасение гражданки Австрийской республики. На счет поляков мы, конечно, попали. При гостях приходилось разговаривать с польским акцентом: постоянно пшекая, как сломанные сифоны с газировкой. Когда мы, наконец, встретились с транспортом, руководимым Тарасюком, и милейший старшина узнал о том, что отныне и вплоть до особого распоряжения он по национальности польский геолог, то он выдал такую не польскую матерную тираду, что даже полиглот Таракан посмотрел на него с уважением. А Борька с показным испугом сказал: "А я думал, что пан только антисемит", чем заслужил еще некоторых непереводаемых идиоматических выражений. Кстати, на счет национального вопроса...

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ:

Когда я сейчас наблюдаю всю эту свистопляску с национализмом и ксенофобией, я вспоминаю свою прошлую жизнь. Возможно, я служил не в тех местах и общался не с теми людьми, но не было у нас разделения Граждан СССР на эллинов, римлян и иудеев. Да были шутки, были анекдоты, но того звериного национализма, который сейчас проявляется то тут, то там - не было. Были Наши и остальные. Все! Ну, еще не очень-то мы симпатизировали ряду представителей братских освобожденных народов, но не на столько, чтобы винить их в своих личных бедах.

А сейчас... Русские националисты обвиняют в бедах 150 000 000 жителей России - 3 000 000 евреев. Украинцы в своих проблемах винят, естественно, Русских, хотя миллионы украинцев выживают за счет работы в России. Кавказцы, вывозят из России миллиарды долларов, но, тем не менее, распинаются в нелюбви к России. Поляки ненавидят Россию за все, что у них случилось в Истории, хотя четыре раза прогадали свою страну исключительно благодаря "мудрости" своих правителей.

Вот что я вам скажу, господа патриоты. Нет плохих наций, есть политические аферисты, вертящие народами, и тупая масса, с радостью позволяющая собой вертеть. Так что... работать надо, а не искать виноватых.

И напоследок приведу пример... В одной далекой жаркой стране, во время выполнения задания, был тяжело ранен азербайджанец и его на себе двадцать километров тащил еврей. Маленькое дополнение... Они оба были Советскими Офицерами!

Ну, короче говоря, очередной анабазис закончился успешно. Британца и Австриячку скинули рядом с цивилизованным местом, и последовали дальше уже без них, не привлекая внимания местных властей, что было достаточно легко, ибо было 20 марта - Местный День независимости. Ну, а транспорт сопроводили куда следует. Эрика на прощание взяла с Борьки клятву, что пан Борислав с ней обязательно свяжется, и что это очень просто: надо только в Венской телефонной книге найти номер Эрики Инкварт.

Прошли десятилетия, все в этом Мире изменилось. Не стало Империи, не стало Управления, не стало подразделения, которого и раньше-то официально нигде не было. Борька, живущий к тому времени уже в Лондоне, посмотрел как-то Американскую комедию, в которой на показательных учениях танкисты для того, чтобы скрыть от начальства недостаточный уровень подготовки, заминировали мишени и взрывали их одновременно с выстрелами из танков. Борька аж взвился из-за подобного плагиата, так как это Барон с Генкой и Акимом придумали и разработали эту систему, причем, для того, чтобы вытащить однокашника из задницы. Зная, что у Генки в Вене есть филиал, Борис стал искать в телефонной базе Австрийской столицы название журнала и наткнулся на телефон Эрики Инкварт. Ну, а потом все завертелось по всевозможным официальным тропам, и окончилось награждениями в Вене.

Банкет продолжался и перерастал уже в самую веселую фазу. Кто-то заказал ресторанному оркестру играть русскую музыку без перерыва, и после Катюши вдруг послышалась мелодия Варяга. Шум за столом постепенно стих, и у всех однополчан перед глазами встала одна и та же картина...

... И ставший вдруг враждебным Океан. И свинцовые волны, несущие в себе неминуемость. И силуэты чужих кораблей. И мрачный морпех, сплюнувший в иллюминатор и объяснивший нам сухопутным, что те разноцветные флажки над вражескими кораблями, означают приказ "приготовить судно к досмотру". И то, что все мы знаем, хотя не показываем вида, что сейчас в данную

минуту, в каком-то дальнем отсеке или каюте нашего корабля, кто-то из тех, кому это поручено, держит палец на кнопке взрывной машинки и ждет неизбежного. И вдруг грозные фрегаты врага отворачивают, дают полный ход и, поджав хвосты, уходят в сторону... А мы, вопреки всем приказам, высыпав на палубу, со слезами на глазах и срывая глотки, орём "Варяга", а из-за размытого горизонта надежно и мощно выдвигаются серые силуэты Имперских кораблей.

Сэр Эдмунд Чарлз Ричард Смайт, пятый граф Гетиленд, получил за героизм при выполнении служебных обязанностей Знак Ордена Британской Империи, вышел в отставку и поселился в своем Валлийском имении. Никогда больше он не ездил за границу. Его периодически приглашали на официальные мероприятия в посольства различных государств, но в посольство Германии он не ездил никогда. И еще в дипломатических кругах обратили внимание на то, что граф стал очень хорошо относиться к полякам, правда, считал, что они несколько невоздержанны в еде. Если бы Сэра Смайта попросили описать типичного поляка, то он изобразил бы Арканю, который сидел на капоте Доджа, обжираясь вареными курами числом две штуки.

Наполеон Третий, Змей Горыныч, Старшина Тарасюк и другие жители Земли.

(Фантазия на тему Африканских снов V)

*Зачем учили нас летать
На поршневой унылой тяге?
Не доросли ведь до небес
Мы сухопутные бродяги.
Нам ближе дизель и броня,
Чем весь эфир высотных ветров.
Не нужен в танке парашют,
Считают клиренс в сантиметрах.
Любого ероплана нам
Милей засада в капонире.
Так нет, подняли в небеса
И вот висишь как муха в тире.*

Ода Старшего лейтенанта С. Акимова на занятия по пилотированию самолета Ли-2.

Нет ничего хуже, чем отвлекать на себя противника. Оторваться нельзя, разгромить тоже нельзя, ну, и попадаться тем более нельзя. Как говорил на лекции по одному известному, но не поименованному предмету, полковник Терешкин: "...в этом варианте операции прикрытия необходимо постоянно обозначать свое присутствие, постоянно сохраняя у противника ощущение, что он вот-вот вас обнаружит...". Этот заштатный городок нельзя было назвать даже дырой. Хотя две достопримечательности у него были - аэродром и памятник Наполеону III. Теперь появилась и третья: очередной беглый кандидат в президенты со своей бандой, занявший половину городка. Другую половину, что характерно, держали силы, преданные легитимному главе государства. А вокруг города по обыкновению кишели всевозможные формирования, ловившие свой бутерброд с икрой в мутной воде Гражданской войны. В этой ситуации мы должны были строго по графику устраивать в определенных местах отвлекуху, чтобы кому-то было легче работать.

Тарасюк крутился вокруг Командира и преданно заглядывал ему в глаза, но в ответ слышал только короткие матерные тирады. Таракан предусмотрительно ускользнул на наблюдательный пункт и утащил с собой честного Арканю, а старшина остался крайним. Троица веселых соратников намеренно несколько переусердствовала. Барон приказал им пошуметь на шоссе N17. По дороге Тарасюк где-то надыбал пару шишариков, набитых комплектами к "Змеям Горынычам", а скомплектовать и запустить все это для Русских умельцев было пару пустяков. Так что, когда батальон Леопардоголовых вылез из грузовиков с тем, чтобы оправиться и закурить, на несчастных гвардейцев обрушились ревущие огненные монстры, пуляющие в стороны отрывающимися на лету маршевыми ракетами. И когда все это стало взрываться уже на земле, то уцелевшие преторианцы дали третью космическую в направлении всех сторон света. Слухи, которые пошли об этом "шуме", настолько накалили обстановку, что часовые любых формирований открывали теперь огонь на любой шорох даже днем. А тут подошло время отходить в заданный район, естественно, предварительно еще раз слегка шумнув напоследок... На задание, естественно, направили штрафника Тарасюка. Нужно было устроить взрыв перед зданием местной комендатуры, без жертв, но чтобы у местных альгвазилов не было даже мысли о погоне за нашими подопечными. Все были готовы к маршу и ждали только Тарасюка. В центре города, что-то не тихо бабахнуло, началась паническая стрельба, распространившаяся по всему населенному пункту, и через пять минут к заколоченному и полусгоревшему складу, служившему нам

убежищем, ревя изношенным движком, подкатил старенький ситроен с Тарасюком, заgrimированным под типичного банту. Доложив о выполнении задания, старшина присоединился к сборам нашей маленькой армии, проявляя нарочитый энтузиазм, причем стараясь держаться подальше от командира. Жертвой подрывника Тарасюка стал памятник Наполеону III, чудом сохранившийся на главной площади. Место было выбрано удачно, и помимо близости комендатуры и прочих присутствий паники прибавляла абсолютная непонятность данной акции, и действительно ... кому нужен чугунный Шарль Луи Наполеон Бонапарт, и тем более - кому нужно было его взрывать. Потом ситуация весьма осложнится, но об этом позже.

А пока о талантах старшины Тарасюка, как сапера. О том, что наш старшина, що не обміняє, то надкусить, а потім все одно обміняє, уже было поведено выше, но сейчас разговор идет о его саперных навыках. Тарасюк был ассом взрывного дела. Был случай, когда в рамках строительства Социализма, в одной отдельно взятой, но далекой стране, надо было выполнить три задачи в одном флаконе: не допустить переброски резервов, вывести из строя подвижной состав и перерезать единственную "железку" в данной местности. Тарасюк взял на себя техническую сторону операции и блестяще ее обеспечил. Из алюминиевых кастрюль, ржавой окалины и еще ряда ингредиентов он сделал несколько термитных мин виде кусков угля, и подкинул их в тендер одного из двух имеющихся в местном депо паровозов, причем, в цистерне заминированного паровоза он разместил пластиковые емкости с бензином, закупоренные кусками льда, добытыми в холодильнике вокзального ресторанчика. На втором паровозе, с прицепленной парой вагонов, отряд местных товарищей и братские мы, проследовали до моста над ущельем, который Тарасюк заминировал уже обычной взрывчаткой. Когда погоня на всех парах приблизилась, и мы до конца насладились очень эффектным взрывом локомотива, старшина поднял на воздух мост с последним в этой местности паровозом. В результате, прислужники мирового империализма были лишены маневра и заблокированы, а наши, естественно, победили. Вообще, надо отдать должное Империалистам: у них было чему поучиться. Например, упрощенным системам обучения специалистов по ряду ВУС. И действительно, зачем, скажем, летчику знать устройство движка до винтика? Если самолет собьют, то он его все равно не починит, а тратить сотни часов на ненужные знания явно не функционально. Наш генерал был в большой дружбе с соседним генералом летуном и за ящик коньяку сподобил его провести для ряда наших курсантов экспресс-курс занятий по летной подготовке. Двадцать взлетов и посадок на Ли-2 и никаких изучений матчасти, только грубый пилотаж. И ведь пригодились...

Был получен сигнал о том, что операцию прикрытия можно сворачивать. Тарасюк предложил несколько неожиданное направление отхода, и Барон прикинув, что для противника оно будет тем более неожиданным, согласился. Проехав через сожженный поселок, два Ситроена с группой выехали на довольно обширное поле, на краю которого стояло нечто вроде ангара. Тарасюк с Арканей и еще двумя ребятами открыли ворота, и всеобщему взору предстал старый добрый Дуглас, что в переводе на родную мову, означает Ли-2. Где старшина его надыбал, спрашивать было бессмысленно, но судя по эмблемам республики, это был сгоревший месяц назад личный самолет местного президента. Взлет прошел весьма удачно, то есть ни во что не врезались, Аким благодушно разорялся на тему отсутствия ПВО в данной местности, а Таракан мучил рацию на предмет приема местных и не очень новостей. Внезапно он прижал к ушам наушники, и его обычно бесстрастное лицо стало выражать всевозможные эмоции. Замахав руками, Таракан стал переводить сообщение правительственной радиостанции. Сообщение гласило, что в городе Нола неизвестная право-левацкая группировка уже несколько месяцев проводит политику террора и дестабилизации. И в качестве апофеоза своей деятельности похитила секретаря посольства одной из европейских держав и взорвала памятник Императору Наполеону III, оставив на пьедестале разрушенного раритета удивительную по цинизму надпись «Vive le general Galliffet! Des aristocrates pour la pique!». Учитывая что эту фразу Таракан прочитал по-французски, первым начал хохотать Арканя, ну, а после перевода хохотали все кроме Тарасюка. А когда Арканя, давась от хохота, сообщил, что перед выходом на задание Тарасюк уточнял у него, кто командовал Версальцами и какой был главный лозунг у французских революционеров, у народа началась буквально истерика, и сам бедный Дуглас пару раз клюнул носом, потому что у рыдающего от смеха Барона штурвал ходил в руках ходуном. Лет пять после этого, при каждом удобном случае старшине Тарасюку дарили книжки по истории Французской революции и почему-то Гавроша Виктора Гюго.

«Vive le general Galliffet! Des aristocrates pour la pique!» переводится следующим образом: «Да здравствует генерал Галифе! Аристократов на пику!»

А посадку произвели только с третьего захода, но даже не сломали шасси.

МИНОМЕТЫ И ДЕВСТВЕННИЦЫ, КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИСТИКИ

(Фантазия на тему Африканских снов VI)

Из миномета можно вести стрельбу как по открытым целям, так и по целям, находящимся за укрытиями. Особенно губителен для противника массированный огонь минометов.

Из инструкции НКО СССР 1943 г.

И опять дорога. Красная земля, красная пыль, летящая из-под гусениц Мэтлов, из-под колес БРДМов и Шишариков, красные от недосыпа глаза, набивший оскомину пейзаж и бессчетные километры позади, и, что не маловажное, впереди. Любая война состоит на девяносто процентов из логистики и тяжелой работы, а сам переход от работы к бою весьма скоротечен и незаметен, и минута там кажется иногда длиннее часа. Так один человек сидит десятилетия, а другой за несколько секунд.

Так случилось и сейчас. Залп из зарослей, наш ответный огонь, вовремя развернутые Акимом минометы, который очень удачно накрыли ядро, готовящегося к атаке отряда инсургентов, имитация контратаки, еще три залпа 82-миллиметровых мин, и все в шоколаде. На всё про всё ушло двадцать две минуты. В данном случае все решили минометы, и заслуга в этом целиком принадлежала одному пожилому артиллерийскому капитану. Капитан этот был из племени «вечных капитанов», у него было среднее военное образование, и в армии он держался только потому, что когда-то воевал вместе с нашим генералом. Капитан был энтузиастом минометной стрельбы и искренне ненавидел современную методику обучения. Он разработал свою систему, благодаря которой за две недели можно было гарантированно обучить минометные расчеты.

Генерал позволил ему экспериментировать, но только с добровольцами, и в добровольцы попал наш взвод. Мы самоназвались "Отдельной Гвардейской минометной батареей имени Капитана Блинова" и пошла работа. Ребята загорелись идеей капитана, и не жалели сил и личного времени. Мы очень старались, но профессиональные артиллеристы относились к нашей программе скептически, и когда нас возили на полигон минометной учебки, все

местные бомбометчики смотрели на нас с иронией, смешанной с презрением. Тем не менее, когда нашу «молодую» батарею выставили на показательные стрельбы, в соперники нам, на всякий случай, выделили сержантскую учебную батарею, но мы всеравно умыли их и по времени развертывания батареи, и по меткости, и по скорострельности. Капитана после этого быстренько уволили из войск, и действительно... Ведь не может какой-то капитанишка быть умнее кучи генералов из ГАУ. А Аким после этого влюбился в минометы, и при каждом удобном случае с наслаждением и мастерски стрелял из этого вида оружия. Каждый раз, накануне его Дня рождения, а так же других праздников (включая Восьмое марта), кто-нибудь к месту и без того обязательно заявлял: "А Акиму подарим миномет".

Но вернемся к нашему бою. Подсчитанные потери были небольшими по количеству, но невосполнимыми по качеству... Погибли все три местных проводника, и это очень осложняло наше дальнейшее путешествие. Местность эта, сейчас весьма малонаселенная, когда-то кишела рудознатцами и прочими шахтерами, но ввиду войн и революций многие населенные пункты опустели. Белые уехали в Европу, местные рабочие расползлись по родным стойбищам, и в результате тут остались только десятки брошенных поселков, сотни километров, неуказанных на картах дорог, некоторое количество местного коренного населения и энное количество мелких вооруженных формирований различных оттенков. А колонна должна была прибыть точно в срок, в расположение некоего царька, выбравшего путь построения Социализма, и ехали мы, естественно, не пустыми. На старой Португальской карте, километрах в 20 от места нашей дислокации, была обозначена большая деревня, бывшая по совместительству столицей какого-то племени народности овимбунду. Туда поехала делегация (она же - передовой дозор) на шишарике и БРДМе, в переводчиках там был Таракан, командовал, естественно, Барон, для торга по цене услуг был привлечен Старшина Тарасюк, а на случай проведения дипломатии канонерок взяли Акима и Арканю. Как сказал Борька, раздосадованный, что мы едем без него: "Выбор состава Мирной делегации ясен: Акима взяли за то, что он лучше всех стреляет из миномета, а Арканю потому, что он самый красивый". По дороге нас пару раз обстреливали, так что скорость держали максимально возможную, и тут впереди показался достаточно приличный мост через небольшую речушку, и все бы хорошо, но... На мосту находился местный пейзаин с чем-то вроде коровы. Домашнее животное и его верный хозяин находились примерно по середине моста, и, учитывая нашу скорость, деваться ему было некуда. И тут африканский колхозник стал выталкивать несчастную животину с моста прямо в речку, а потом прыгнул за

ней и сам. Когда мы проезжали мимо плавающих в мутно-бурой воде местных обитателей, Таракан проворчал: " Герасим, блин... ", - а Аким пафосно произнес: "Так не доставайся же ты никому".

Переговоры протекали в классическом стиле. Вождь, очень похожий на актера Омара Шарифа, намазанного гуталином, запросил за предоставление проводников больше, чем было у нас в караване грузов и техники. Тарасюк предложил два пустых магазина к Калашу и пять древних трехзарядных французенок, модели Лебель-Бертье. Вождь почувствовал родственную душу и самозабвенно предался торгу. Высокие договаривающиеся стороны, перемежая лесть и оскорбления, медленно, но верно продвигались к консенсусу, но тут все чуть не испортил Таракан. Он решил, что пора выпускать Арканю. Лейтенанту самому надоело сидеть под брезентом, и он с грацией бегемота, прошедшего школу молодого бойца в ВДВ, выпрыгнул из коробочки через верх, вызвав своим появлением панику у всех селян, кроме вождя. Местная реинкарнация Омара Шарифа пришла в невообразимое возбуждение и выдала длиннейшую фразу, сопровождаемую улыбками и прочими выражениями положительных эмоций. Таракан внезапно стал заваливаться на бок и со стоном рухнул на землю. Мы схватились за автоматы, подозревая, что капитана угостили отравленной стрелой, но оказалось что это не действие яда, а приступ смеха. Вытирая слезы, Таракан перевел нам, что вождь дает трех проводников, пять связок вяленого мяса, тяжелый пулемет с тремя БК, своего домашнего броненосца и четырех девственниц... и все это за Арканю. Несколько минут большинство нашей команды было абсолютно небоеспособно, ибо трудно воевать, рыдая и корчась от смеха. Не смеялся только Тарасюк. По его расстроенному лицу было видно, что дай ему волю, то за такой востребованный товар как Арканя, он пустил бы по миру все это племя, но старшина знал, что командир вряд ли на это пойдет, о чем и загрустил. Торг через время закончился, и старшина страшно отомстил капитану Тараканову. Тарасюк коварно согласился на то, чтобы любимый берет Таракана перешел во владение младшей жены вождя. До самого нашего отъезда вождь не терял надежды, и напоследок попросил передать Аркане, что если он останется, то будет назначен военным вождем и получит пятерых жен и отдельный кораль, но к грусти вождя, Советико офицеро был облик морале! Барон, который по живости характера и гипертрофированному чувству юмора, таких подстав не пропускал из принципа, пробормотал как будто в сторону:

- Совсем озверел Черный Абдулла. Мало ему четырех девственниц, так ему еще и пять жен подавай. Все парторгу расскажу.

Итак, наша колонна двинулась дальше, и километров через сто между проводниками и Бароном возник спор. Проводник хотел резко отклониться от директрисы, хотя каких-то препятствий типа гор, болот, пропастей и взорванных переправ впереди не наблюдалось, но проводники были непреклонны. Это чужая территория, сказали они, и каждый, кто туда вторгается, подвергается Песка. Что такое Песка они не могли или не хотели объяснять, а ведь в Африке разной жути хватало, и не только человеческой... И те, кто не относился к этому серьезно, позднее весьма об этом жалели, если конечно успевали.

Но делать крюк было некогда, и мы решили рискнуть. Несколько километров все было спокойно, не считая десятка другого скелетов, привязанных к столбам, а потом показалась вполне реальная застава. Дорога пересекала небольшую деревушку, вернее, деревушка, судя по всему, появилась возле дороги, на это указывали ржавые останки заправки и площадь с остатками явно заброшенных прилавков, не заброшенным выглядел только местный аналог лобного места... Десяток низких виселиц, на большинстве из которых пребывали людские тела в разных степенях целостности. Судя по всему, несчастных, сразу после подвешивания, зверски пытали, причем палачи делали длину веревок такой, чтобы их жертвы не задыхались сразу. Шишарик с брезентовым кунгом, но открытой кабиной, медленно въехал на площадь, а из-под навеса самой большой хижины вышла живописная группа. Возглавлял ее здоровенный негр в красной ливрее швейцара на голое тело и засаленной офицерской фуражке. В одной руке он держал саблю, в другой двадцатизарядный бразильский маузер. Его свита была в более-менее привычной для здешних мест и данного времени амуниции, кроме двоих мордovorотов... Мало того, что они были в касках, что даже для кафра было дискомфортно в этом климате, оба этих стражника держали в руках удилища, причем явно от дорогих спиннингов. Сидевший рядом с Тараканом проводник стал пепельным, и в ответ на удивленный взгляд Таракана, прохрипел: «Песка». В голове у капитана как щелкнуло. «Pesca по-португальски означает удочка. Значит, несчастных пленников засекают до смерти удилищами от спиннингов... Интересные обычаи в этих местах, этнографы были бы в восторге. А "шестидесятшестой" стал вдруг газовать мотором, и красномундирнику пришлось подойти поближе. Таракан, не выключая ревущего движка, выпрыгнул из кабины, чтобы услышать всевозможные наглые предложения типа - всем выйти из машины, сложить оружие и тогда их, возможно, убьют сразу, без подвергания испытанием Пеской. Таракан покладисто кивнул, отдал честь и без всякого перехода вмазал местному командующему в поддых, и добавил ребром ладони по уху. Над кузовом шишарика взлетел брезент, и короткие очереди Калашей

прошили команду экзекуторов, а на площадь уже въезжали бронемашины авангарда, в нетерпении поводя стволами пулеметов. За перегазовками шишарика их появление было для противника полной неожиданностью, как и было изначально задумано.

Типа в красной ливрее звали Мата, и он был местным начальником узурпировавшим власть в целом районе. Ему повезло, что крупные формирования сюда не заходили, основные разборки шли западнее и южнее этих мест, и Мата от безнаказанности закусил удила. Каким-то образом, к нему в руки попала заблудившаяся партия товаров для рыболовного магазина, и бывший дознаватель DGS придумал изощренную пытку Пеской. Дальше все было просто... Мату посадили в кабину головной машины и всю дорогу, что мы проделали по району, контролируемому его бандой, он был нашим пропуском, а потом мы подарили его на прощание нашим проводникам, - было у них в глазах такое желание.

Ну, а задание мы выполнили, и дело наше было правым, и враг был разбит, и мы победили. Царек, уверовавший в учение Карла Маркса, получил свое оружие, и через несколько месяцев благополучно был перекуплен ЦРУ. А у Аркани появилось новое прозвище - Черный Абдулла. И долго еще его донимали вопросами, мол, где твои жены.

Жалее страшно.

ПОДЗЕМНЫЕ И МОРСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

(Фантазия на тему Африканских снов VII)

Какой дурак придумал набы?

Да! Тут уют и красота.

Зато здесь нету сушек с солью,

И жигулевского пивка.

Из оды Старшего лейтенанта Акимова
На посещение Лондонского Паба

Западная Европа загнивала в том году на своем обычном уровне. Чистые улицы, потоки разноцветных неимоверно шикарных, с нашей точки зрения, авто, сверкающие витрины магазинов, сотни наименований легких, средних и тяжелых спиртных напитков, веселые и безмятежные лица местного населения. Да-а-а-а... Правильно наше Ленинское ЦК организовало Железный занавес, а

то ведь на неокрепшие умы это изобилие могло бы неадекватно подействовать, как, впрочем, и на окрепшие. Когда инструктор провинциального райкома КПСС, включенная в зарубежную тургруппу за преданность идеалам, попала во вражеский универсам и увидела местное изобилие, то она уже напряглась, ну, а в колбасном отделе у нее началась форменная истерика. Пожилую девушку срочно отправили в Союз, а сопровождающий группу атташе по культуре объяснил сбежавшемуся персоналу магазина, что данную реакцию у Фрау из России вызвала жалость к местному пролетариату, имевшему столь бедный ассортимент продуктов, в отличие от того, чем питаются жители родного ей поселка Задрюченск.

Группа Южноафриканских биологов, прибывших на международный конгресс, вела себя в магазинах гораздо спокойнее, а их, несвойственный для Острова, загар не сильно бросался в глаза в столице Содружества. Местные службы, имеющие отношение и облеченные доверием, убедились, что пятерка буров не имеет никакого отношения к закупкам оружия, оптовым продажам крюгеррандов и поискам Атомных секретов, и к концу Конференции сняла с них наблюдение, а зря... Как только местные Бонды сняли колпак, великолепная пятерка приступила к выполнению основного задания и отнюдь не для SAS Боты. На самом деле их было семеро, но Барон и Аким действовали отдельно, осуществляя поддержку и отвлекающие маневры. Они числились при Советском павильоне Строительной выставки, младшими демонстраторами и вели себя нарочито глупо и подозрительно. Во время первой рекогносцировки группы они прямо в рабочих комбинезонах отправились бродить по городу, но с таким подозрительным видом, что за ними увязалась половина местных Джеймс Бондов. Барон и Аким нагло зашли в садик возле какого-то частного владения и стали подозрительно там барражировать. Когда к ним подошел полисмен и поинтересовался о том, что джентльмены тут делают, Аким вместо того, что бы сказать, как было оговорено заранее - *Guard of environment* (Охрана окружающей среды), залюбовавшись на цветы, гордо произнес - *Guard of gladioluses, Sir!* (Охрана гладиолусов, сэръ!), полисмен отдал честь и удалился почти строевым шагом, (почему Аким сказал именно так, вы поймете немного позже).

Дальше было еще интересней... Согласно плану операции, на банкете у французов, даваемом по поводу Дня Бастилии, нужно было засветить одного латинуса, публично передав ему абсолютно бессмысленную шифровку и этим окончательно замутить местных альгвазилов и спровоцировать их на еще более пристальное внимание к Барону и Акиму. Но получилось как всегда... На приеме

у Французов Барон, активно не избегавший фуршета, пригласил на танец улыбнувшуюся ему девушку и с этой секунды они стали центром внимания всей публики. Аким в это время, выполняя все пункты плана, подошел к парагвайцу и, улыбаясь, как удав Каа бандерлогу, подарил латиносу маленькую шоколадку, в которой была заныкана никому не нужная, по большому счету, шифровка, оной вовсе и не являющейся. На бумажном прямоугольнике размером с визитку был напечатан один из перлов Акима. Аким получил задание сотворить нечто настолько глубокомысленно-идиотское, чтобы свести с ума не меньше дюжины криптографов. И Аким выдал:

*Собака охраняла гладиолус,
И радостно собаке было жить.
Есть в жизни цель, и это превосходно.
Давайте с милым гладиолусом дружить.*

Латинос рассеянно принял презент, и, когда Аким отошел в сторону, пожал плечами и бросил шоколадку на поднос проходящего мимо официанта. Самое смешное, что никто этих перетрубаций не заметил, все секьюрити и альгвазилы смотрели на танцующего Барона, и дело было вовсе не в его па и не в какой-то особенной элегантности и пластичности его партнерши, а в личности молодой Леди. Эта была какая-то из дальних родственниц Виндзоров, бывшая тут инкогнито и поэтому вызывавшая всеобщий интерес, и, в первую очередь, интерес служб имеющих отношение... Надо отметить, что Барон от злости на то, что ему не пришлось участвовать в основной части акции, неоднократно был замечен возле будки, где выдавался джин с тоником. После каждого танца он подводил туда свою даму, которая тоже охотно потребляла данный напиток. Финал был типично наш. Влюбленных разлучили общими силами сотрудники безопасности Альбиона и товарищи в штатском из Советского посольства. Послу в этот же вечер пришла пачка доносов о неприличном поведении гражданина СССР на международном мероприятии. Единственный посольский чин, который знал о реальной миссии Барона и Акима, на тот момент отсутствовал. Аким притворился собственным дублем и избежал репрессий. А Барона рано утром этапировали в Москву и, единственно, что хоть немного его утешало, с пересадкой в Парижском Орли. Так что финал операции прошел без него.

Наблюдаемый «объект» жил в собственном особняке на границе Кенсингтона и Белгравии, но у него была еще одно жилище в Уолтхамстоу, рядом с "Собачьим стадионом", до посещения которого он был большой охотник. Нужные нам бумаги были,

наверняка, в Кенсингтоне. У "объекта" было хобби, некая смесь картографии и археологии, и этим он вызвал интерес нашего командования. Мы как раз начали помогать одной стране на жарком побережье и там, где началось строительство базы, обнаружили старинные катакомбы, которые хотелось использовать более функционально. Архивы со схемами данных пещер по ряду причин оказались в собственности "объекта". А по ряду других причин эта информация должна была срочно изъята и доставлена в известное, но не поименованное место. Итак, «Объект» поехал на собачьи бега, прислуга частью получила выходной, а частью поехала с ним. Не растерявший коммунистических идеалов старый мастер коммунального андеграунда дал план коммуникаций этого квартала, и все пошло по накатанной колее. Викторианская канализация же была настолько чище обычной, насколько натертый паркет бывает чище проселочной дороги. Так что, никто даже ни в чем не испачкался. Расписание дежурных обходов у ребят было, проникнуть из коллектора в подвал нужного дома было элементарно, сигнализация в те времена ставилась исключительно на двери и окна, нужный кабинет и нужный шкаф нашли быстро, и нужные документы изъяли без проблем, но потери, тем не менее, были. В этом доме тоже обитал Шоколадный Британец, причем с таким же характером, как и у Арканиного зверя. Когда Таракан выходил из кабинета хозяина дома, с грозного Викторианского шкафа-монстра скользнула массивная тень, и, молча, приземлилась на голову капитана. Генка потом говорил, что такой органичной смеси русского мата и британского кошачьего мява он не слышал никогда в жизни. Отряд стал отступать к подвальной лестнице, и пока ребята не захлопнули за собой дверь, верное животное беспрестанно их атаковало, пытаясь каждый раз выцелить исключительно Таракана. Уже когда группа быстро продвигалась по тоннелю, Таракан переплюнул Брема, выдав новый термин по классу кошачьих - «Кошка Баскервилей», что, учитывая его поцарапанное лицо, было весьма неосторожно... Ибо, когда об этой истории узнал через неделю Барон и увидел еще не зажившие шрамы от кошачьих когтей на лице капитана, он сочувственно похлопал его по плечу и сказал с совершенно серьезным видом:

- Ну, ты у нас прямо Таракан Баскервилей.

После ряда путешествий по воде и по воздуху великолепная семерка прибыла к месту новой дислокации. Многие объекты (на этот раз из бетона, дерева и металла) были почти готовы, но тут пришла беда, откуда её не ждали. Лояльные к развитому Социализму граждане данной "Жаркой прибрежной страны", видимо, для того, чтобы строить Социализм было еще интересней, разделились на две партии (назовем их для разнообразия красно-

оранжевыми и красно-синими). Эти две партии, обрадованные наличием большого количества техники и вооружений, самозабвенно предали себя взаимному уничтожению. Мы прибыли непосредственно к началу разгара. К несчастью для всех нас, в местной столице застрял большой дядя из ЦК, и его надо было срочно эвакуировать, с ним же хотели бежать руководители одной из новых партий, которые с одной стороны, явно, проигрывали, но с другой, - считались легитимными. В центре города бои понемногу затихли ввиду того, что социалистические пейзажи поглотили в процессе Жакерии всю технику друг у друга, а ходить в атаку пешком им почему-то не нравилось. Часть порта еще держали верные нам пока красно-синие, и там стояло судно, на котором и надо было эвакуировать высоких персон с разным цветом кожи. Подлежащие эвакуации персоны находились в местном то ли Смольном, то ли Зимнем. Когда наша группа туда прибыла, состоялась последняя атака красно-оранжевых. Арканя доблестно вел огонь из ДШК, слегка модернизированного местными умельцами, применяя его как ручник. Дядя из ЦК, увидев Арканю с пулеметом, настолько к нему проникся, что, возможно, даже бы усыновил его на условии никогда не расставаться. А у нас встала ломом поперек дороги одна проблема. Фарватер был перекрыт новой береговой батареей, состоящей из нескольких автоматических зениток и четырех 122 мм. гаубиц. Пароходу мимо них было не проскользнуть, авиации и тяжелой артиллерии у синих не было, а имеющимися в наличии силами пехоты батарею было не взять. Так что, единственным «Главным калибром» в этих местах, оказалась наша команда. И тут пригодились привезенные нашей группой схемы подземелий. Был найден ход, ведущий прямо из дворца в древние катакомбы под батареей. Там, оказывается, был когда-то форт, построенный на месте еще более древнего укрепления. Словом, лишнего времени не было, и кроме нас решать вопрос, опять же, было некому. Партийный бонза, рыдая, расстался с Арканей, и темная прохлада подземелья (как образно выразился Аким) жадно проглотила горстку храбрецов. В большом "предбаннике" самого нижнего дворцового уровня со стенами, вырезанными в белом известняке, был назначен сбор группы. Все были навьючены, как лошади, так как Барон приказал помимо взрывчатки взять побольше патронов, но пришедший последним Тарасюк амуниционно переплюнул всех. Помимо полной выкладки, на нем висел ранцевый огнемет, а в руке он держал чемодан. Общественность разделилась на две части... Одна половины прикидывала на то, что старшина выменял огнемет, а другая гадала, а что у него в чемодане. Основная версия следствия осталась за Арканей, который вывел объединенный алгоритм. Когда он заявил, что в чемодане колбаса, все замолкли и стали ждать продолжения. И

он продолжил. Мол, вы слышали, что две недели назад пропал арабский скакун из конюшни имама, так его изъясил Тарасюк, пустил на колбасу, половину колбасы махнул на огнемёт, а другая у него в чемодане. Когда Тарасюк, не обладающий утонченным чувством юмора, обиженно заявил, что две недели назад находился, между прочим, с частью здесь присутствовавших на тендере, болтавшемся в Аденском заливе. Все стали кричать, что они на такие дешёвые отмазки не ловятся, и Старшина попал на пять кило колбасы, но тут раздался грозный рык Барона, и все сразу заткнулись, а старшина рыбкой заскользил на мановение командирского пальца.

Старшина что-то долго говорил на ухо командиру, в процессе чего выражение лица Барона менялось в гамме от расстрела Тарасюка на месте, минуя наряд вне очереди, и переходя на представление старшины к ордену Богдана Хмельницкого. Тарасюк торжественно открыл чемодан, который был наполнен не конской колбасой, а черными коробочками. Это был набор новейших американских радиогарнитур, применявшихся только в ЦРУ и охране президента США. Теперь у нас была связь между собой, что в подобных операциях трудно было переоценить, наш щирый чумака, как всегда, превзошел самого себя. Барон велел всем кроме Тарасюка попрыгать, и назначил порядок движения – Авангард - Таракан и Аким, за ними Барон, Арканя, Генка и Сандро, замыкающими Леня-Переводчик с помощником и Тарасюк. И добавил:

- Старшина, команда "Ложись" является для тебя командой к ведению огня по готовности, а если в твой бачок с огнесмесью попадет пусть даже и шальная пуля, убью.

Леню-Переводчика с помощником нам практически навязали, и кто они такие было понятно, но местные диалекты, в которых путался даже Таракан, они знали, а приказы, как известно, не обсуждаются. Когда Тарасюк достал гарнитуры, непонятным путем попавшие к нему из багажа непонятных советников штаба оранжевых, переводчик сделал охотничью стойку, но поймав на себе недобрые взгляды Барона и Таракана, шмыгнул носом и обиженно заявил, что он не сволочь и все понимает.

Группа уже несколько часов шла по бесконечным тоннелям, которые то пугающе сужались, то раздавались вверх и в ширь, особых приключений пока не было и из живых существ нам встречались только огромные наглые крысы, которые абсолютно нас не боялись, даже тогда, когда безутешный Арканя замахивался на них прикладом пулемета. Барон объяснил, каким изощренным извращениям подвергнется тот, кто выстрелит без команды, и Арканя терпел, и продолжал предаваться горю... у него отобрали, так полюбившийся ему ДШК, и он теперь был вынужден пробавляться заурядным Дегтярем.

Судя по карте, метров через сто должен был быть большой зал, из которого расходилось несколько ходов, в том числе и нужный нам. Барон назначил там привал, но отдохнуть не пришлось... Нарастающий шум показал, что место бивака уже занято. Двое часовых так нанюхались какой-то дряни, что даже Таракан не смог их разговорить, так что пришлось применить визуальную разведку, и оно этого стоило. Наш тоннель выходил в зал почти под потолком, и вид открывался оттуда более чем живописный. Любимый лозунг мародеров и генералов "Кому война, а кому мать родна", действовал тут по полной программе. Бандиты, дервиши, дезертиры, маргиналы всех мастей... Вся эта накипь Гражданской войны пребывала в деловитом кипении. Где-то шел торг, где-то дрались, где-то разбирали тюки с награбленным, где-то предавались наркотической нирване, но в центре зала царил относительный порядок, который охраняло несколько головорезов с новенькими "Али". Сам зал был ярко освещен разномастными электрическими светильниками, к которым тянулась паутина проводов от большого щитка, охраняемого станкачом Веккерса. В центре внимания был экзотический субъект с холеной бородой, который занимался очень важным делом. Перед ним охранники построили полдюжины женщин, одна из которых была явной европейкой, и атаман, судя по всему, выбирал себе пассию на вечер. Деваться было некуда, мы должны были тут пройти, а время поджимало. Барон шепнул в гарнитуру: "Всем к бою, приготовить ноктовизоры, Арканя и Таракан вырубают электричество, потом начинает Тарасюк. Давайте, ребята". Арканя срезал короткой очередью пулеметчиков, а Таракан метнул в сторону электрощита две гранаты. Взрывы и моментально наступившие темнота и тишина были прерваны многоголосым гвалтом, и тут бешеной гадюкой зашипел огнемет старшины, и вопли ужаса волной понеслись по залу. Паника была упорядоченной, так как публика была тертая и привычная к облавам, так что основная масса бросилась к знакомым выходам, только атаман и его охрана предприняли обратные действия. У них зажглось нечто вроде аварийного освещения из факелов, при котором Атаман стал рубить своих неудавшихся пассий устрашающего вида саблей, а охрана попыталась открыть огонь на поражение, но неудачно. Заколотили любимые пушки Барона, две Беретты 93 R. Ударили родные калашы в купе с Арканиным Дегтярем, и поле боя осталось за нами. Заложенный камнем ход в нужное нам ответвление был обнаружен на удивление быстро, и саперы Тарасюк и Аким приступили к своему таинству. И тут, за пять минут до взрыва, из темноты вышел Таракан, тащивший за руку давешнюю европейку из гарема Атамана. Она безумолку восславляла Французских героев, в рядах которых, видимо, оказались все мы. Не успел Барон показать кулак Таракану, как к

парочке кинулся помощник Лени-переводчика. Причитая на чистейшем Нью-Йоркском сленге, он кричал, что безмерно рад видеть землячку, которую, как и его, спасли эти благородные французы. Впрочем, Леня решил для нас эту проблему: девицу, оказавшуюся известной американской журналисткой, в качестве спасителя-проводящего увел наверх Ленин помощник, представившийся ее коллегой. И хорошо, а то жалко бы было девчонку.

Один за другим рвануло три заряда. Один запечатал ход, из которого мы вышли, другой открыл нам дальнейший путь, а третий закрыл за нами калитку. В это же время, два оставшихся на ходу и сохранивших часть боеприпасов танка синих вели по этому району огонь с закрытых позиций, типа для маскировки. Еще через несколько часов стало ясно, что в схему подземелья вкралась ошибка. Мы вышли на необозначенный на плане перекресток, откуда ходы расходились не только в горизонтальные стороны, но и вверх и вниз, а чтобы нам не было скучно - у стены мирно сидел скелет со старинным, густо инкрустированным серебром и камушками ружьем, и целым арсеналом холодного оружия. Тарасюк сразу же прибрал к рукам устрашающего вида кинжал и шлем виде куфии. Как говорила одна юная Леди, «чем дальше, тем страньше и страньше». Разделяться было не функционально, и поэтому Барон, выбрав ход, ведущий в нужном нам направлении, дал отмашку вперед. Ход вел вниз, и был достаточно широким и высоким на всем протяжении. Аким и Леня, с бесшумками наготове, ушли в передовой дозор, они же и обнаружили очередной сюрприз... Тарасюк метался по коридорам, повизгивая и поскуливая от восторга. Бесхозный склад, набитый снарядами, шанцевым инструментом и амуницией, представлялся ему, видимо, одним из районов Эдемских садов. Барон мимоходом пожалел его, сказав одну из своих коронных фраз:

- Успокойся, старшина, все это изобилие для тебя, как чемодан без ручки. Унести тяжело, а бросить жалко.

Обнаруженный нами подземный склад был весьма своеобразным местом. Часть его залов была чем-то вроде древнего храма, посвященного неизвестно кому. На фресках и барельефах были изображены абсолютно непонятные монстры и, что характерно, - ни одного человека. Двери и перегородки, сделанные, судя по всему, в начале XX века, выделялись весьма чужеродными вкраплениями. Везде, где можно, были развешены керосиновые фонари, и часть из них оказалась в рабочем состоянии. Большая часть склада была завалена боеприпасами. Там были снаряды к английским пятидюймовым пушкам и 7,71 мм винтовочные патроны, но нужного в хозяйстве тоже хватало. Не успел Барон удивиться, что

никто до сих пор не наложил лапу на это изобилие, как прибежал запыхавшийся Аким и сказал:

- Там Арканя себе новые игрушки нашел и еще кое-что, но ты, командир, лучше сам глянь, а то там вообще хрень какая-то получается.

И там, действительно, была хрень. В коридоре, в мерцающем свете керосиновых фонарей, стояли два станковых пулемета Виккерса, направленные на в лохмотья расстрелянную деревянную дверь. Из лентоприемников уныло свисали пустые ленты, а пол был усыпан сотнями стреляных пулеметных гильз. Арканя, как наседка над цыплятами, кружил вокруг пулеметов, а Тарасюк, Леня и Таракан выжидающе стояли у двери с автоматами наготове. Барон щелкнул предохранителем Береты (у него, как у курда, патрон был всегда в стволе) и ударом ноги вынес дверь. За дверью была анфилада из трех комнат... В первых двух, кроме канцелярской мебели и каких-то ящичков ничего не было, но зато в третьей вокруг огромного сундука пребывало в различных позах около дюжины мумий в британской униформе времен Первой Мировой войны. Барон, внимательно оглядев зловещий интерьер, скомандовал:

- Все назад. - А в коридоре он сказал Тарасюку: - Чтобы даже близко сюда не подходил, - и добавил для окружающих: - Вы обратили внимание ребята, что на всех предметах в той комнате присутствует пыль, а сундук как новенький? Не хочу разбираться, что там, да и не могу. У нас другое задание.

Совместными усилиями стали разбираться с картой и Леня-Переводчик всех удивил, сказав, что знает, где мы находимся. Лет семьдесят назад, Британцы, строя форт береговой обороны, наткнулись на старинную крепость с огромными подземельями. Их использовали как склады, а потом, во время восстания аборигенов, что-то тут случилось и склады то ли взорвали, то ли замуровали, и больше об этом ничего неизвестно. Но, судя по году выпуска боеприпасов и пулеметов, мы находимся именно в помещениях этих складов, и над нами казематы старой крепости, а еще выше - та самая батарея, которую мы должны нейтрализовать. Ход наверх мы нашли только через два часа. В верхних казематах было только пятеро солдат противника, и на них хватило Таракана и Тарасюка, тем более, что старшина в их раме, увенчанном стальной куфией инкрустированной камнями, произвел среди защитников батареи фурор. Над казематом была зенитная точка из двух Бофорсов. Она господствовала над главной батареей, и это сильно упрощало нашу задачу. Сорокамиллиметровые снаряды смели расчеты батареи двадцатидвухмиллиметровок, пребывавшие в нирване, и мы, зачистив территорию от неожиданных случайностей, приступили к

минированию орудий. Леня-Переводчик связался по радиации со штабом и, после недолгих переговоров, выдал на все окрестности изощреннейшую матерную тираду. В ответ на заинтересованный взгляд Барона Леня ответил:

- Сейчас появится корабль и мы должны его потопить.

И специально для Барона добавил условную фразу, подтверждающую его полномочия.

У Акима был праздник... Сразу после стихов и минометов, старлей больше всего любил артиллерию. Сформировав расчет, он гонял всех до седьмого пота. "А вот это - прицел ОП4М-45, он предназначен специально для стрельбы прямой наводкой", - важно пояснял он, но после рявканья Барона на тему некоторых Акимовых сексуальных пристрастий, старлей занялся делом. Несколько уцелевших артиллеристов, разагитированных Леней-Переводчиком, позволили создать вполне функциональные расчеты, и, по крайней мере, не отвлекать основных специалистов на подноску боеприпасов и зарядание. Пока Аким определялся с наводчиками и директрисами стрельб, вновь обращенные выносили из блиндажей и раскладывали на брезенте снаряды и гильзы с зарядами. Они уважительно косились на Леню-Переводчика, сидевшего в шезлонге с пулеметом, но до дрожи боялись Тарасюка, так и не сменившего свой экзотический головной убор. Фарватер проходил между берегом и небольшим скалистым островком, что сильно упрощало прицеливание, тем более, что бить надо было прямой наводкой. Когда появилась цель, все было готово. Вдоль берега полз старенький пароходик под тысячу регистровых тонн, и, судя по дыму, с трудом выползающему из трубы, с еще более древней, чем он, машиной. Пароходик, судя по всему, выдавал все, что мог по максимуму, и, по расчетам Акима, это было шесть с половиной узлов. Короче, как говорил старина Джером про одну лошадку, «несчастное животное буквально стлалось по земле, оставляя за флагом всех калек и толстых пожилых дам». Аким еще раз лично навел три орудия, (у четвертой гаубицы снаряд зенитки очень удачно разбил замок) и приготовился к ведению огня. Гаркнуло первое орудие, давшее небольшой недолет, затем второе вмазало прямо в район форштевня, а третье умудрилось сбить трубу. Весь покрытый возмущенным матом Аким, (ну как же, у него у профи недолет, а у штафирок попадания), скомандовал беглый огонь, а сам стал класть из своего орудия снаряд за снарядом точно по ватерлинии старого парохода. С пригорка радостно загавкал Бофорс, оседланный Бароном, и капитанский мостик судна расцвел букетами разрывов. Несчастный кораблик завалился, и его повело прямо к островку. Полыхнули клубы пара и дыма от прямого попадания в

паровую машину, и судно беспомощно закачалось на месте. За несколько минут полсотни снарядов буквально растерзали ветерана морей, и на поверхности остались только обломки.

Ну, а как мы оттуда выбирались, это будет совсем другая история о Маугли.

А над Касамбо опять ракетные дожди... (Фантазия на тему Африканских снов VIII)

Папа Мюллер совершенно справедливо говорил, что у начальства много свободного времени на фантазии исключительно ввиду отсутствия у него конкретной работы. В данном случае, продукт фантазий командования пришлось расхлебывать нам. Проблема заключалась в том, что на берегах Касамбо шла очередная войнушка, и у дружественного (на данный момент) Миру Социализма племени основным доводом королей была парочка РСЗО ГРАД. А боеприпасы имеют особенность кончаться, и, причем, в самый неподходящий момент. И, естественно, в том сегменте бассейна Касамбо не нашли более подходящих перевозчиков кроме любимых нас. Ну, а остальные составляющие ситуации, как говорится, - военная тайна. Барон пытался отболтаться, но приказ есть приказ, и, короче, опять очередной анабазис с элементами логистики. После череды пересадок и погрузок, все устаканилось на борту весьма странного плавсредства.

Судя по всему, «Королева Уэйзи» в юности была дебаркадером. Потом на нее поставили пару сараев, увенчав один из них капитанским мостиком, а местный аналог Отца Кабани добавил туда паровую машину с комплексный движителем в виде двух бортовых и одного кормового колес. Короче, «Севрюга» из фильма Волга-Волга может отдыхать. К этому надо добавить пару дюжин турелей установленных, где только можно, и оснащенных целым пулеметным винегретом. А когда после погрузки были проведены мероприятия по маскировке, то по Касамбо начал свое путешествие плавучий зеленый остров, ни чем не отличающийся от сотен ему подобных. Командовал самозваной королевой местных весей мулат с мамашей из племени Лоци, с заурядной внешностью речного пирата, но с экзотическим именем, состоящим практически из одних согласных и шипящих. Аким первый назвал его Капитаном Смоллеттом, и имя прижилось. Плыть несколько дней, притворяясь островом, это достаточно скучно, и, первое время, рутину хоть немного развеивала история с Соколом, приключившаяся накануне.

Вертушки выкинули нас в дикой куче лье от того места, где застряли грузовики с реактивными снарядами. У летунов свои приколы, и нам от точки высадки пришлось чуть не сутки тащиться по джунглям до точки рандеву с грузом. И вот на одном из привалов Сокола укусила какая-то местная мошка, причем, укусила в самое дорогое для него место, и, что характерно, это была не голова. Старлей по гордости промолчал, а когда у него все распухло, разговаривать было уже поздно. Медикаменты были, и процесс был остановлен, но сама «гордость» осталась в очень сильно увеличенном объеме. И когда Сокол в дружественном поселении предался личной гигиене, одна из местных пейзажек обратила внимание на его диспропорции, и уже через полчаса все местное женское население бурно описывало друг другу какой, однако, о-го-го Магуга у белого Мбваны. Местный вождь ужом вился вокруг командира, выясняя останемся ли мы на ночь или на две, и когда Барон решил заподозрить старосту в шпионаже и, от греха подальше, пристрелить, то оный смотря снизу вверх печально-умными глазами старого еврея-бухгалтера, признался в следующем... Что он не шпион, а лучший наш друг, и что данная информация интересует его только ради блага племени, которому нужна свежая кровь, и что если Великий Мбвана Сокол согласится провести ночь с двумя-тремя молодыми вдовами, то и платы за помощь в погрузке не надо, потому что от богатыря с такой статью местные женщины понесут обязательно. Местная речная и прибрежная экзотика всем уже давно приелась, и поэтому Сокола травили всю дорогу. В каюте был найден старый английский атлас, и Таракан с Генкой во всеуслышание стали составлять специальный маршрут Мбваны Сокола для демонстрации и употребления его великого магуги. Сокола спасла только подплывшая к нашему пароходу гиппопотамиха с гиппопотамчиком. Она стала так громко реветь, широко разевая свою устрашающую пасть, что приданный нам советник-артиллерист, находившийся в Африке совсем недавно, заробел и испуганно спросил, мол, чего она хочет. Сокол моментально сориентировался, и мгновенно доложил, что несчастное животное ищет отца своего ребенка. И выдержав паузу, с тем чтобы подогреть интерес, сообщил артиллеристу, что год назад Арканя был тут в командировке и бедная бегемотиха ищет теперь Арканю, чтобы наконец познакомить сына с отцом. Народу шутка понравилась, и все наперебой стали кричать мамаше, что ее муж-изменщик здесь, и о магуге Сокола временно забыли, ну, а потом начались совсем другие развлечения... Уже был вечер, а так как дальше было несколько мелких порогов и в темноте нам там было не пройти, Капитан Смоллетт свернул для ночевки во вроде бы ему ранее известный безопасный рукав, но как только «Королева Уэйзи» в него углубилась, началась свистопляска. Засвистели стрелы, спев похоронный марш двум впередсмотрящим и успевшему завопить вахтенному, вострепавшиеся пулеметчики, предусмотрительно укрытые бронещитками, открыли ответный огонь. Арканя радостно орудовал тяжелым Браунингом М2НВ, и когда из зарослей стали раздаваться

винтовочные и автоматные выстрелы, с мстительной четкостью прошелся по ним свинцовым гребешком пятидесятого калибра. Наш линкор шлепал все дальше и дальше и когда впереди показались две протоки, капитан Смоллетт выбрал, естественно, более широкую, чтобы увеличить скорость и оторваться от противника, который нарисовался уже на двух-трех юрких местных лодках. Скорость дали, пулеметов было много, оторвались с концами, а потом обрушилась Африканская ночь. Сказать, что стало темно, это ничего не сказать. Стало очень темно, и почему-то не было видно звезд. «Королева» встала на якорь, часовые с ноктовизорами заняли посты, и речной конвой затаился в ожидании утра, которое, увы, наступило. Капитан Смоллетт разбудил всех на рассвете своими пронзительными причитаниями, выделяющимися даже на фоне какофонии джунглей. Картина, которую осветил рассвет, была безрадостной. Протока, откуда мы приплыли ночью, исчезла... Только прямо, на против носа «Королевы», гостеприимно блестела открытая вода, правда, направление было не в ту степь, но делать было нечего, и капитан Смоллетт повел судно, как он сам выразился, в никуда. Через несколько часов берега стали шире и все это стало напоминать большую реку, правда, слегка извилистую. Несмотря на то, что солнце поднялось уже достаточно высоко, все ощущали какую-то странную ледяную промозглость, как будто через пулевую пробоину в окне холодный ветер надувал в душу тревогу и, когда мы увидели впереди фермы железнодорожного моста, то сначала никто даже не удивился... Не до этого было. В течение считанных секунд наступили предгрозовые сумерки, явственно зарокотал гром, и только тогда до всех сразу вдруг дошло, что тут вроде не может быть железной дороги. По судну была объявлена тревога, экипаж встрепенулся, предчувствуя опасность, и «Королева», шлепая лопастями заднего колеса и замедляя ход, двинулась к таинственному мосту, ошестинившись на него доброй дюжиной стволов всех калибров. Было ощущение, что мост начинается в облаке зловещего сероватого тумана и уходит в такое же зловеще-унылое марево. Вдруг совершенно внезапно и не издавая никакого шума, из тумана на мост выехал поезд, влекомый старым паровозом. Барон и Капитан Смоллетт одновременно подняли к глазам бинокли, и одновременно произнесли вслух: "Blue Train". Именно это было написано на вагонах поезда – призрака. «Королева Уэйзи», подключив боковые колеса и набирая ход, прошла под мостом и сверху, как будто через вату, был слышан глухой перестук колес. Пароход уже заворачивал во все расширяющуюся протоку, когда мост растаял в воздухе, и снова засияло солнце, и заорали на берегу жители джунглей. По Южной Африке уже лет пятьдесят ходили легенды об одном из первых поездов "Blue Train", исчезнувшем во времена золотой лихорадки, и периодически появляющемся в самых необычных местах: видимо «Королева Уэйзи» в нужное время попала в нужное место. Мы еще четыре часа плыли до Касамбо, и все на судне

продолжали молчать. Ведь не каждый день видишь своими глазами поезд-призрак.

В Касамбо «Королева Уэйзи» вошла неожиданно близко от точки разгрузки, но тут снова наступило тягостное ожидание. Селение одного из племен Лоци было только перевалочной базой, откуда получатели должны были забрать привезенные нами боеприпасы, а оными караванщиками еще и не пахло. Груз и сопровождающий его советник-артиллерист должны были быть переданы начальнику конвоя из рук в руки. Так что нам опять оставалось только ждать. Селение было, собственно, не селением, а прекрасно замаскированной гаванью речных разбойников. Племя, давно оторвавшееся от основной народности, жило глубоко в джунглях, а к реке выходили только на промысел или когда подворачивалась работа типа этой. В прибрежных схронах таились десятки плавсредств: от туземных пирога до прогулочного катера бывшего губернатора провинции. Народец в племени был своеобразный, но гостеприимный. Спиной к ним поворачиваться было нельзя, но пока действовал контракт, местные кафры были вполне лояльны. Тем более, что когда несколько месяцев назад племя повело себя недружелюбно к одной нашей группе, «случайный» вертолет уничтожил один из секретных складов с товаром, принадлежащий пейзамам, и добытый ими на реке непосильным трудом, плюс заодно был выкошен отряд речных буканиров, охраняющий данный склад, и вождь это запомнил. Жестко конечно, но иначе тут нельзя. Как говаривал один сержант «Беретов», на другой стороне Земного шара: «Если хочешь выжить на войне в джунглях, то считай, что каждый, кто приближается к тебе ближе, чем на тридцать футов, желает тебя убить». А один старый Легионер вообще придерживался тенденции: «Если снежок тебе не улыбается, приготовься к неприятностям, ну, а если улыбнулся – стреляй первым»

Во время традиционного праздника, устроенного в нашу честь, были, в том числе, и пляски народностей. Их возглавляла главная жена вождя, дама настолько солидная, что Барон невзирая свое джентльменство, назвал ее самкой Гаргантюа. А Аким, толкнув Тарасюка локтем, сказал:

- Вот бы тебе такую жинку, старшина...

На что Тарасюк, задумчиво проводив взглядом волнующиеся шоколадные тела знойной провинциальной дамы, пробурчал:

- Жинка ничего, тильки больно вертлява.

Праздник был прерван явлением новых действующих лиц. Это была дюжина носильщиков, командир союзного отряда самообороны и раненый компаньерос – это было все, что осталось от конвоя, которому мы должны были сдать снаряды, и новости их были безрадостными. Если бы они принесли такие вести Чингиз Хану, их всех посадили бы на кол, но в XX веке люди более гуманны. Барон ограничился лишь

непереводимыми идиомами из Московского дворового жаргона. А вести были следующие... Скауты грохнули оба ГРАДа, и противник, к которому присоединились еще два племени, группируется в десяти километрах отсюда, и неизвестно куда будет нанесен первый удар, очень может даже что и сюда. Советник-артиллерист заявил, что у него приказ доставить ракеты на батарею и организовать нанесение удара по сосредоточению сил противника, и что он либо выполнит этот приказ, либо пустит себе пулю в висок. Мужик был неплохой, его было жалко, и мы стали думать. Аким занялся понятными только ему расчетами, а Тарасюк, взяв в помощь Генку, Таракана, Сокола и Арканю, занялся ревизией запасов как корабельных, так и береговых.

Муж невесты Тарасюка (так все теперь называли местного вождя) принял самое бурное участие в наших манипуляциях, так как ему очень не понравилась идея переноса национально-освободительной борьбы в родной ареал... То есть, он помогал нам бесплатно и, что особенно ценно, снабжал информацией о передвижениях и местонахождении противника. Не знаю, как это ему удавалось - с помощью рации или тамтамов, но информация была сравнительно точной. В это время наши доморощенные Чоховы и Лепажы из найденных в окрестностях, а также заныканых или выменных по дороге Тарасюком предметов и инструментов, приступили к сбору пускового комплекса РСЗО. Составляющие данного проекта были следующие...

1. Противник находился в реальной зоне поражения нашими ракетами и будет находиться там минимум до завтрашнего утра, так как их отряды захватили деревушку не только вместе с населением, плюс ко всему, ее до сегодняшнего дня пока никто не грабил;
2. Под охраной наших союзников находилась на сохранении склад-база какой-то сбежавшей поисковой конторы, где было полно труб нужного калибра и был даже элементарный станочный парк, включая генераторы с горючкой и электросварку. И уверенная зона поражения начиналась в принципе оттуда.
3. На прошлой стоянке Тарасюк за семь пожарных касок выменял у туземцев сотню новеньких полевых телефонов, а запасливый Советник-артиллерист имел среди груза солидный ЗИП, включая запасные электро-мелочи (в достаточном количестве), так что и с электрозапалами вопрос таки решался.
4. Аким очень хотел пострелять из настоящего ГРАДа, а такой стимул весьма обострил его и без того немаленькие умственные способности.

Проведенное накануне совещание специалистов шло, плавно переходя в склоку и обратно к консенсусу, но при этом почти без мордобоя (в глаз

получил только подвернувшийся под руку местный пейзаин, подошедший выклянчить сигаретку). Советник с Акимом сцепились всерьез, тем более, что каждый из них считал истинным специалистом только себя, а оппонента дилетантом. Советник настаивал на том, что, во-первых, из такой ублюдочной пародии на РСЗО даже такими прекрасными осколочно-фугасный снарядами 9М21ОФ ни попадание, ни накрытие обеспечить невозможно. А, во-вторых, он передумал стреляться. Так как у него есть еще и секретный приказ: в случае невозможности доставки боеприпасов или риска попадания оных в руки противника, снаряды уничтожить. На что Аким с пеной у рта клялся целомудрием «невесты Тарасюка», что легко положит ракеты в квадрат 500 на 500 метров. Тем более, что при стрельбе из «Партизана» у него все получалось. Тарасюк был, естественно, на стороне Акима. Барон прервал полемику, и принял Соломоново решение, суть которого сводилась к следующему. С одной стороны, раз нет ГРАДов, то и доставлять снаряды не к кому, с другой стороны, главный получатель снарядов - это противник, и пока все возможности обрушения на него БК существуют, взрываться рано. Время пока есть, так что давайте попробуем идею Акима. Тем более, особой меткости не надо, ибо десятки реактивных снарядов, падающих с неба, пусть даже и не попав в цель, обязательно дезорганизуют и деструктируют морально любой местное формирование. И работа закипела. Местные грузчики из пейзаин потащили боеприпасы на склад-базу. А оттуда на берег доставили четыре самопальных «Партизана», экстренно изготовленных Акимом. Их переправили через реку и приступили к пристрелке. Надо сказать, что вся конструкция удалась не только благодаря телефонам, надыбанным Тарасюком, но и благодаря его технической сметке. Когда ракета не стала влезать в трубу, то старшина, присмотревшись, выдал следующий перл:

- Там є якась-то чортівня, чи то шпенек, чи то штифт, так якщо її відрізати...

Была еще одна проблема с этим штифтом, который не только был элементом имитирующим нарезку, но и фиксировал ракету до тех пор, пока тяга двигателя не перешагивала полтонны, но и тут Тарасюк решил вопрос с помощью элементарного брезента. Короче, испытания прошли успешно. Рассеивание и точность были на тройку с минусом, но это всех устроило. Как честный человек, замечу, что первая ракета удачно попала в бывший катер губернатора, экипаж которого корректировал учебные стрельбы. Катер героически затонул, а корректировщиков спасло только то, что ракета была без боевой головки.

На рассвете полсотни стволов выпустили первую порцию ракет, через пятнадцать минут уцелевшие установки отправили вдогонку еще две дюжины огненных стрел. Вобщем, опять мы победили... и это правильно. Наша группа отправилась в очередной анабазис, а советнику-артиллеристу его командование объявило выговор без занесения за нарушение инструкций и не буквальное выполнение приказа.

Много лет спустя, во время семейного просмотра фильма BBC про жизнь Африканской фауны, мать и дети не могли понять, почему каждый раз, когда на экране появлялись бегемотихи с маленькими бегемотиками, глава семьи начинал неудержимо хохотать.

А у Сокола сохранилась фотография, где он снялся на фоне прошлогоднего подбитого танка с тремя местными красавицами.

БОЛЬШАЯ ЭВАКУАЦИЯ, БОЛЬШАЯ РЕГАТА, БОЛЬШОЙ ЧЕМОДАН И МА-А-А-ЛЕНЬКИЙ АВТОМАТ УЗИ

(Фантазия на тему Африканских снов IX)

И опять мы уходим. Местные патриоты перестали любить Марксизм и лишний раз подтвердили старую французскую поговорку на тему, что всем без исключения могут нравиться только одни луидоры. Ситуация была самой типичной (типичной, естественно, для тех, в которых обычно участвует наше подразделение). Жили-были несколько тропических островов, три из которых вспыхнули жаждой свободы и независимости, а четвертый остался в лоне Метрополии и, что характерно, в лоне цивилизации тоже. На «свободных» территориях началась обычная грызня за власть, и какое-то время там чуть было не победил социализм, но потом все обошлось, и красным прогрессорам пришлось приступить к эвакуации. Нашу группу, естественно, опять привлекли, и старшина Тарасюк был счастлив, словно ростовщик из старого русского водевиля, которому купец Собакин заложил две тысячи фунтов сургуча за двести рублей, а потом помер. Но розы счастья на ланитах старшины, увы, превратились в пепел печали, после сообщения о том, что сухогруз, в погрузке которого любовно участвовал наш друг, ушёл на Запад без нас. Наши большие начальники по приказу еще более больших начальников отдали нас взаймы другим большим начальникам. А все потому, что хотели как лучше, а получилось как всегда.

Нужно было срочно эвакуировать двух человек и один чемодан. Почему это не сделали раньше, нам, естественно, никто не сообщил. Наши коллеги из параллельного ведомства («Соседи» как мы их называем), и сами могли прекрасно справиться, но у них было мало людей, да и время поджимало. И тут в нужном месте, и в нужное время оказался наш Пожарно-ассенизационный отряд имени взятия Бастилии отрядом Спартака (очередная шутка Акима). Один из живых Объектов был известен в Порт-о-Бутре каждой собаке, и каждая собака хотела его укусить, потому что он, будучи полицейским чином, не отличался

благостностью и гуманизмом к своим соотечественникам. Он прятался в Медине, а в ее паутине узких улочек и переплетении крытых галерей можно было прятаться сколько угодно, но он единственный знал, где спрятан некий чемодан и, опять же, его в любой момент могли узнать. Второй Объект жил в лучшей гостинице на площади Аве-дес-Минстерес, ни от кого не прятался, но очень нервничал, и он единственный знал, как достать этот чемодан без вреда для окружающих. Вот такая складывалась диспозиция. Совещание министров на яхте, вернее, на старом рыбацком баркасе, прошло сравнительно мирно. Тут были профессионалы, у которых был приказ, и это доминировало. Общее мнение было следующим... Надо устроить заваруху (Таракан и Тарасюк сразу оживились), но исключительно мирную... Таракан сразу увял, а Тарасюк не потерял хорошего настроения, так как любая заваруха, чи военная, чи гражданская, давала возможность пополнить запасы, которых ему всегда не хватало, особенно после потери парохода с эвакуированными грузами.

Несколько дней назад, в гостинице Палас, что на площади Аве-дес-Минстерес, был праздник. Приехал Папа Марсель, и по этому поводу все обитатели Порта, кто имел хотя бы дырявый рыбацкий челнок, забывал про все и вся. Как в Испании во времена гражданской войны, на время Корриды прекращались бои, так и в Порт-о-Бутре на время присутствия Папы Марселя забывались любые политические дразги. Папа был сумасшедшим миллионером с азартно-морским уклоном и внешностью Тартарена из Тараскона (включая феску и синие очки). Он мотался по Индийскому океану и устраивал всевозможные дикие регаты, учреждал победителям большие призы, сам принимал в соревнованиях участие и никогда не выигрывал. Больше того... Любой мошенник, подавший идею о каком-либо ранее не слыханном варианте соревнований, сразу осыпался золотым дождем. Местные власти всех мастей и оттенков берегли и лелеяли Папашу Марселя пуще зеницы ока. И понятно: главный источник инвестиций в дохлую экономическую жизнь местных кущей - это даже больше, чем стая куриц, несущих золотые яйца. Местные власти даже закрывали глаза на беспробудное пьянство Папаши и его окружения, хотя местность тут была мусульманская. А личной охране Папаши Марселя, щеголявшей в фесках и красных жилетках, разрешалось при любых режимах ходить по городу с оружием (правда, это были пистолеты или револьверы, но не больше). Папаша имел умопомрачительную коллекцию легкого стрелкового оружия всех времен и народов, которой и вооружал своих преторианцев. В этом же Паласе (назвать гостиницей несколько типичных для Порта старых двухэтажных домиков было бы слишком напыщенно) жил Объект №2. Накануне утром он сообщил через связного, что Папаша Марсель затеял какую-то невообразимую регату, идею которой привнес его новый приятель, разорившийся баронет то ли из

Италии, то ли из Швейцарии. После этой информации схема операция начала приобретать все более четкие черты.

Послеобеденная сиеста даже на войне носит элементы нирваны. После барашка карри, банановой запеканки, горячих чапати, омаров в ванильном соусе и кофе настрой был под стать сентенции великого Джерома о том, что когда мы сыты, то находимся в таком благодушном состоянии, что даже перестаем ненавидеть родственников своей жены. И когда на галерее, где происходил обед, замаячило дегенеративное лицо местного служки Мусафа, все время путающегося у всех под ногами, то в него ни чем не запустили и даже почти не рывкнули. Мусаф, кланяясь и приседая, прошелестел на ухо барону, что к нему пришел какой-то очень ученый человек, возможно даже суфий, который пришёл посмотреть на старинную магрибскую инкубулу с толкованиями сур, которая, как известно, есть у господина. Барон с недовольно-ленивым видом пошел за Мусафом, дав, тем не менее, условный сигнал «общая готовность» и машинально пощупав пистолет, спрятанный сзади за ремнем. Во внутреннем дворике Барона ожидала фигура в цветастом плаще с капюшоном. Это и был новый друг папаши Марсея, но абрисы богатырской фигуры Аркани можно было четко угадать в любой одежде. Арканя доложил, что регата и сопутствующая ей заваруха назначена на вторник. С Арканиной подачи Папаша объявил главным призом морской гонки тысячу фунтов, что для этих мест было целым состоянием, но у морского спринта было береговое продолжение... Участники регаты должны были финишировать, установив на берегу шесты с цветными бунчуками, и если первый установленный шест определял морского победителя, то именно последний шест давал сигнал к началу сухопутного спринта с призом, за который любой местный половозрелый мужчина даст отрубить себе левую руку. Тот, кто, завладев одним из хвостатых шестов, добежит с ним до финиша, получит сумму достаточную для устройства тоираба для Гран-Марьяжа. Гран-Марьяжем в этих диких местах называлась свадьба, когда мужчина был сильно старше невесты, и счастливый жених должен был задавать пир под названием тоираб аж на 18 дней и устраивать еще ряд весьма расходных придамбасов, а иначе нельзя жениться. Так что, кросс гавань - площадь Аве-дес-Минстерес должен был привлечь все население города, включая лежачих больных. Еще появились два подозрительных француза, которые интересуются объектом, но все пока под контролем.

Баронету Аркане фон Монк цур Бюгенс уже пора было идти восвояси, но он, явно, хотел сказать что-то еще ...

- Командир, – проникновенно сказал Арканя. – Ты можешь надо мной смеяться, но я не могу об этом не доложить.

- Я тебя слушаю, – хмуро сказал Барон, не терпящий любых новостей накануне операции.

- У Папаши Марсея есть приятель, зовут его Поль Тамагут, по его словам, он Мальтиец и отставной уорент-офицер Королевской Морской пехоты. Живет он в нашей гостинице, и персона это весьма интересная. На кисти левой руки у него татуировка в виде двух скрещенных мечей и созвездия. А ведь военные моряки из Королевского флота, из Морской пехоты очень скрупулезны в тату, а у этого типа - ни мечи, ни созвездие не имеют аналогов. Далее... он знает все возможные языки, и, вдобавок, с идиомами, обладает воистину парадоксальным зрением вплоть до того, что на горизонте различает флаг судна. Не пьет алкоголя вообще и даже питает к нему отвращение. Как-то при мне случайно отхлебнул пива, так его сразу вырвало. И последнее... мы как-то всей компанией сидели поздним вечером на верхней галерее, и моряки болтали о звездной навигации, так Тамагут в задумчивости назвал Южный Крест «Параксаной». Когда кто-то упомянул об «Угольном мешке», как о туманности, то он зловеще улыбнулся и сказал, что это скорее Анакют рефенльф, а когда его спросили о том, что это значит, объяснил, что на одном из Индийских диалектов это означает «Омут смерти». Командир, я, конечно, не профессор Хиггинс, но и не с Хлопковых полей. Нет, в Индийской фонетике таких звукосочетаний.

Барон хмуро посмотрел на Арканю.

- А больше никаких странностей ты у этого морячка не заметил? – Арканя глубоко задумался, и выдал:

- Сигары курит в затяжку.

- И какие будут выводы, лейтенант?

На что Арканя обижено ответил, что, мол, его дело доложить, а выводы - это удел начальства. Барон еще больше насупился, и дал полный анализ полученной от баронета информации. Во-первых, сказал он, если человек не пьет, это еще ничего не значит. Во-вторых, если даже Таракан с Арканей полиглоты, то почему этого нельзя отставнику из королевского флота. В-третьих, Астрономия - это вообще катахреза, а вот дальностьзоркость и тату - это конечно интересно, но на сегодня для нас не опасно. Твоя задача персональная охрана Объекта 2, вплоть до нашего приезда в день Регаты. В поддержку дам одного из «Соседей». И когда Арканя внял и собирался отчаливать, то Барон поманил его пальцем и смотря прямо в глаза тихо сказал:

- Я знаю, что ты имел в виду, и ты знаешь, что я знаю, но чтобы об этом никто и никогда больше не слышал. А за этим зеленым человечком пока ты тут приглядывай, но докладывать только мне и никаких резких движений. Ты понял?

Арканя, молча и не по уставу, кивнул, и задумчиво удалился.

Итак, Большой Марьяж начался и город обезлюдел. Все население сгрудилось в порту и частично рассосалось вдоль сухопутного маршрута гонок. Все наличные силы полиции были, естественно, тоже там. Транспорт обеспечил Тарасюк. Он договорился накануне со шкипером, привезшим на продажу, два стареньких, но бодрых перекрашенных

полицейских Ситроена, о пробном найме машин на несколько часов. Как потом выяснилось, Тарасюк расплатился со шкипером парой меховых безрукавок, заныканных им у кого-то во время эвакуации. На одном из Ситроенов ободралась бежевая краска, и на старом черном ажанском фоне явственно проглядывал грубо нарисованные серп и молот. Увидев это, Барон сказал усмехнувшись:

- Ребята, нам привет от Парижского пролетариата из 1968 года.

«Соседи» выволокли откуда-то две больших плетеных корзины, и с хлебосольным видом откинули плетеные крышки. В одной из них, блестя смазкой, симпатично мерцали стандартные Узи, в другой были навалены пачки с патронами и пустые магазины. Какое-то время народ дружно занимался неполной разборкой оружия и снаряжением магазинов. Старшина завладел сразу двумя творениями Узи Галя, а магазинов он себе заныкал столько, что ехидный Аким сочувственно похлопав Тарасюка по плечу, выразил сожаление, что старшине будет трудно сидеть в машине, так как, наверняка, он себе и в задницу упрятал как минимум пару магазинов. Мы бодро расселись по фургонам и двинулись по указанным адресам. Связь держали по уоки-токи, благо системы перехвата у островитян пока не было. Наш Ситроен, быстро промчавшийся по пустым улицам, лихо подкатил к гостинице Палас. Перед входом, вольготно расположившись в кресле качалке, лениво курил огромную сигару Поль Тамагут, вертя в руках массивную золотую зажигалку. Не успел Барон на это явление среагировать, как с галереи второго этажа, оставляя шлейф из жаргонизмов Марсельских гаменов, выпал какой-то человек, как жаба шлепнулся на землю и там затих. Через минуту еще один живой болид повторил траекторию первого, но почему-то молча. Аким не выдержал и сказал тихо, чтобы слышали только свои:

- Профессор Плейшнер третий раз выбрасывался из окна. Яд не действовал.

А еще через минуту с галереи выглянуло сердитое лицо Аркани.

- Ну, задолбали эти французики. Решили, что мой друг чего-то должен марсельской мафии и человеческого разговора вообще понимать не хотят. Пришлось пожурить.

Арканя зорко оглядел прилегающие окрестности, и удовлетворенно заметил, что кроме этих двух лягушатников посторонних нет, так что он выводит Объект на улицу. Барон удивленно воззрился на Арканю, потому что тот не мог не видеть Тамагута. Но как странно - и его вообще никто не видел кроме Барона. Инструкция по данной ситуации не имела двойного чтения, но Барон чувствовал, что не сможет не только выстрелить в таинственного уорент-офицера в отставке, но даже достать пистолет. Поль ободряюще подмигнул ему, и устало сказал на чистом московском акающем русском языке: «Не волнуйтесь, майор, я вам не враг, и сегодня все у вас будет в порядке, а ваши самолеты уже разгрузились и вылетают в условленное место».

Арканя уже вывел на улицу своего подопечного, а двое «Соседей» шустро утащили бездыханных марсельцев куда-то за угол. Когда все успокоилось и приняло вполне пристойный вид, на улицу вышел типчик, исполняющий в палате должность портье, и сказал, что у него есть для господ интересная информация, и всего за двадцать франков. Моментажно оказавшийся рядом Тарасюк предложил иной расклад: пять франков и не бить при этом портье по голове. Портье уважительно согласился: видимо, почувствовал родственную душу. А информация была очень интересная и своевременная: на острове высадился чей-то десант, и явно собирается идти на Порт-о-Бутре. Одновременно радист получил условное сообщение, что самолеты через пятнадцать минут совершают посадку в условленном месте. Операция вступала в завершающую фазу и времени как всегда не хватало. Неизвестный противник наступал со стороны южной бухты, чемодан, по традиции местных кладоискателей, был зарыт в пальмовой роще недалеко от убогой местной взлетной полосы. Наши самолеты, а это были три «Каталины» одного Бейрутского деляги, подрабатывающие на всем, включая кино съемки и контрабанду. Сейчас, по бумагам и раскраске, самолеты летели изображать Американские противолодочные патрули времен Второй мировой войны, и поэтому по поводу имели на крыльях и фюзеляжах соответствующую символику. Каталина РВУ-5А тем хороша, что может садиться и на воду, и на сушу. И Барон этим немедленно воспользовался, приказав эскадрилье перелететь из бухты на посадочную полосу. Все участники поисков и эвакуаций благополучно встретились в заданной точке. Объект №1, со своей накладной бородой и плащом дервиша с капюшоном, напоминал то ли Черномора, то ли дядю Мотю с привоза, но, тем не менее, вывел нас точно к месту. Объект №2, попросив всех отойти, ловко дезактивировал мину-ловушку, встроенную в груз, и приглашающее махнул рукой. Чемодан оказался вполне обычным, только очень тяжелым. Аким сразу высказал версию, что, судя по тяжести, там либо золото, либо сало. Тарасюк обиженно сказал, что сало в чемоданах не возят, если только чуть-чуть, а такой чемодан, набитый золотом, без подъемного крана было бы не поднять. Но вид у него был, тем не менее, настолько подозрительно довольный, как будто он поменял пару старых комбезов на половину золотых запасов форта Нокс. Но полемика была прервана приказом выдвигаться к самолетам. Там собрались все действующие лица без исключения, два самолета были выделены «Соседям», Объектам и чемодану, а один, соответственно, нам. Стрельба то затихала, то усиливалась, но заметно приблизилась. Народ заторопился на посадку и три воздушно-морских труженицы, благополучно взлетев, взяли курс на Запад. Тайна Старшины Тарасюка раскрылась тогда, когда наша группа, освоившись в ероплане, решила перекусить. Продуктовые корзины, заготовленные нашим старшиной, были подозрительно тяжелыми, и было от чего... На дне каждой корзины пребывали Узи и снаряженные магазины россыпью.

- И тебе не стыдно, старшина? - с фальшивой укоризной сказал Барон. – Ведь вещи-то чужие...

На что Тарасюк ответил с невинно-обиженным видом:

- Та, товаришу майоре, у них оціх Узі, як насіння у подсолнухі, мабуть не обідніють. А я потім у Китеражо їх на Джип зміню, або на Ленд Ровер.

Из пилотской кабины в салон пролез сам хозяин эскадрильи, при виде продуктивно-оружейного изобилия глаза левантинца заблестели, и он просительно посмотрел на ребят, скорчив умильную физиономию голодного пинчера. Таракан на цветастом арабском пригласил его к импровизированному достархану, а Аким гостеприимно протянул гостю кисть винограда и пустой магазин от бельгийской винтовки FNC. Но ливанец почему-то не обрадовался угощению, и глаза его забегали с еще более невообразимой скоростью, чем обычно. Магазин от «бельгийки» нашел под сиденьем Тарасюк, и теперь нас заинтересовало, а кого это возили на этом самолете накануне. Летучий маронит не выдержал давления и признался... Так как полёт сюда был явным порожняком, он решил немного заработать и взял сюда попутчиков, и эти попутчики были первым эшелонем десанта, который вел бои на Галава-Бич. Признание Бейрутского Остапа было встречено радостным хохотом. Народ уважал остроумные решения. А Узи Тарасюку пригодились совсем по другому поводу, но это опять совсем другая история.

Много лет спустя, солидный мужчина шел по Франкфуртскому аэропорту. Позвонив компаньону, он узнал, что маршрут меняется и надо срочно лететь в Гамбург, где застряли несколько контейнеров с грузом канцелярских товаров для филиала их фирмы в России. Но сначала не мешало перекусить. В переходе между транзитами была небольшая точка с пивом и баварскими сосисками, торговал этой арийской едой турок, но более вкусных сосисок Барон не пробовал нигде. И поэтому, бывая во Франкфурте, он обязательно покупал у янычара в белой куртке кружку местного светлого и пару Баварских сосисок с Баварской же горчицей. И в этот раз он направился к традиционному месту ланча и заказал традиционное меню. Получив свою порцию, Барон не стал садиться, а расположился у стены, ибо достаточно насиделся, перелетая океан. Его внимание привлек мужчина лет сорока, смутно кого-то напоминающий. Незнакомец принял у бармена кружку безалкогольного пива, и лихо выпил ее длинным залпом, а на руке, в которой он держал кружку, явственно обозначилась татуировка в виде непонятного созвездия и двух скрещенных мечей причудливой формы. Поль Тамагут достал из металлического футляра длинную Гавану, уже готовую к употреблению, прикурил от знакомой золотой зажигалки и пошел к эскалатору. Проходя мимо остолбеневшего Барона, он вежливо приподнял шляпу и, сказав, «Ближайший самолет в Гамбург будет через час, не опоздайте, товарищ майор», - растворился в толпе.

До самого Гамбурга экс-майор пытался собрать в единое калейдоскоп из былых и нынешних событий, но у него так ничего и не получилось.

***

Парабеллум, Шекспир и Юнкерс

(Фантазия на тему Африканских снов X)

Задание было почти рутинным. Сопроводить группу этнографов и «товарищей в штатском» к реке Чиумбе. Откуда они шли - было покрыто мглою неизвестности. Под охрану мы их приняли в нейтральной зоне (там было несколько приисков, принадлежащих разным противоборствующим сторонам и военные действия там никогда не велись, причем против нарушителей неписаных правил объединялись все), но дальше путь вел уже через достаточно стрёмные места. Часть маршрута проходила через зону влияния очередного местного фюрера негритюда, у него было море китайских ДШК и, видимо, поэтому вертолеты, как транспорт, отпадали. Впрочем, командованию виднее, и мы воспользовались старой слоновьей тропой, что было достаточно удобно. Так как, с одной стороны, слонов там сейчас не было, то ли из-за войны, то ли вообще не сезон, а всевозможные хищники таких мест избегали: ведь никому не хочется связываться с танками джунглей. Среди этнографов был даже один настоящий профессор этнографии с редкой фамилией Иванов. Он носил очки, демонстративно не ругался матом и хорошо разбирался в местной экзотике. При нем было два обычных ассистента: три ассистента «в штатском» и пять Заирских носильщиков, за ними, естественно, и был главный присмотр. У нас был проводник из местных, знающий все местные тропки. Звался он Трюмо, успел отслужить по контракту в Иностранном Легионе и слыл весьма странным типом. Родом он был откуда-то из-под Камбуло и в Легионе зарабатывал себе на свадьбу, но пока он служил на благо Пятой Республики, невесту отдали за другого. Прозвище Трюмо он, естественно, получил в Легионе за то, что во время зачистки дома расстрелял из автомата свое отражение в трюмо. Именно Трюмо предложил для первой ночевки заброшенный Крааль, где-то в километре от тропы, он же, кстати, и показал слоновью тропу. Мы уже подходили к месту ночной дислокации, когда, как всегда в этих местах, внезапно обрушилась ночь, и сквозь деревья и заросли по курсу нашего движения замерцало непонятное белое пятно, оттуда же слышался какой-то смутно знакомый ритмичный треск. Таракан, Борька и Аким выдвинулись вперед, и через какое-то время вызвали к себе командира.

Барон присоединился к разведке и, взглядевшись сквозь пролом в ограде в Крааля, обалдел... На большой простыне четко маршировали Каппелевцы в черно-белых мундирах, Анка строчила из «Максима» и в который раз мчался в развевающейся бурке Василий Иванович Чапаев. Трещал старенький проектор и чуть громче постукивал генератор. А на площадке тихо сидели десятки солдат и благоговейно смотрели бессмертное творение братьев Васильевых. Волшебная сила искусства, блин. Нам пришлось резко менять место ночлега, потому что союзников тут быть не могло, а кинопристрастия к политической ориентации тут отношения не имели. Во время краха колониализма в Луанде, один сумасшедший киномеханик-эротоман непрерывно крутил по ночам в городском саду Эммануэль, но при этом в революционных позициях оставался тверд.

Новое место ночлега было не таким комфортным, как крааль, но лучше несколько убогих хижин, чем голая земля, пусть даже эти хижины находятся на деревьях и вместо тропинок соединялись между собой висячими плетеными мостками. Нашли этот странный «хуторок» только благодаря Трюмо. Он прекрасно ориентировался в этих местах и не только днем, иногда казалось, что кроме тьмы Африканской ночи он видел как кошка. Под утро, в час собаки, чутко спавшие гвардейцы Барона выскочили на шум ножевого боя. Носильщики сняли часового из «штатских», сторожившего их, и решили вырезать остальных участников экспедиции и все поделить. Нас спасло то, что по давней привычке Барон, помимо общих постов, выставил дополнительный пост по нашему подразделению. От нашей группы дежурил Аким и, хотя предатели успели вырубить Акима дубиной, но напоролась на Трюмо, очень удачно вышедшего по нужде. Несколько минут Трюмо отбивал ножи четырех мерзавцев (одного Аким успел-таки успокоить). И к тому моменту, когда подоспела помощь, он успел нейтрализовать двоих, причем, одного навсегда.

Подавив бунт на борту, «так что сыпалось золото с кружев, с розоватых брабантских манжет», мы приступили к строительству дальнейших планов. Нам нужны были носильщики, потому что тащить четыре тяжелых кофра мы были не в состоянии - своей выкладки хватало. И тут снова помог Трюмо. По его словам, тут недалеко есть деревня, и ее староста помешан на пистолетах и револьверах. После этих слов, Тарасюк стал смотреть на Легионера, как на личного врага, и вот почему... По дороге к точке randevу с этнографами, Тарасюка и Таракана попыталась задержать какая-то местная полиция. Целью негодяев был «Стечкин» Таракана, но так как к разведке подтянулся Арканя, полицаи были поражены и побеждены непосредственно в стенах участка. А в возмещение морального ущерба три мушкетера (в транскрипции Акима это звучало следующим образом – Атос, Портос и Тарасюк), раздраконили у начальника местных альгвазилов любимый сундук с

ручным оружием, которым Арканя и Таракан обвешались сами и щедро поделились с друзьями. Только Тарасюк ничем не обвешался и ни с кем не поделился, хотя рюкзак его ошутимо потяжелел.

- Все ясно, – сказал Барон. – Выкладывайте все нештатные пистолеты, будем производить обмен.

При этих словах, лицо старшины Тарасюка приняло абсолютно невинное выражение. Такое лицо могло быть у юной гимназистки, которую попросили описать восьмую позицию Камасутры. Судя по округлившимся глазам и приоткрытому рту, наш милейший старшина никогда в жизни ни то, что не видел ни одного неуставного ствола, но и слова такого – пистолет - не знал.

Но Барон посмотрел на Тарасюка одним из своих «ласковых» взглядов, после которого у наблюдаемого было только два варианта... Либо немедленно выполнить приказ, либо застрелиться на месте. Тяжело вздыхая, Тарасюк вытащил из рюкзака штурмовой Люгер с «улиткой» и Browning High Power в деревянной кобуре.

Кстати, о невинном взгляде Тарасюка... Как у любого нормального хозяйственника, у старшины имелась заначка с огненной водой. Один его коллега из камарадос постоянно крутился кругом Тарасюка, и в процессе всевозможных гешефтов, естественно, интересовался, а чего там есть еще в заначках. Естественно, что канистра, отмеченная красным крестом, вызвала бурный интерес у коллеги, и старшина, сделав абсолютно невинное лицо, пояснил, что в канистре - чудодейственное лекарство под названием «Русская валерьянка», которое при разбавлении водой и без оной снимает любые стрессы, но только объемом не меньше пинты и только у Русских... Другие же нации, увы, лишены этого чуда и более того, этот настой для них вреден и опасен. Камарадос, будучи личностью той же породы, что и старшина, не поверил в избирательную пользу «Русской валерианы» и, улучив момент, когда Тарасюк что-то отвечивал и отсчитывал, прокрался к заветной емкости, налил от души в припасенную кружку и от души же принял. Только очень плохо знающий старшину Тарасюка человек мог бы поверить в то, что кто-либо сможет прокрасться к заветной канистре без разрешения. У старшины было две заветных емкости, абсолютно идентичных снаружи. В одной из них был спирт для внутреннего употребления, а в другой зеленка для внешнего предъявления. И отгадайте, откуда махнул полную кружку несчастный камарадос... ПРАВИЛЬНО! Беднягу еле откачали, а на наших стали смотреть еще с большим уважением, чем до того.

Но вернемся к нашей экспедиции. Группа была сформирована следующим образом... Таракан, Тарасюк и Трюмо - Торговая делегация, Аким с любимой «Француженкой» FR - F1 и Арканя с пулеметом – прикрытие. Французскую снайперку Аким приобрел чисто случайно.

Находясь в районе боевых действий, он и Тарасюк ждали важный пакет для передачи по назначению, и ждать пришлось несколько дней. И тут, в этих местах, появился снайпер противника, мало того, что весьма успешный, но и с известной долей цинизма – он бил свои цели исключительно в левый глаз. Из штаба прислали группу из пяти свежесобученных снайперов с новенькими СВД, плюс инструктора - типа на практику. В группе было две девушки, и в первый же день одна из них получает пулю, естественно, в левый глаз. Рассвирепевший Аким набил морду инструктору, а потом привлек Тарасюка и устроил натуральную снайперскую засаду. Тарасюк нашел кучу подножных материалов, из которых было изготовлено несколько весьма реалистичных чучел, причем на месте левого глаза был пришит кусочек жести от консервной банки. Оставшиеся снайперы и добровольцы из местных солдат стали изображать с помощью этих чучел бурную жизнь, а Аким и Инструктор засекли вражеского снайпера и сняли его с дуллета. Так Аким приобрел в пользование FR - F1, да еще со штучным глушаком.

Сама торговля была достаточно рутинной. Увидя на поясах Таракана и Старшины Маузер и Браунинг Хай Пауэр в деревянных кобурах, вождь пришел в возбуждение и возжелал все сразу и на халяву. Сзади к ребятам стала подтягиваться группа пейзан с дубинами, но когда трое из них в абсолютной тишине, истекая кровью, рухнули на землю, а чуть позже громкая пулеметная очередь подожгла одну из хижин... то местная общественность моментально приступила к заключению мира и тушению пожара. Короче, наши негодянты привели четырех носильщиков и как довесок - симпатичную туземку топлесс.

Как выяснилось при допросе с пристрастием, эта африканская красавица была никто иная, как неудавшаяся невеста Трюмо. И в общем процессе ее, так сказать, до кучи выменяли у вождя вместе с носильщиками. Сказать, что Барон был взбешен, это значило ничего не сказать, но дальнейшее повествование членов торговой делегации удивило даже его... На подходе к деревне Трюмо честно рассказал ребятам, что там находится его невеста и главной его целью выволить ее из плена. А когда Таракан удивленно спросил, а чего же, мол, Трюмо остался допахивать в Легионе контракт, хотя калым за невесту уже потерял актуальность... Трюмо просто ответил: «Но я же дал слово». Невеста Трюмо, которая звалась Аша, была к этому времени уже вдовой, ее муж удачно наступил на мину и Тарасюк не видел больших трудностей в торге. Но, как выяснилось, вождь и сам положил глаз на девушку и, благосклонно согласившись на обмен Маузера, Браунинга Хай Пауэр, Штурмового Люггера и еще тройки пушек попроще на четверку носильщиков, присовокуплять к ним Ашу отказался наотрез. И тут Тарасюк, безмерно загрустив, явил восхищенным взорам окружающих золоченую Ламу с перламутровыми щечками, и вождь был сражен наповал (не в буквальном смысле). Так что Трюмо получил невесту, группа - носильщиков, а ребята - больших звиздюлей от

командира. Но Барон, пораженный гуманизмом Тарасюка, да и за Тараканом такие вспышки доброты раньше не замечались, всех условно простил. Тем более профессор Иванов, как официальный начальник экспедиции, попросил простить всех участников мелодрамы, заявив, что негоже благородному командиру наказывать добровольных помощников Ромео и Джульетты. На что Барон проворчал, что, мол, хорошо Тарасюка не было в Вероне, а то бы тогда Шекспиру было не о чем писать, и он умер бы от голода.

Слава Всевышнему, и у Профессора, и у Барона было нормальное чувство юмора, но бывают в жизни и другие ситуации. Смешнее всего, когда сталкиваются военный и гражданский начальники, и как минимум у одного из них нет чувства юмора. Помню, везли мы как-то сельхозтехнику на большом пароходе. Сопровождающим оную колхозникам появляться на палубе днем было запрещено, идти до пункта разгрузки было много дней, то есть тоска была страшная и каждый изгалялся как мог. Наиглавнейший колхозный зампотех придумал повинность - каждый день проверять брезентовые чехлы на пушках комбайнов, мол, чтобы орудия от морского воздуха не заржавели, а лазать в трюмах - это не сахар. Ну, мы и придумали хохму, причем, вместе с моряками... Зампотеху по секрету доложили о том, что выхлопные трубы надо затыкать ветошью, пропитанной солидолом, а то от особых морских солей движки накроются. А моряки доложили Чифу, являющемуся морской реинкарнацией нашего зампотеха, что сумасшедший армеец смазывает ветошь напалмом и пожарная безопасность корабля под угрозой. Чиф был парашютистом на один рейс, для галочки в личном деле, и команда его "обожала", зампотех был, кстати, тоже из этих. Склока была супер! Был вынужден вмешаться капитан, и когда эти два идиота решили при нем поджечь бедную ветошь для того, чтобы каждый мог доказать свою правоту, Кэп обложил их тройным морским перехлестом через малый загиб. И к огромному удовлетворению экипажа и пассажиров, на неделю отправил их под домашний арест, причем в одной каюте. Так что, после ареста эта пара занималась исключительно выяснением отношений между собой. Не зря говорится, что Капитан в море - первый после Бога. И я думаю, капитан все прекрасно знал и понимал. На то он и Капитан.

А очередной наш анабазис тем временем продолжался. Во всех смыслах с новыми силами экспедиция продолжила путь. Осталась одна ночевка и дневной переход. Трюмо предложил устроить ночлег на поле «Железной птицы». Место пользовалось у местных дурной славой и посторонних там быть не должно. К вечеру наш небольшой караван вышел к этому полю, и птица там действительно была. Посредине большой проплешины валялся проржавевший, но, тем не менее, легко узнаваемый по характерному трехносому профилю старый добрый Юнкерс 52. Сразу возникли полемики по поводу, откуда!? Профессор считал, что этот раритет

обслуживал кого-то из местных вождей и Аким его поддержал, но вернувшиеся от останков самолета Таракан и Тарасюк предъявили железный крест и полуистлевший погон обер-лейтенанта Люфтваффе. И Арканя, обрадованный возможностью хоть раз адекватно ответить на бесконечные Акимовские приколы, спросил соболезнующее - любопытным тоном: «И какие же из местных вождей награждают своих пилотов такими наградами? Неужели у лейтенанта Акимова и на это есть своя версия?». Все окружающие, кроме носильщиков, естественно, радостно заржали, так как юмор Акима давно и успешно достал всех. А результаты исследования трехмоторного раритета озадачили всех кроме местных пейзажей, в Юнкерсе был десяток стандартных интендантских ящичков Вермахта с уже знакомыми эмблемами Африканского корпуса Эрвина Роммеля, и в них были небольшие мотки тяжелой темно-серебристой проволоки со странным многогранным сечением. Профессора Иванова эта проволока чрезвычайно заинтересовала, он достал маленький хитрый приборчик и какие-то химикаты, и стал проводить экспресс анализ. Аким не преминул подправить свой имидж, провозгласив, что такой набор инструментария должен быть у каждого истинного этнографа, но стушевался под недовольным взглядом командира и недоуменным профессором. А Арканя добавил, что такой длинный язык может быть только у истинного Акима. Аким промолчал, но про себя поклялся страшно отомстить.

К ночи проявились еще небольшие странности. Со стороны самолета явственно стало видно багровое мерцание, и, к тому же, руки всех, кто трогал эту непонятную проволоку, также светились в темноте красными пятнами. Трюмо, строго допрошенный Бароном, доложил следующее: - Он тут ночевал неоднократно, и багряные духи ни разу не сделали ничего плохого ни ему, ни его спутникам. Барон приказал переместиться на самый дальний от самолета край поля, пообещал за любое поползновение вернуться к самолету, привязать Тарасюка к ближайшему баобабу, и почти успокоился. Красное свечение было далеко не самое загадочное, виденное им и его ребятами за последние два года, одно слово - Африка.

И вот караван добрался до долгожданной реки Чиумбе, но сюрпризы не кончались. Судов было два... Прекрасно вооруженный быстроходный катер и жуткая самоходная баржа с дизелем и спаркой виккерсов. На берегу нас встретил некто, имеющий право приказывать, и приказ его был настолько своеобразным, что профессор Иванов выдал такую затейливую матерную оду, что сразу стало ясно, что в его биографии явно был корабль торгового флота, наверняка приписанный к одесскому морскому пароходству.

Даже Тарасюк одобрительно пробормотал:

- Ну, як я все-таки обожнюю інтелігентів.

А приказ был следующим. Содержимое одного из ящичков в сопровождении двух ассистентов незаметно уходило на катере, а

остальные люди и ящики, максимально вызываяще и не скрываясь, должны были чапать на барже в другую сторону, стараясь вызвать к себе нездоровый интерес окружающей фауны. И если такой интерес будет вызван, ящики надо было демонстративно утопить в глубокой стремнине.

Итак, первыми удалились грузчики, после чего умчался катер, ну, а потом, предварительно занеся ящики на баржу, тронулись и мы. Погони не было, зато была засада. С берега затрещали автоматы, шкипер и рулевой сползли на настил капитанского мостика, пятная его кровью. В ответ незамедлительно забубнили Вилкеры, весело затрещали Калашы. Барон, плюнув на инструкции, и обозначив изящной матерной композицией то, что люди ему важнее любого груза, приказал кидать ящики в воду, благо глубина тут была приличной, и слой ила составлял ее значительную часть. Первые три ящика стремительным домкратом пошли на дно, но четвертый нагло заколыхался на речной волне. Положение спас Аким, применивший по цели гранатомет. После взрыва стрельба сама по себе закончилась, видимо, нападающих больше ничего не интересовало.

Впоследствии, крайним был назначен Тарасюк, так как выяснилось, что когда освобождали от груза четвертый ящик, то, помимо самого груза, там было энное количество камней, которые скрупулезный старшина не посчитал функциональным тащить на катер, и оставил на берегу. Но это было потом. Но сначала была свадьба...

Погуляли от души. В разгар праздника легкий ажиотаж вызвала своим новым антуражем деревенская слониха. На ее боку висел большой кусок брезента с надписью «Я ЛЮБЛЮ АРКАНИЮ».

***

АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ МАРШ НАКАНУНЕ ОТПУСКА

(Фантазия на тему Африканских снов XI)

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!
Из тысяч грозных батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!

Музыка: Т. Хренников, Слова: В. Гусев

А вот и отпуск. Официально это называлось по-другому, и включало всевозможные медицинские и не очень комиссии, а так же бесконечные отчетные деяния, но зато в Москве. Правда, и в таких псевдо-отпусках народ умудрялся оттягиваться. В 5 часов утра в Кривоколенном переулке лейтенант Лебедев был остановлен милицейским патрулем, как выяснилось потом из милицейского же протокола, данный гражданин бежал по улице, имея из одежды только простыню с кровавым пятном в районе верхней части спины. После снятия с него оной простыни, в спине данного гражданина была обнаружена воткнутая в данную же спину вилка. Гражданин оказал силам правопорядка активное сопротивление и, нанеся телесные повреждения различной тяжести пяти сотрудникам органов, скрылся в совершенно неизвестном направлении. Как сказал позже сам лейтенант, он, будучи в одном приватном доме, идучи из ванной, перепутал комнаты и, найдя в помещении одинокую даму, решил, что это и есть его пассия, тем более, что дама не возражала. А изначальная Юрина Пассия, истомившись в ожидании, пустилась на поиски и, найдя изменщика в состоянии, не требующем двойных толкований, а точнее *in flagrant*, естественно, совершила акт восстановления справедливости с помощью приема «одна вилка - два удара – восемь дырок».

Провожающий нас «ответственный за отправку» перед посадкой на чартер строго спросил, нет ли у нас с собой чего запрещенного. Мы дружно ответили, что нет, и старая «Электра», натужно ревя четырьмя турбинами, поднялась из пыльной жары суши в не менее жарко-белесое небо. Часы ползли за часами, землю внизу сменило море, а потом море снова сменила суша. И тут, как всегда это бывает, в момент всеобщей расслабленности и благодушия начались проблемы. Зачихал и остановился один из двигателей, и самолет стал терять высоту. В салон вышел член экипажа и сообщил, что самолет из-за аварии двигателя идет на вынужденную посадку. К счастью, тут недалеко есть заброшенный аэродром подскока бомбардировочной авиации Союзников времен войны, и мы попытаемся туда сесть. Посадка прошла успешно, тем более, что уже в конце пробега заглох еще один двигатель, но когда самолет остановился,

мы поняли, что это было только начало приключений. Из-за полуразрушенных построек и барханов показались гарцующие всадники с современными винтовками и целеустремленно двинулись к самолету. Отпускники стали деловито собирать неведомо откуда появившееся оружие, а Барон весело сказал:

- Поздравляю Вас с веселым началом отпуска, ребята. Таракан и Тарасюк выходят на переговоры, Аркане приготовится...

А начиналось это все так...

В гребаном бассейне Замбези опять сцепились местные революционеры, коллаборационисты и осколки колониализма всех мастей. Нам, по обыкновению, доверили чрезвычайно хитрую операцию... Мы должны были захватить мощную полевую радиостанцию, привести ее в рабочий порядок и дать по ней выступить союзному нашей стороне борцу за свободу. Нам дали двух радистов и отряд местных патриотов, но по традиции у объекта атаки нас ждал неприятный сюрприз. Это были две «тридцатьчетверки».

Возможно, я несколько романтичен, но, по-моему, магнетизм, исходящий от «родной» боевой техники, имеет место быть, и особенно вдали от Родины. Когда родная «пятьдесятпятка» весело гаркает своими ста миллиметрами, это не просто выстрел. Задумайтесь... В танк со всей его начинкой вложен труд тысяч и тысяч людей; Шахтеры добывают руду, Инженеры разрабатывают проекты, Металлурги плавят металл, Химики колдуют над формулами, Оружейники изобретают и производят пушки и пулеметы, Хлопкоробы возделывают поля, Нефтяники добывают нефть, Мотористы возятся с дизелями, а есть еще винтики, приборы, краска и т.д. и т.п. Если прикинуть количество людей, участвующих в изготовлении одного танка с полным ЗИПом и БК, да прибавить к ним их семьи (ведь семья - это тоже участник проекта), то получится, что в той или иной мере Танк делает около миллиона человек. И в бою они все вместе с тобой идут в атаку. Ты чувствуешь их поддержку, то есть очень верен старый лозунг о том, что Победу куют и Фронт, и Тыл. И всегда неприятно видеть нашу технику и наши родные «калаши» в руках у Врага. Еще раз извинюсь за излишний романтизм, но я так чувствую.

Короче, когда мы их сожгли из базук, по сердцу неприятно резануло. Вобщем, радиостанция стала нашей, то есть мы ей цинично овладели (как выразился в своей обычной манере Аким). Радисты колдовали над рацией, союзный борец учил роль, Тарасюк шастал по подсобкам, то есть все были при деле. А наша группа решила слегка отметить День рождения Аркани, все-таки круглая дата. Разлили по первой, и не успел Барон сказать тост, как внимания попросил старшина Тарасюк. Откашлявшись,

он слегка смущенно пробормотал, что у него есть для Аркани подарок, и он его сейчас вручит. С этими словами старшина стал разматывать продолговатый брезентовый сверток и на свет явился старый добрый американский гранатомет М79, известный так же, как Тумпер или Макнамара, с двумя полными патронташами. Да, интересную машинку сваяли американские оружейники. По виду - большой дробовик с коротким стволом, и заряжается как охотничье ружье, только калибр 40 миллиметров и бьет на 300 метров. А когда иззавидовавшийся Аким ехидно спросил: «Старшина, а где ты его все это время прятал?», Арканя так посмотрел на лейтенанта Акимова, что все поняли - у Тарасюка появился лучший друг на всю жизнь. И тут прибежал один из радистов и доложил, что, согласно радиоперехвату, недалеко от нас ведет бой группа компаньерос, неизвестно как забредшая в эти места. Их обложили со всех сторон в заброшенной глинобитной крепости, они пока держатся, но противник подтягивает артиллерию, и тогда ребятам будут полные кранты.

- Карту – рывкнул Барон. - И продолжил: - Мы должны помочь ребятам, ведь компаньерос - единственные наши нормальные союзники в этих местах. Дерутся как черти, и в беде никогда не оставят.

Тарасюк договорился с левыми гражданскими вертолетчиками и в район организации засады мы добрались с относительным комфортом, но в два захода. Две дюжины орлов были готовы к бою и с нетерпением ждали противника. Колонна появилась с опозданием на два часа. Старый грузовик непонятной марки тянул нашу родную 122 мм гаубицу, за ним тащился трехтонный Рено, охранение и авангард в одном лице изображал броневичок Даймлер Динго - с тремя пулеметами, но без крыши. Он погиб первым. Глухо кашлянул Арканин «Макнамара», и над несчастным Динго поднялся столб огня. Короткие очереди калашей привели к знаменателю всех, кто пытался проявить активность в грузовиках, тех, кто не пытался, впрочем, тоже. Помимо гаубицы с полусотней снарядов нам досталась пара 82 миллиметровых минометов с дюжиной лотков. Короче, как сказал Аким, кошке - широко, а собаке - узко. Колонна с обновленным экипажем (минус один броневик) бодро тронулась к цели.

Диспозиция была ясной. Противник окружил старую крепость пулеметными гнездами, а основные силы в купе со штабом героически находились в стороне. Судя по многочисленным стрелковым ячейкам, ночью крепость жестко брали в кольцо. У инсургентов был явно грамотный командир. У Барона пискнул уоки-токи, - это Аким докладывал о том, что артиллерия готова. Барон три раза кликнул тангетой, - это был приказ открыть огонь. Минута шла за минутой, но

выстрел из пушки так и не последовал, зато с опушки джунглей ударили минометы. Их поддержали четыре Дегтяревских ручника и автоматы. Арканя стал методично гасить из «Макнамары» пулеметные гнезда противника, а компаньерос, по живости своей души, естественно, пошел в атаку. Минометы за считанные минуты схарчили скудный боезапас (12 лотков по три мины - это очень мало), и к Командиру подошел разъяренный Аким. Сторонний гражданский наблюдатель, прослушав эпитеты, извергаемые старлеем, пришел бы к выводу, что местные инсургенты страдают очень редкими сексуальными извращениями, ибо в их непотребных оргиях самое бурное участие принимает stodvadtidvух миллиметровая гаубица М-30. Как выяснилось, Аким не смог произвести ни одного выстрела. Замок и боек были в полном порядке, капсюль исправно разбивался, но выстрела не было. Аким пошел даже на злостное нарушение инструкций и перезарядил пушку другим снарядом, но результат был тот же. В это время Барон обратил внимание на выскочивший откуда-то джип с тремя седоками, двое из которых были белыми. Единственная артиллерия отряда в лице Аркани добивала оживающие кое-где пулеметы, и отвлекать Арканю от этого занятия было нельзя, так как компаньерос по своей безудержной отваге перли вперед, распевая «Летний» марш, и на пулеметы им было плевать. Командир попытался достать юркий вездеход из автомата, но было слишком далеко, да и машинка была юркая, так что он достал только одного из белых. И тут сзади грохнул орудийный выстрел, раздался нарастающий свист снаряда и на месте джипа поднялся фонтан огня и красной Африканской земли. «Твою мать», - хором сказали Барон и Аким, и тут грохнуло еще раз и еще, вообще пошла легкая канонада. Второй использованный снаряд взорвался рядом с выложенными на брезенте собратьям, чем показал им пример. Классический затяжной выстрел, однако...

Вобщем, мы как всегда победили, отметили победу и день рождения Аркани, а потом командование решило нас срочно отправить в Союз. По дороге мы совершили незапланированную посадку.

Итак, неизвестные всадники, похожие на туарегов или бедуинов, весело нас приветствовали стволами, направленными на самолет и недружелюбными криками. Арканя с готовым к бою «Макнамарой» выдвинулся к открытой двери, прицелился было, а потом вдруг высунулся из самолета и заорал, как резаный, на французском. Главарь всадников пришел в дикое возбуждение, заулыбался и стал тоже орать, размахивая руками. Всадники опустили винтовки и тоже стали выражать лицами дружелюбие.

Да. Мир поистине тесен. Бедуинский вождь оказался бывшим аспирантом Универа Патриса Лумумбы и, вдобавок, женихом сестры любимой девушки Аркани.

Праздник нам закатили на трое суток, а главным блюдом пира было мешуи - кулинарный монстр из верблюжатины, баранины, курятины, голубей и яиц. Учитывая то, что Бедуин учился в Москве, спиртные напитки присутствовали в достаточном количестве. Ну, а потом была Москва.

***

Магрибские приключения механика по ремонту вычислительной техники *(Фантазия на тему Африканских снов XII)*

Солнце и песок, песок и солнце. И больше не было ничего вокруг, и казалось, что так было всегда и так всегда будет. Металлические части Калаша хоть и были обмотаны камуфляжными бинтами, но и сквозь них обжигали со всем усердием. В мареве приближающегося бреда, появилось нечто новое и знакомо тревожащее. Сашка встряхнул головой и определил в дрожащем силуэте исковерканную взрывом разоруженную «тридцатьчетверку» с задраным тралом ПТ-3. «Дошел», - подумал он, и потерял сознание...

Если кто-то думает, что жизнь механика по ремонту вычислительной техники, проживающего в Москве в 1975 году, была скучна, то он ошибается. Каждый человек - кузнец своего счастья, и когда Сашка Балакин, исключительно для того, что бы выпендриться, взял темой курсовой «Ремонт и устройство Арифмометров «Феликс», он не знал во что это выльется, а вылилось это в следующее...

Когда в Трест «Союзсчеттехника» пришла разнарядка на командировку в Алжир, то начался обычный совковый гадючник. Доносы, подарки, кляузы, интриги... Ведь всем хотелось за кордон, и не куда-нибудь, а в Африку. Не забывайте, на дворе была середина семидесятых и даже поездка в Монголию была фантастикой, а тут, блин, целый Алжир.

Надо сказать, что в те времена в легендарные страны Магриба помимо автоматов Калашникова, танков, саперов, строителей и военных советников отправляли и гражданскую технику, к коей, безусловно, можно отнести «вершину точных наук и технологий» – Арифмометр «Феликс». Партия из двухсот трещащих, как пьяные цикады, машинок, достаточно широко разошлась по присутствиям бывших владений бейлербея Хайрадина Барбароссы, (более современную технику отправлять было бесполезно, по причине отсутствия электричества и низкого технического уровня местных пейзажей). Помимо одноименной столицы Алжира были благодетельствованы штатские и военные

бюрократы городов Арзева, Сиди-Бель-Абесса, Бешира, Орана и ряда других стойбищ и весей, бывшей жемчужины Османской империи. Большая часть машинок, как не странно, работала, но энтузиазм местного населения, замешанный на общей безграмотности оно же, к тому времени вывел из строя до 20% штатной техники.

И вот, когда была утверждена рабочая группа в составе начальника, двух замов, секретарши, профсоюзной тетки и двух главных лизоблюдов, вспомнилось, что кому-то надо и работать. Работяг нужно было минимум трое, и отбор начался по четко принятым во времена «Застоя» стандартам. Когда из списков вычеркнули беспартийных, пьющих, явных неумех и «Ивановых по матери», осталось три человека. Двое из них раздражения у руководства не вызвали, но третий... это был, естественно, Саша.

Характер наш друг имел весьма своеобразный, не признавал авторитетов, (и по этому поводу иногда говорил то, что думает), и больше того... делал то, к чему в данный момент лежала его душа.

Еще в студенческие годы Сашка, в процессе прогулки по Москве реке на речном трамвае, отстал от своей группы. Как говорится – Отряд не заметил потери бойца. Саша увлекся, помогая симпатичной девушке сходить с трапа на пристань, где и остался. Девушка куда-то делась, а Александр, гуляя по городу и прикормив от гуманизма бутербродом с копченой колбасой приبلудившуюся дворняжку, попал в данном составе аж на Красную площадь. Милиция, в лице сержанта, среагировала молниеносно. Бедному студенту было предложено немедленно убрать с Главной площади Страны не предусмотренное регламентом четвероногое, дабы оно все тут не загадило. Шурик обиженно показал на сотни голубей, кишащих вокруг, мол, им можно гадить, а моему верному хунду - нет. В ответ милиционер вдохновенно сказал, что голуби - это птицы Мира. На что Сашка еще более обиженно заявил, что его собака вовсе не собирается развязывать войну. С годами, эта история попала в фольклор и стала анекдотом, но Сашка был первым.

И на службе он продолжал в том же духе. На одном из производственных собраний Сашка Балакин выступил на предмет плохого снабжения импортными запчастями – деталями для механики, и, в первую очередь, микросхемами. Разгорелась бурная полемика. С ответной прочувствованной речью выступил один из ветеранов завода, по обыкновению дремавший в президиуме. Он пребывал в состоянии «сильно после вчерашнего», так как перед митингом слегка полечился казенным спиртом. Громкий голос Сашки помешал ветерану благостно кейфовать, плюс к этому начальником снабжения была его единоутробная дочь, и он начал свою грозную отповедь.

Знатный Стахановец сказал, что нынешняя молодежь, во-первых, заелась, в-третьих, ленится что-то сделать руками, а вот он, ветеран, в свое время многие детали сам делал, да и сейчас, если ему покажут эту микросхему, он такую же напильником за полчаса сварганит! Сашка хлопнул себя ладонью по лбу и уважительно спросил у ветерана о том, а

не про него ли написана книга «Приключения Старика Самоделкина» (смех и аплодисменты в зале), и довольный вернулся на свое место. А ветеран больше месяца находил в своих карманах и даже на подносе с обедом напильники всех размеров. Надо ли говорить, что прозвище Старик Самоделкин приклеилось к нему навсегда?

За подобные выходки начальство Сашку, естественно, не любило, но было вынужденно держать, потому что Сашка не хлестал в рабочее время казенный спирт и мог оживить любой убитый аппарат, а тут и в «Феликсах» еще вдобавок разбирается. В общем, его зачислили в группу рядовым механиком, и определенную роль сыграла в этом секретарша начальника, ибо наш герой нравился женщинам и беззастенчиво этим пользовался.

Перед поездкой было еще одно испытание – комиссия в райкоме. Полдюжины старцев, помнящих еще продотряды и расстрел Тухачевского, бдительно спрашивал о численности Коммунистической партии Алжира и именах ее вождей. Присутствовавший тут же товарищ в штатском молча бдил в уголку, скрывая лицо за газетой. Сашка честно ответил, что оной партии в Алжире как таковой нет, так как в 1965 году ее разогнали, а оставшиеся в живых коммунисты создали партию Социалистического авангарда Алжира, где и прибывают до сих пор. Когда один из старичков подозрительно спросил, а почему, мол, Алжирские коммунисты не проявили твердость, Сашка честно, округлив глаза, доложил, что злобные наймиты буржуазии в провокационных целях пытали ветеранов партии на глазах у комсомольцев. В течение пятнадцати минут коварный механик расписывал ужасы пыток, которым подвергались Алжирские коммунистические ветераны. Товарищ в штатском, с заметно повлажневшими глазами, и незаметно для себя самозабвенно подвывая, буквально впитывал в себя сцены надругательств над пожилыми братьями по классу, а паре советских старичков стало плохо и их пришлось унести. Не зря все-таки Сашка прочитал недавно «Молот ведьм». Ну, а потом начался Алжир.

Жара, экзотика, море вкуснейших закусок и полное отсутствие алкоголя и свинины в продаже - таковы были первые Сашкины впечатления. Надо сказать, что все участники делегации были весьма удивлены отсутствием в продаже знаменитого Алжирского вина, но, как говорится, у нас с собой было.

На почве поедания шиш-кебабов, кабавы, буреков, зумиты, плюс невиданных ранее морепродуктов типа мидий в томате и фаршированных кальмаров Сашка обходил местные забегаловки, так как на официальные тусовки его не брали, а кушать, ну, очень хотелось. Тем более, что командировочные, в виде бумажек с изображением трогательной спящей газели (изображена на алжирской купюре в 1000 динар), присутствовали. Но деньги имеют гадкую особенность быстро кончаться, особенно если хозяин маленькой кофейни приглашает знатного Сахиба в заднюю комнату, где можно посмотреть настоящий танец живота, и не только

потрогать настоящую танцовщицу, но и даже затаиться при этом из настоящего кальяна, а потом стоять на улице и с глупым видом ошупывать пустые карманы. Так что пришлось перейти исключительно на кофе, и тут он познакомился с очаровательной восточной немкой из Дрездена по имени Рут Фишбах. Было ей на вид лет 30 – 35. Но что значит разница в возрасте, если люди нравятся друг другу? Рут налаживала пульта управления на ТЭС в Аннабе, так что они были почти коллеги, ну, а любовь к живописи и крепкий берберский кофе сделали их вообще лучшими друзьями, а дружба между мужчиной и женщиной, как известно, наиболее прочно укрепляется в койке, и она естественно укрепилась.

А потом началась рутина. Каждому из трех механиков дали по переводчику и отправили пахать. Сашке, чтоб не слишком умничал, достались города на границе с пустыней, и жизнь там медом не казалась. Бешир был крайней точкой в рейде за «Феликсами», там ремонтом пришлось заниматься на территории военной базы, и на этой базе, как оказалось, кишели военные советники из Советского Союза. Естественно, Сашка стал искать земляков, и с удивлением узнал в здоровенном капитане-танкисте своего соседа и школьного товарища. Когда-то они учились в одной школе, дома их были по соседству и даже в Зарницу вместе играли. Потом Вовка куда-то исчез и появлялся дома не чаще, чем раз в год. Всезнающие старушки на лавочках считали, что он завербовался на Север строителем, а тут вон как все обернулось. У Сашки был казенный спирт, находящиеся на базе «Феликсы» даже не распаковывались, а акты о ремонте помогли оформить новые друзья, так что спирт в тот же день списали до капли. Вечером следующего дня Сашка наткнулся на старого приятеля возле капитального, еще французского солдатского сортира, и там же состоялся разговор...

Если я скажу, что Сашку обрадовала нарисовавшаяся перед ним ситуация, то можете бросить в меня камень. Она его не обрадовала, но назад дороги не было. Ему предложили не больше - не меньше, как выполнить задание Родины. Надо было доехать до оазиса на джипе, получить там посылочку и доставить ее либо на Беширскую базу, либо в определенное место в пустыне. Тем более, что Сашкин переводчик должен с минуты на минуту заболеть и Сашке вполне хватит военного русско-арабского разговорника. Он мог отказаться, но не отказался. Так уж нас всех учили, что если Родина прикажет, то комсомол ответит есть.

На окраине оазиса, замотанный в бурнус по самые глаза бербер, передал Сашке увесистый сверточек величиной с пачку сигарет, привязанный к французской гранате LU216 и старый добрый Калаш на всякий случай, а случай, как выяснилось позднее, бывает всякий. Когда через два часа пули забарабанили по капоту джипа, стало ясно, что началась легкая невезуха. Мотор чихнул, потом кашлянул, еще немного подумал и завонял бензином. Сашка был юноша начитанный, и устав знал, посему, схватив автомат и проверив фляжку и запасные магазины,

он выпрыгнул из машины на ходу, перекатился через придорожный бархан и там залег. Джип, проехав еще десяток метров, остановился и, видимо, чтобы было еще веселее, полыхнул пламенем. Осознав ситуацию, Сашка передернул затвор, поудобнее устроился на склоне бархана и стал ждать продолжения банкета. В военных мемуарах всех времен и народов есть много вариантов о мыслях перед первым боем. У Сашки все мысли укладывались по смыслу в одну фразу – «Какой же я мудака! Говорил же дяденька Чуковский: «Не ходите, дети, в Африку гулять... Экзотики, блин, захотелось».

Между тем, за барханами вспыхнула жаркая перестрелка. Видимо, на засаду, подстрелившую Сашкин Джип, нашлась засада с винтом. (Позднее выяснилось, что это была случайность, не имевшая отношения к данной операции. Одно слово – Африка, блин!)

Сашка, будучи больше человеком тоги, нежели меча, не стал ввязываться в чужую разборку и, сверившись с компасом и картой, пошел в сторону запасной явки.

Солнце и песок, песок и солнце. И больше не было ничего вокруг и казалось, так было всегда и так всегда будет. Металлические части Калаша, хоть и были обмотаны камуфляжными бинтами, но и сквозь них обжигали со всем усердием. В мареве приближающегося бреда появилось нечто новое и знакомо тревожащее. Сашка встряхнул головой, и определил в дрожащем силуэте исковерканную взрывом разоруженную «тридцатьчетверку» с задраным тралом ПТ-3. «Дошел», - подумал он и потерял сознание...

Очнулся Сашка от ощущения приятной прохлады. Ему было так хорошо, что он не хотел открывать глаза. Но когда знакомый мелодичный голос сказал с легким Берлинским акцентом: «Вставайте, Герр Александр, нам пора», его как пружиной подбросило. Перед ним сидела Рут. В одной руке она держала носовой платок, а в другой фляжку. Они находились в чем-то вроде небольшой пещеры, в глубине которой угадывались еще чьи-то силуэты. Сашка напрягся и стал нащупывать гранату у себя под рубахой, но Рут нежно-иронично улыбнулась ему и произнесла пароль. Пароль был правильный.

Через год вечером в Сашкиной Московской квартире зазвенел дверной звонок. Собака Манька, породы Коккер-Швайне-Хунд, с лаем бросилась к дверям. За ней бросился и сам хозяин, который ждал очередную пассию. Но гость был из другой оперы. Это был Владимир из соседнего дома, которого Сашка последний раз видел год назад в Бешире.

- Я спешу, - сказал Владимир. – А это тебе от правительства Заира. С этими словами он протянул Саше зеленую кожаную коробочку. Сашка, затаив дыхание, открыл ее... На зеленом бархате лежала Гражданская Серебряная Звезда Республики Заир.

- Причем тут Заир? – обалдело спросил Саша.

- Чем-то ты им, видимо, помог. Мне, кстати, дали только бронзу, – ответил Владимир.

- Так дело в той посылке с привязанной гранатой... – осенило Сашку. – Кстати, что же там было внутри?

- Если я скажу, что там было, то мне придется тебя пристрелить, – улыбнулся Владимир. Он привычно козырнул, и покинул Сашкины апартаменты, оставив его размышлять о коловращении судьбы.

А еще через три месяца Сашка поехал в ГДР изучать новейшие на тогда БФМ «Зоемтрон». Поселили их в Зоммерде в общежитии завода, на котором собиралось это чудо техники.

В группе из 15 механиков, командированных в Зоммерду, были люди со всего Союза, в основной массе вполне приличные, слегка пьющие профессионалы своего дела, но, увы, знающие по-немецки только Хенде Хох и Гитлер Капут. Когда при первом походе в магазин Сашка просто вспомнил те несколько десятков слов, которые позволили ему сдать экзамены и зачеты в достопамятном МИРЭА, в том числе включающие в себя (Was kostet? - Сколько стоит?), (Wit haisen Si, gutische Frolayn? - Как зовут милую девушку?) плюс те несколько, которым научала его Рут Фишбах в Алжире (тринкен, ессен, баден, шлафен и самое главное слово – бумсен), он стал среди соотечественников самым популярным человеком.

Его словарного запаса вполне хватало для общения в магазине, и Сашке приходилось служить переводчиком для всей группы во внеучебное время. Всех это только радовало, а Сашку слегка напрягало, но забавляло.

Ну, и местная общественность не оставалась в стороне и принимала их с почетом и уважением. Например, 22 апреля всех советских товарищей пригласили в соседний Дрезден, на торжественный вечер, посвященный дню рождения В.И. Ленина. Сашка в числе первых вызвался туда ехать, не из-за Владимира Ильича, конечно, а что бы на халяву посетить Дрезденскую галерею. На торжественную часть, увы, пришлось пойти, и за столом президиума Сашка с изумлением обнаружил Рут, всю из себя в строгом чиновничьем костюме, с наградами и галстуком. Наши сидели в первом ряду, и Сашке даже показалось, что Рут его заметила, но виду почему-то не показала. После торжественной части и концерта народ пошел на банкет, но там Рут уже не было. Нигде не найдя Рут и покинув банкет в начале разгара, грустный Механик решил побродить в одиночестве по городу, и медленно пошел вдоль главной аллеи парка Дворца профсоюзов...

Внезапно сзади послышалось приглушенное урчание мощного мотора, зашуршали шины и около него остановилась правительственная Татра. Открылась правая передняя дверь, оттуда вылез явный ариец и на чистом русском языке произнес: «Прошу садиться в автомобиль, герр Балакин. Вас ждут».

СТАРШИНА ТАРАСЮК, КАК ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МАГНИТ

(Фантазия на тему Африканских снов XIII)

Как сказала одна симпатичная и весьма не глупая девушка: «А Тарасюк все-таки кадр!». Ее переплюнул один политработник, выдав перл: «Удивительно изворотливая личность, хорошо хоть, что комсомолец». Еще один высокий чин выразился о старшине следующим образом: «Ваш Тарасюк, как магнит, притягивает всяческие махинации, и ведь хрен его поймашь». И все они правы. Командир выбрал в свое время именно Тарасюка, определив его способности по небольшой частности. Во время погрузочно-разгрузочных работ, весьма распространенных в Армии, Тарасюк всегда оказывался в кузове автомобиля, и пока большинство его сослуживцев таскали круглое и катали квадратное, он мирно подавал носильщикам груз сверху, не напрягаясь и имея кучу перекуров. Тарасюк всегда был гениальным хозяйственником, вы читали об его операциях с аккумуляторами, наймом носильщиков, рациями и т.д. Но это только крупинки на верхушке айсберга. Так что, давайте продолжим тему...

Гюльбарий

Однажды в одной почти цивилизованной стране несколькими мирным флористам нужно было срочно очутиться на территории элитной выставки цветов, типа «The ROYAL HORTICULTURAL HALLS», причем приехать туда на фургоне и на нем же сразу же уехать (не на пустом, естественно). Попасть в нужную нам часть территории можно было только официальным участникам мероприятия, и только с экспонатами в виде образцов экзотической флоры. И если с документами особых сложностей не предвиделось, то с образцами было гораздо сложнее. Привести машину фикусов, купленных в цветочном магазине, было опасно, так как спецы там прямо таки кишели, и можно было легко проколоться. Тарасюк проникся общими заботами и, получив утвердительный ответ на свой вопрос типа «Так що, потрібні квіточки, яких ніхто ніколи не бачив?», наш старшина глубоко задумался. И, пошушукавшись с Соколом, имевшим некоторое агрономическое образование, накидал на листе бумаги список необходимых придамбасов и ингредиентов. Список выглядел так:

1. Горшки цветочные большие – две дюжины.
2. Кустики одинаковые, средней величины, без листиков – аналогичное количество.
3. Коробочки хлопка для гербариев и коллекций – две дюжины дюжин.

4. Земля – достаточное количество для наполнения двух дюжин горшков, перечисленных выше.
5. Цемент – 30 фунтов.
6. Универсальный клей – фунт.
7. Декоративный мох - стільки, скільки вистачило б покрити горщики, як вершки покривають глечик з молоком.
8. Краски акварельные - щоб вистачило п'ятьом дітям розфарбувати урожай на старій яблуні.
9. Ваниль – две дюжины пакетиков.

Кто никогда не красил хлопок гуашью с ванилью, и не приклеивал к веточкам две дюжины дюжин коробочек хлопка, тот меня не поймет. К утру все мы были, как маляры из мультика, ну а запах... Но получилось нечто. Никита, увидев результат флористического гения Тарасюка, выругался на родной речи и добавил: «Ну, и Гюльбарий...».

В строго выверенное и просчитанное время, в 11.08 по Гринвичу, фургончик DAF, разрисованный логотипами известной транспортной компании, подкатил к воротам. Охранник с профессионально непроницаемым лицом проверил документы и вежливо попросил показать груз. Дверцы фургона распахнулись, и вместе с ароматом ванили из салона хлынул фейерверк красок. Две дюжины кустов, усеянных ярко-разноцветными невиданными соцветиями, поражали воображение. «Salix Gossypium» - прочитал вслух охранник и неожиданно, по-армейски отдав честь, вернул документы и сделал уважительно приглашающий жест. Все детали были отработаны заранее, распорядителю был дан номер выставочной секции, которая была точно свободна. Под руководством Тарасюка благоухающий ванилью «гюльбарий» со всем уважением был транспортирован в зал экспозиции, ну, а мы принялись за дело. Груз был итенифицирован, упакован, погружен, вывезен и доставлен куда надо. Были, конечно, легкие накладки и небольшие упущения... Груз даже после передачи его получателям сохранил сильный запах ванили, что повлияло на режим секретности и общий настрой наших коллег, принявших эстафету. Плюс ко всему оказалось, что этот день был торговым, то есть - любые выставленные образцы можно было купить... Короче, Финчасть и Особый отдел еще полгода требовали от старшины Тарасюка докладные по поводу того, как он умудрился продать герцогине Нортумберлендской набор кустов с приклеенными хлопковыми коробочками, раскрашенными гуашью, за... пять тысяч гиней... наличными.

Наступление отменяется

Приказ был ясен и короток. Главная цель операции - сорвать артподготовку противника перед наступлением. Частности - на

усмотрение группы, поддержка - рота местного спецназа. Дополнительная информация – конвой с боеприпасами будет проходить через Баданго между 11.00 и 15.00, 11-го числа сего месяца. Коротко и ясно. Но...

У «меньших братьев» опять начались внутренние разборки, и рота поддержки сменила и дирекцию, и дислокацию. А делать всемером засаду на большую охраняемую колонну, - это было круто даже для нас. На общем совещании решался вопрос, что будет проще... Вывести из строя батарею 152-мм гаубиц образца 1943 года (Д-1), или взорвать склад боеприпасов, где в ожидании наступления пребывали сотни осколочно-фугасных гранат ОФ-530. Мнения разделились, и решение никак не принималось, пока старшина Тарасюк не сказал задумчиво:
- А що, склад обов'язково треба підривати ?

В краале Чимфун, недалеко от водопада Чавума, никто не обратил особого внимания на колонну из нескольких разномастных грузовиков и, уж тем более, не вызвали интереса белые наемники, охраняющие колонну. С тех пор, как местный вождь Полковник Миджур стал по совместительству супер-интендантом по снабжению Народной Армии, всевозможные конвои сюда зачастили и по реке, и по земле. Тарасюк, как истинный профессионал, знал обо всех гешефтманах в радиусе тысячи лье и про Меджура, имел достоверную информация, что тот не только берет руками и ногами, но и приторговывает военным имуществом с вверенных ему складов. Полковник приветливо встретил гостей, так как с каждого конвоя (включая официальные грузы) он имел еще и свой постоянный бакшиш. И эти белые его не разочаровали: они принесли в подарок два ящика сгущенного молока. Миджур сразу сделал стойку: этот товар пользовался спросом, и надо было выяснить возможность обмена. Два усатых белых мбваны, оба небольшого роста, оба с усами, оба коренастые, правда, один был несколько более объемен, с пониманием отнеслись к предложению гешефта и согласились пройти по вверенным супер-интендантом Миджуру складам, чтобы выбрать что-нибудь для обмена. Гости вроде бы ничего явно не интересовало, но Миджура заметил опытным взглядом дельца как тот белый, который был поплотнее фигурой, задержал свой взгляд на ящиках с непонятными гильзами из партии грузов, пришедшей недавно по реке. Груз состоял из двух частей: снаряды и непонятные гильзы, и именно эти гильзы стали предметом торга. Торг был долгим, но успешным. За четыре ящика гильз наемники давали счастливому Миджуре один ящик сгущенки. Охрана склада, понукаемая Миджурой, быстро освободила грузовики наемников от вожделенного продукта и забила их ящиками с бесполезными гильзами...

Полковника Миджуру расстреляли через одиннадцать часов после последней сделки в его жизни. Осколочно-фугасная гаубичная граната ОФ-530*, прекрасный боеприпас, но без заряда им очень трудно стрелять**, даже из такой хорошей гаубицы, как Д-1. Начальник

артиллерии Народной Армии с радостью расстрелял бы этого жулика и мерзавца еще один раз, когда обнаружилось, что в банках, выменянных им на заряды, находилось не сгущенное молоко, а старая краска. Позднее, в ответ на справедливые упреки, старшина Тарасюк, приняв свой обычный невиннейший вид, ответил:

- А де я візьму цьому шахраю стільки молока з цукром?

СЛОНЫ ИДУТ НА ВОДОПОЙ

Эвакуация - самое любимое занятие хозяйственников всех мастей. Старшина Тарасюк не был исключением. Как любил он говорить: «Під час евакуації я можу викинути, або сховати хоч викрутку, хоч слона, й ніхто нічого не помітить». В данном случае, официальная эвакуация только ожидалась, но кому надо - уже готовились. Мы, естественно, относились к тем «кому надо», и как всегда, к моменту нашего выдвижения, от командования посыпались новые вводные. Мало нам было геморроя с двумя ребристыми металлическими чемоданами, которые нам надо было доставить через две страны аж в третью. Нам было приказано взять с собой в качестве попутного груза некоего местного перспективного политика, причем обязательно сохранить его до пункта назначения с целым багажом, и обязательно живого. Два этих условия, несколько поблекли после того, как мы узнали, что был за багаж у этого негритюдского*** комсомольца. Это был золотой запас молодой республики, в количестве аж трех пудов золота в слитках, монетах и просто золотом ломе. Было ясно, что пересечь границу с такой начинкой в целостности и сохранности было нереально. На ночном брифинге звучал исключительно мат, и выражение лиц присутствующих было соответственное... у всех, кроме Тарасюка. Старшина улыбался, причем, улыбался с чувством превосходства над присутствующими. Когда Барон злобно осведомился, чегой-то старшина так лыбится, Тарасюк важно заявил:

- Любі друзі мабуть не читали роман великого українського письменника Миколи Васильовича Гоголя "Мертві душі".

И, предвосхищая вопросы, мол, причем тут Гоголь, сказал только одно слово: «Вівці». Далее последовала немая сцена из «Ревизора», закончившаяся громовым хохотом.

- Ну, и где ты здесь возьмешь овец, Чичиков ты наш? - змеиным тоном спросил Аким.

На что старшина флегматично ответил:

- А навіщо нам вівці, коли є слони?

Тарасюк всегда и везде знал обо всем, что касалось складирования каких-либо ценностей и транспортных средств любого плана. В данном городишке застряло стадо рабочих слонов. В виду войны заказов не было, и хозяин с ужасом ждал, что его слонов могут со дня на день конфисковать какие-нибудь власти. Тарасюк, имея финансовую

поддержку от местного «товарисча» и Таракана в качестве переводчика, провел экспресс-делку по закупке слоников вкуче с погонщиками. На базе стада ушастых звериков с хоботами была срочно создана транспортная фирма, немедленно получившая срочный заказ на доставку гуманитарной халявы ООН из сопредельного государства. На слоников быстро пошили голубые попоны с белыми надписями UN, но, ввиду традиций, попоны украсили массивными грубыми заклепками желтого металла... Трех пудов как раз на это хватило. Пришлось, конечно, всем нам переквалифицироваться на ночь в металлургов и златокузнецов, но потом все прошло без сучка и задоринки.

Пара конфликтов уже на той стороне касались только слонов и были погашены почти без стрельбы. А основные местные формирования всевозможных бандитов и патриотов пропускали конвой без разговоров, надеясь ограбить его на обратном пути. Слухи о том, что мы едем за богатым грузом, распространились со скоростью света, и назад мы бы так просто не доехали.

А по приезду на место и после снятия попон, Тарасюк махнул слоников на два «ровера» и полугусеничный бронетранспортер. Так что, операцию мы закончили с комфортом.

* Осколочно-фугасная гаубичная гранаты ОФ-530, является мощным и действенным боеприпасом. При установке взрывателя на осколочное действие её осколки разлетаются на площади 2100 м²: 70 м по фронту и до 30 м в глубину. Если взрыватель установлен на фугасное действие, то при взрыве гранаты в грунте средней плотности образуется воронка диаметром 3,5 м и глубиной около 1,2 м.

** Гаубица Д-1, является орудием отдельного заряжания. Т.е. сначала в ствол закладывается снаряд, а потом гильза с зарядом пороха. Так что без «гильз» выстрелить из этой артсистемы невозможно.

***

НЕГРИТЮД - (negritude) — культурное и политическое движение, начавшее с 1930-х гг. поощрять развитие гордости и достоинства в отношении наследия негритянских народов посредством нового открытия древних африканских ценностей, образов мышления. Местами принимало формы крайнего национализма.

***

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ СМЕКАЛКИ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАНОНЕРОВ (Фантазия на тему Африканских снов XIV)

«Когда три тысячи лет тому назад некий пельтаст сказал своему командиру, что неплохо бы украсть из палатки вождя персов священную чашу, и внести тем самым в умы врагов смятение, то его же послали на задание, и его же и казнили. Казнили за то, что потеря священной чаши не произвела на персов никакого впечатления. С тех пор бродит по всем армиям Мира пословица, гласящая следующее: «Никогда не проявляй инициативу, ибо тебя же заставят выполнять и тебя же накажут за то, что плохо выполнил»

Старшина Тарасюк получил для ведения переговоров следующие дипломатические аксессуары: ящик патронов, пять калашей, ящик сгущенки и мешок сахара. Нам были нужны проводники, знающие брод, а также и гарантии местного вождя на свободные проезд через земли соседей. Старшина решил все вопросы, не выходя из утвержденной сметы, но когда мы тронулись в путь, к колонне присоединился тяжело груженный грузовик DAF. В ответ на вопросительный взгляд Барона, Тарасюк пробормотал, что, мол, «дещо на дорогу й трохи провіанту». Зная своего Старшину, командир не стал углубляться в данную тему и приказал продолжать движение.

Место под названием Пангани было гиблое и не комфортное. Тушенка закипала в банках, вода в радиаторах и даже пиво в единственном работающем в порту баре было теплым - без электричества холодильник не работал, а без белых инженеров, бежавших от революционных масс, электричества быть просто не могло. Мы доставили груз, сдали под расписку главному советнику местного Революционного командования майору Пенусу (которого Аким сразу же переименовал в команданте Ху) и готовились отбыть в очередное известное, но не поименованное место. Нам, правда, навязали еще группу соотечественников ряда строительных специальностей, которых надо было сопроводить до аэродрома, где их ждал трудяга Ан-12, но это были уже частности. Но...

У тыловых чиновников, независимо от цвета кожи и политического строя, обострено чувство приближения фронта. И скопление на окраинах перегруженных машин всех возможных в этих местах марок, и опустевшие присутствия в порту и центре временной революционной столицы говорили о близости той самой жареной

домашней птицы, лишь опосредствованно имеющей отношение к несению яиц, но охотно наносящей удары клювом в не самые приличные места. Тыловые крысы бежали, сухопутная линия фронта была в нескольких сотнях километров. Это говорило о том, что опасность должна была придти с моря. Так оно и было. Команданте Ху, заикаясь и по-вологодски окая, сообщил, что буквально в нескольких десятках миль проходят учения флота Белого орлана. И под его эгидой возможна высадка десанта бежавших войск прошлого режима, а сил - кот наплакал, и береговая оборона равна нулю, ну, а подкрепления с тяжелым вооружением будут не раньше, чем через неделю. И тут нашелся самый умный. Сегодня это был Сокол, помешанный на военно-морской истории. Он и предложил устроить на доминирующем над портом мысе, выдающемся в океан и являющейся идеальным местом для высадки десанта, фальшивые береговые батареи, как бы для устрашения противника. Команданте Ху восхитился гениальностью Сокола и тут же стал ныть, что у него совсем нет людей и помочь ему можем только мы, и он даже придаст к нам группу секретных мареманов каплейта Мазовецкого. Короче, не успел Барон его послать, а мы завершить сборы в дорогу, как пришла радиограмма о нашем временном придании Главному Военному Советнику Майору Пенусу.

К началу совещания подошли мареманы Мазовецкого. Они сияли, как известное место у коня Медного всадника в ночь выпуска Дзержинки, и что-то бурно обсуждали, а когда уже в помещении штаба самый молодой из них, покрутив головой, выдал фразу:

- Ну, прямо новый Рюгген.

Каплейт так на него взглянул, что молодой лейтенант аж побледнел.

Каплейт Мазовецкий оказался своим парнем. Он в унисон с Бароном послал Пенуса в штаб к местным со сквозь фальшивым списком нужного оборудования (чтоб не путался под ногами), а сам вместе с Бароном, довольным, как удав, Тарасюком и абсолютно затравленным Соколом занялся разработкой диспозиции. Нужен был строевой лес, трубы, краска и маскировочные сети. Тарасюк, в ответ на вопросительный взгляд командира откашлялся и доложил, что под охраной отдельного отряда племенной милиции аж «у далекому куточку порту» стоит пароход типа Либерти с мертвой машиной, но загруженный имуществом каких-то мелких нефтяников и стройматериалов. И труб там, «як галушок на святі». Так что, если Тарасюку «дадут для обміну вантажівку з ящиками, яка знаходиться у комендатурі, то через три години все буде готове». А если брать силой, то только к утру, «тому що, працювати буде можна тільки вночі, коли чорненькі міліціонери сплять». Каплейт подозрительно посмотрел на Тарасюка и недоверчиво на Барона, но командир, улыбнувшись, кивнул, и моряк успокоился. Так что, перед вернувшимся из штаба команданте Ху поставили ряд первостепенных задач – изъять из

комендатуры вышепоименованный грузовик для обміну, забрать оттуда же минометную батарею, изыскать пару бульдозеров и экскаватор, и перегнать их на мыс, выделить достаточное количество маскировочной сетки, найти буксир, способный транспортировать Либерти к мысу, и эвакуировать все, что шевелится в радиусе трех километров от мыса. Кроме рыбы, не удержавшись, добавил Аким.

За содержимое таинственных ящиков из комендантского грузовика охрана «Прекрасной Маргариты», так называлась старая ржавая калоша, разрешила забрать из трюмов и с палубы кучу полезных вещей. Это были деревянные щиты и балки, стальные трубы, пара автогенераторов, лебедки, краска и много чего еще.

Прорабская группа в составе Сокола, Акима и Тарасюка запрягла в работу всех, до кого могла дотянуться, и приبلудные строители весьмагодились. Сначала, конечно, было израсходовано с обеих сторон несколько центнеров военно-строительных матюгов, но рявканье Барона, подтвержденное переговорами Тарасюка с Бригадиром, запустило маховик строительно-монтажных работ. Было решено поставить пять одноорудийных точек Британского образца, дерева хватало, а трубы как раз вполне походили на двенадцатидюймовые стволы. Открытым оставался вопрос об имитации ведения огня, и тут диверсанты Мазовецкого предложили весьма интересный вариант: у них остался десяток зарядов, и они брались установить их на отмели, и по сигналу взорвать по радио. Но вопрос о том, как все-таки имитировать стрельбу с батареи, оставался открытым. И тут воспрянувший Сокол заявил, что в старом форте стоит дюжина 42 фунтовых морских орудий с севшего на мель и разбитого штормом лет 150 назад Британского фрегата. Аким пришел в дикий восторг и стал требовать у Команданте Ху транспорт и грузчиков, но это была не последняя для него радость на сегодня... Уловив выжидающий взгляд командира, Тарасюк сказал, что у него есть «ще якась дрібничка, яка може знадобитися». И на вопрос заинтересовавшегося Барона добавил: «Так пушки або бомбомети якісь». Тем временем, Аким уже разгрузил трехтонные дуры длиной четыре метра, и углубился вместе с Соколом и Мазовецким в расчеты, сколько надо засыпать в орудия пороха, чтобы и бабахнуло нормально, но не рвануло. И тут подкатил Тарасюк на DAF, картинно откинул борт и снял со штабеля ящиков брезент. Когда Аким прочитал маркировку на ящиках, выражение его лица было сродни умильной мордочки щенка, которому вместо постылого пориджа положили ломоть ветчины, посыпанный педигрином.

- Это же 160 мм минометы, – замирающим голосом простонал Аким. – Сколько штук и как с боезапасом.

- Пять стволов. Шестьдесят лотков с минами и 200 дополнительных зарядов, – гордо доложил Тарасюк, а потом смущенно добавил: - Тільки от колеса заховали, гади.

- Ничего, - радостно сказал Аким. - До позиций дотянем, а там колеса ни к чему.

Воспользовавшись перекурком, Барон отвел Мазовецкого в сторону и спросил простовато-нейтральным тоном,

- Что и тут Кригсмарин Рейха отметились? Да ты не дергайся каплейт. Нам сам Гречко лекцию читал и про приказ Гитлера о консервации бригады субмарин, и о подъеме девяти рыбок Денница у Рюггена 1956 году, и о том, что Маринеско сам того не ведая спас тысячи жизней, пустив на дно секретные экипажи, которые должны были, подождав 10 лет, вывести на коммуникации десятки лучших U-boat Рейха.

Мазовецкий, помедлив минуту, кивнул головой и, оглянувшись, сказал:

- Тут недалеко от берега лежит законсервированная лодка серии XXI.

Причем, лежит на ровном киле, хотя и с дифферентом на корму. Внутри все тип-топ, пять аппаратов на товсь, в баллонах есть сжатый воздух и даже аккумуляторные батареи не пустые, судя по всему - за ней регулярно присматривали...

- Но теперь присматривать некому, - закончил за него Барон.

К утру дня «М» все было готово, и когда на горизонте показалась эскадра вторжения, как высокопарно назвал Сокол отряд из пяти вымпелов, все даже испытали определенное облегчение. Главными сегодня были Аким и лейтенант Силаев по кличке Змей, ибо именно от данных их дальномеров и расчетов зависел ход боевых действий.

- Та-а-а-ак, - протянул Змей. - Два эсминца серии Чарльз Ф.Адамс, у них всего по две 127 мм пушки и, следовательно, контрбатареиную борьбу затевать не должны. Транспорта... два ржавое каботажное дерьмо и один что-то вроде Либерти или Виктори, что тоже является ржавым дерьмом. Ну, пора.

С этими словами он утопил плунжер взрывной машинки, и у берега стройно бабахнуло три небольших фонтанчика воды. Через несколько минут, левее траверза, вспороли воду один за другим пять воздушных пузырей, и лейтенант, щелкнув секундомером, уставился на циферблат, Аким же буквально врос в дальномер. Минуты тянулись одна за другой. Вдруг один из эсминцев резко изменил курс, и чуть позднее второй тоже начал противоторпедный маневр.

- Вот засранцы, - выругался Змей. - Служба наблюдения поставлена отменно.

Но тут из-под ватерлинии самого большого транспорта вырос фонтан воды, подсвеченный пламенем, а чуть позднее - еще один. Но это был еще не конец концерта... В метрах двухстах от берега забурлило море, и свету явилась облепленная водорослями субмарина Кригсмарин. Далее события стали развиваться подобно снежному кому. Торпедированный

транспорт стал тонуть и вроде даже разваливаться, один из двух оставшихся на плаву ветеранов африканского каботажа стал в дрейф и спустил шлюпки, а второй в меру сил старой машины стал разворачиваться явно для того, чтобы сделать ноги (или что там у парашютистов). Ну, а эсминцы дали ход в сторону берега и открыли огонь по субмарине. Аким орал сразу по двум полевым телефонам, и когда перед фальшивыми орудиями береговой артиллерии взорвались небольшие заряды взрывчатки, имитирующие огонь, в дело вступили минометы. По курсу эсминцев встали водяные султаны, а орудия бахнули уже совсем как настоящие, в этом им помогли морские пушки, ждавшие этого момента 150 лет. Миномет их, естественно, опять продублировали, причем, две мины нашли свои цели, эсминцы огрызнулись четырьмя снарядами... И тут над последней U-boat Третьего рейха поднялся столб огня и дыма. Эсминцы стали расходиться в разные стороны, уходя на разворот. К Барону подошел Капитан-лейтенант Мазовецкий уже заменивший водолазный костюм на сухопутное сафари.

- Ну, вот и все, - сказал он. - Задание выполнено и твое, и мое. Высадка десанта сорвана, подлодка уничтожена, наши потери - ноль. И, что обидно, эти халявные медузы с эсминцев получают за лодку награды.

Через полгода после этих событий немножко поддатый дяденька из ЦК на банкете задолбал Сокола своими похвалами. Каждые десять минут он подкатывал к лейтенанту, хлопал его по плечу и кричал на весь зал, что только парень из рабочей семьи может выдать такую гениальную идею, проявив при этом, воистину, пролетарскую смекалку. А сын профессора математики и преподавательницы из Гнессинки честно хлопал глазами.

А еще два года спустя, субботним вечером, моряк и армеец шли с наградного банкета, и с увлечением спорили о том, откуда родилась идея фальшивых береговых батарей. То, что делали на Ла Манше и немцы, и Наполеон, возражений не вызывало. Но дальнейшие исторические изыски подвергались мощнейшим обструкциям, и дискутирующим сторонам стало ясно, что для большего вхождения в тему требуется продолжение банкета. Но тут из-за угла появилась компания интелов, распеваящая кухонный вариант песни «Куба - любовь моя», типа – «Куба, отдай наш хлеб, Куба, возьми свой сахар. Куба, Никиты уж нету давно, Куба пошла ты на...». Пришлось набить морды, и в самый разгар утешения справедливого гнева появилась доблестная Московская милиция. На вопрос, почему это товарищи офицеры обижают пятерых штатских, Барон объяснил обиженным голосом Дона Сэры, что, мол, эти хулиганы выкрикивали на всю улицу омерзительную фразу – «Менты – козлы», а поскольку у меня самого брат милиционер, а у товарища кап три жена работает в милиции (услышав это, Мазовецкий закашлялся и зажал рот рукой), мы не смогли сдержаться, и немного их наказали. У патруля эти действия вызвали полное одобрение, и, забрав с собой помятых

очкариков, альгвазилы удалились. А друзья взяли тачку и поехали продолжать диспут в Ресторан-поплавок «Прибой», известный обалденными куриными котлетами, фаршированными грибами.

***

Парабеллум и Беляши, как инструменты народной дипломатии (Фантазия на тему Африканских снов XV)

Ну, надо же так тупо попасться в уже освобожденном городе. Если выживу - и сам никому не расскажу, и ребятам накажу молчать, а то ведь такая стыдоба. Трое уродов держали нас под прицелом калашей, а соплячка-мулатка, бросившаяся к нам под колеса, стояла и радостно скалилась. Наши автоматы были молодецки уперты прикладами в сидения или в правое колено, как, например, у меня. А инсургенты были явно не новички, особенно те, которые стояли с левой стороны от машины. Справа стоял только один, и это давало надежду. Мы, сделав испуганные лица и бормоча, что мы мирные инженеры (это с нашими-то рожами), бестолково стали протягивать все четыре автомата двум уродам стоящим слева. Когда они стали принимать трофеи, и я заметил, что с той стороны нам теперь угрожает только один автомат, я, заискивающе улыбаясь, протянул своему визави старый добрый Хайпауер в родной кобуре с прикладом. А когда он жадно в него вцепился рукой, я стал снимать через голову ремешок и смог, наконец, аккуратно прострелить ему голову из Люгера, дремавшего до поры до времени у меня за спиной. Таракан достал своего охранника ножом в горло, ну, а последний из нападавших, державший в охапке наши автоматы, просто получил от Аркани удар мощный удар кулаком, вылившийся в нокаут с последующим контрольным выстрелом. Одновременно с этими действиями мы, кто грациозно, а кто просто так, выпрыгнули из джипа и заняли оборону. Но духи Замбези хранили нас сегодня, кроме тех, кого мы положили, вокруг никого не было, а коварная девчонка как испарилась. Как всегда "вовремя" подтянулся "крокодил" с местной национальной гвардией. Напыщенно-восторженный лейтенант в пожарной каске цокал языком и закатывал глаза, осматривая поле боя. Потом нас проэскортировали к месту новой дислокации. Революционное командование выделило нам особняк инженера с золотых приисков, с охраной, и, что важно, с действующим бассейном. Кто бывал в Африке - поймет, как это здорово иметь под рукой водоем для купания, напрочь лишенный враждебных к представителям Родины развитого Социализма рыб, насекомых и животных. Мы сложили одежду в уставные штабельки и ринулись в

прохладу струй. Но кайфовать нам пришлось недолго. В небе очень неприятно заныло и застонало. Такие звуки могли издавать только минометные мины, и, все, что нам оставалось, так это нырнуть, ибо выбор был не велик: либо изображать глушенную рыбу (что не наверняка), либо подушечку для осколков и боксерскую грушу для ударной волны (что как раз почти факт). В результате огневого налета одна мина разорвалась на улице, другая попала в крышу особняка и взрываться раздумала, а третья очень удачно, от всей своей пятидесяти миллиметровой минометной души, сделала воронку на месте аккуратной стопки с моей одеждой и амуницией. Так погиб мой любимый Люгер, а история с ним началась за полгода до этого.

Апрель в этих местах был не очень холодным, градусов тридцать в тени не больше. Так что ждать было вполне терпимо, хотя и слишком задерживаться здесь не хотелось. У меня был день рождения, и народ уже практически сидел за столом. Главное блюдо - беляши по моему личному рецепту - готовы были уже прыгнуть в кипящее масло на противнях и сковородках. Но пару часов назад пришла радиограмма, что в 15-00 будет самолет с оказией в виде трех бутылок "Столичной" и, о, счастье, буханкой черного хлеба. Судя по тому, что в аэропорту было мало народа, рейс который я ожидал, был левый. Но внезапно в воздухе почувствовался запах тревоги. Перед зданием аэропорта заревели двигатели, захлопали дверцы автомобилей, и на поле почти одновременно появились особыты всех присутствующих на данном ТВД сторон. Наш капитан Сыщиков, камарадо Альварец из местных и компаньеро Хоакин из союзников. Они вежливо поприветствовали меня, но усилено делали вид, что не замечают друг друга. Однако, когда проявились послы и И.О. Главного советника, стало ясно, что я могу пролететь и мимо водки, и мимо чернушки. Не то что бы дипломаты, генералы могли спереть мою посылку, но у меня появилось подозрение, что мы ждем с ними один и тот же самолет. Мои размышления прервал капитан Сыщиков. Он, кстати, тоже был среди приглашенных на мой день рождения, и уже побывал в пиршественной зале и сообщил, что весь народ практически трезв, хоть и слегка уже смазал печень, беляши ждут на леднике своей участи, а кухонные сеньориты наготове ко всем видам эксплуатации. Сделав секретное лицо, капитан пригласил меня к нашему генералу на совещание. Ситуация была следующая... С минуты на минуту здесь ждали борт с ну очень высоким союзническим чином. К встрече, естественно, ничего не было готово, ибо в армии и политике, как правило, удаются только запланированные экспромты. И нужно было где-нибудь прокантовать знатного Гостя минимум пару часов. Причем, это надо было сделать дипломатично и ненавязчиво. Так как все мысли у меня были о застолье, то и решение я предложил ненавязчиво уводящее операцию в ту сторону.

- Товарищ генерал, - преданно поедая глазами начальство, сказал я. - Объясните товарищу министру, что враг не дремлет, напомните историю с Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным в Тегеране (я думаю, сравнение ему понравится). И объясните, что в целях безопасности он должен отдельно от большой свиты, инкогнито, проследовать в абсолютно безопасное место, о котором враги и не подозревают, ну, а потом появиться и в официальных присутствиях. И что все это, в принципе, одна большая операция прикрытия. Можно позднее устроить в стороне перестрелку, а потом доложить, что враг побежден, поражен и разоблачен. Тут и орденок потом может обломиться. Ну, а самое безопасное и тихое место в этом городе - это место дислокации моей группы, где вокруг сплошные танки и смелые и политически грамотные офицеры.

Короче, процесс был одобрен и покатился в нужном мне направлении, Компаньеро, генерал и его близкое сопровождение, судя по всему, уже успели по чуть-чуть "остограммиться" в самолете, так что, когда мы прибыли к накрытым столам в наши пенаты, это было воспринято весьма благосклонно и с аппетитом. Зазвенели бокалы, стаканы, чашки и кружки, зашкворчали беляши, понеслись здравицы, перемежаемые политически правильными тостами, произносимыми мною и троицей особистов. Генерал оказался веселым и компанейским человеком, совсем не похожим на наших партийных и прочих бонз. И, пожалуй, все наши ребята сподобились с ним чокнуться, Аким в припадке дружелюбия даже хлопнул его по плечу, но экселенция министр не обратил на это внимания, чего нельзя было сказать о бдящих и сопровождающих товарищах, сделавших одновременно глаза в разных геометрических конфигурациях, весьма далеких от круга. Переводчица генерала, очаровательное существо цвета шоколада с молоком, по имени Белинда, смущаясь, попросила у меня рецепт этих жутко вкусных пастелито. Оный рецепт был ей естественно выдан, Таракан с моего голоса записал рецепт сразу по-испански, и сходу попытался завязать знакомство, но подошедший свитский полковник величиной с Арканю, отбил у него охоту к лирике одной мимикой. Когда знатные гости уехали, и я рассказал народу, кого они хлопали по плечу, наступила сцена как в Ревизоре.

Как сказал Аким, так ошибаться в людях ему случилось до этого один раз. Он имел в виду случай, когда нашему самолету, мирно везущему абсолютно мирные опечатанные ящики, приказали приземлиться на минутку на одном Средиземноморском аэродроме и подхватить оттуда нужного человечка. Приземлились мы удачно, вырулили на нужную полосу и, жужжа четырьмя низкими шмелиными басами, вырулили на самой маленькой скорости в сторону взлета. От непонятных строений на периферии аэродрома к нам припустился открытый пикап, за которым явно гнались пешие, но вооруженные люди. Учитывая, что над пикапом размахивали чем-то оранжевым, что

означало "свой", мы поддержали его экипаж огнем. Когда аэродромная таратайка приблизилась, мы смогли разглядеть поближе трех ее седоков. Водила - явно местный - в камуфляже, ну, а пассажиры... один из них европеец в элегантном костюме с дипломатом, похожий на Конери, Мура и Тихонова одновременно, а второй - типичный левантйский оборванец без возраста и национальности. Когда пикап подъехал к самолету, то к нашему изумлению, оборванец пожал руку европейцу, взял у него дипломат и, шустро выпрыгнув из пикапа, стремглав помчался к уже выкинутой ему навстречу дюралевой лестнице.

- Да-а-а-а, - сказал тогда Аким, - Бонды пошли уже не те.

На следующий день, тот самый, похожий на Арканю, полковник, привез мне тот самый Люгер, и передал на словах благодарность министра за грамотное поведение операции прикрытия.

А местные альгвазилы в день приезда знатной Персоны поймали-таки одного шпиона и диверсанта прямо на аэродроме. Эта подозрительная личность с не менее подозрительным свертком, выясняла (естественно в подрывных и диверсионных целях), а куда поехала наша машина, и где можно меня найти в самое ближайшее время. Расследование показало, что этот тип был бортмехаником с пришедшего борта, а в свертке были предметы гораздо более интересные, чем взрывчатка - три бутылки Столичной и подчерствелая буханка черного хлеба.

Рецепт беляшей, для лиц и организаций, находящихся на территории СССР.

Итак, главное - это фарш. Для среднего застолья требуется - 1 кг говядины, 1 кг постной свинины, 0,5 кг баранины, 0,2 кг шпика, 6 - яиц куриных.

Русского, Крымского, Узбекского и Белого лука по две луковицы (мелко нарезать). Головка чеснока (натереть). Пучок петрушки и пучок укропа (измельчить).

Внутри каждого мясного шарика кладется ма-а-а-а-ленький кусочек сливочного масла.

Четыре сорта перца и соль по вкусу.

Тесто - дрожжевое:

мука - 2 стакана,

маргарин или масло растительное - 0-2 ст. л.,

яйца - 0-1/2 шт,

дрожжи - 10-15 г,

соль - 1/4 ч.л.,

вода или молоко - 1/2 стакана,

А чтобы было совсем вкусно, для жарки необходимо не простое "Масло подсолнечное", а нерафинированное и с запахом жареных семечек.

***

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ УТЮГОВ В СЕЗОН ДОЖДЕЙ (Фантазия на тему Африканских снов XVI)

В этом городишке мы застряли в самый сезон дождей, но когда он закончился, то оказалось, что проблемы только начинаются. Территория, которая находилась посередине бескрайнего моря заболоченной местности, представляла собой плато, изображающее по форме сковородку диаметром километров семьдесят с длиннющей ручкой - дамбой эдак километров на тридцать. На сегодня оттуда можно было выбраться только по дамбе, ибо противоположный путь собирался подсохнуть еще очень не скоро. Груз, который мы должны были эвакуировать, состоял из двух дюжин тяжелых грузовиков и, согласно приказу, уничтожению не подлежал. Но был еще один нюанс, а, вернее, целых два. На данной территории находились огромные склады недавно почившего в Бозе молодого государства, из обломков по-быстрому образовались два еще более молодых государства. Одно из них быстренько вступило на путь Социализма, и мы его сразу же стали поддерживать. Склады были в зоне наших союзников, и все, что там было - полагалось им, кроме этих двенадцати грузовиков. Нам было приказано ждать, но в качестве второго нюанса конкуренты наших новых друзей тоже раскатали нос на эти склады и, согласно последним данным разведки, до двух тысяч их пехоты бодро шагали по ручке нашей сковородки для устройства праздничного омлета. Две роты складской охраны и комендантский взвод, какой-либо военной ценности не представляли, так что все заботы об обороне ложились на нашу группу и подразделение коллег из смежной конторы. И хотя нас, в общей сложности, было аж тридцать человек, этого явно не хватало. Командование сообщило, что мы должны продержаться до часа X, а потом все будет в шоколаде, и мы стали готовиться. Для такого боя ресурсы были бедноваты. Взрывчатки наскребли еле-еле на один фугас, девять пулеметов распределили по огневым точкам, но выходило, что так и так противник мог за счет численного преимущества прорваться к базе. Ночью весь городок был разбужен взрывом и беспорядочной стрельбой со стороны дамбы. Мы дождались разведки противника, это был "Панар" AML-60 и дежурный лейтенант,

не придумав ничего более умного, взорвал фугас. Хорошо, что еще французская коробочка была без штатного миномета. Один пленный нам таки достался, и подтвердил, что по дамбе в нашу сторону идет Второй полк вооруженных сил Национального Комитета численностью 1800 штыков. Броневики и тяжелого вооружения у них больше не было, и оружие наличествовало только легкое стрелковое.

Совет в Филях затянулся за полночь, и когда очередное предложение Акима о деморализации противника путем удара тяжелым оружием было признано выпендривом и заумью, стали думать о других подобных вариантах. Из тяжелого оружия у нас был старый французский "НОРАТЛАС" в грузовом варианте, поднимающий тонн пять груза, с открывающимся сзади грузовым люком, но не вооруженный. Был, кстати, и неплохой аэродром с бетонной двухкилометровой полосой, но не было ничего похожего на авиабомбы. И тут внезапно заговорил старшина Тарасюк...

- У нашому селі трапився випадок: побилися дві баби - сусідки. Побилися, звичайно, за чоловіка. Так, одна іншу чавунної сковородкою пригостила, а друга у неї чавунною праскою запустила. Скажені прямо. Якщо б на їхньому місці були чоловіки, не один би не вижив, а цим кобилам здоровенним, як кринку молока випити....

Наступила полная тишина, нарушенная воплем Акима:

- Тарасюк, ты гений!

Когда мы были дислоцированы на территории этого склада, у Тарасюка было лицо человека попавшего в рай. Он не поленился и облазил практически все пакгаузы, самолет, кстати, нашел именно он. Машина оказалась на ходу, вернее - на лету. Горючее также имелось, была даже мысль заняться эвакуацией груза на нем, но просчитав, что это будет аж 72 вылета, от этой идеи пришлось отказаться. Ну, а сам Тарасюк катался по складу, как кабан в конюшине. Но склад был с упором на амуниционную тему, и эйфория сменилась скукой. Наш вездесущий старшина сделал один главный вывод – «З великої хмари - та й малий дощ!». На складах много чего было, осталось что-то даже со Второй мировой, но вот чего-то эдакого не присутствовало. Диапазон от кирзовых сапог до колониальных белых гетр, армейских термосов немецкого образца, достаточно неплохого шанцевого инструмента и комплекты всевозможной униформы, могущей украсить целую армию, - все это было «не то». Конечно, найденный самолет несколько поднял настроение старшине, и он хоть и расстроился, узнав, что в эвакуации груза его находка не пригодится, нашел-таки в себе силы пошутить по этому поводу: "Добрый борщик, та малий в нас горщик". Но в особенное расстройство духа Тарасюка привел пакгауз, набитый старинными чугунами утюгами.

- І що вони збиралися тут робити цими утюгами? Ананаси в кокоси переробляти? А лижи вони сюди не завезли випадком? - ворчал старшина, но вот и утюги пригодились...

В грузовом отсеке Норатласа уже были направляющие для контейнеров. Их несколько доработали наши умельцы, Тарасюк, который был ассом в погрузке - разгрузке, предложил добавить между направляющими ряды подшипников, ящики с утюгами ставить на поддоны и т.д. в общем, процесс пошел. Правда, когда самолет выкатили из ангара, у Барона от удивления отвисла челюсть: на фюзеляже самолета ярко выделялись красно-черно-зелёные, опознавательные знаки ВВС Биафры. На недоуменный взгляд командира Тарасюк с наиболее индифферентным из выражений его лица скромно пробормотал:

- Так, товаришу командире, ці знаки були закрашені трохи не вапном (известью)... Ми їх і відмили трішки, а так дуже гарна птиця вийшла...

С учетом того, что на потолке грузовой кабины был действующий электро-тельфер, все процессы загрузки и сброса более менее устаканились, и, загрузив пробную партию ящиков с "боевыми утюгами нашего племени" (хохма Акима, разумеется), был проведен пробный вылет, потом еще один, потом еще три и, наконец, выбрав оптимальную высоту и скорость для хорошего накрытия, загрузили машину уже для боевого вылета. Барон заметно нервничал, что вообще-то было ему несвойственно. Самолет отправлялся без него, а командир не любил отпускать от себя в бой своих ребят, но Центр приказал ему находиться на базе. В экипаж самолета входили Аким и Змей (пилоты), Тарасюк, Борька и Арканя в грузовом отсеке. План был следующий... Самолет по большой дуге облетает дамбу, и заходит на бомбежку пехоты противника с тыла, по выброске всех ящиков с утюгами в дело вступают три ручных пулемета. Как посчитали все, для дезорганизации и паники вполне достаточно, и, даже если противник успеет к базе до обещанной нам подмоги, боевого задора у него будет существенно меньше. А помощь командование обещало точно, и лишним подтверждением было постоянное повторение приказа не трогать груз на тех самых грузовиках, и ни под каким видом никого к нему не подпускать. Плюс к этому начальство, поставленное в известность о боевом вылете самолета "Гарна птиця", запросили его позывной и дали волну, на которой надо было все время находиться на приеме. На рации как раз был Аким, и позывной у самолета придуманный им, естественно, звучал как "Утюг". Два часа спустя "Гарна птиця", сделав красивый заход, как по ниточке летела над дамбой, и на головы обалдевших солдат Национального Комитета сыпались сотни тяжелых старинных утюгов. Как по заказу, лишь только последние ящики, кувыряясь, выпали из открытого грузового люка, по рации позывному "Утюг" пришла команда сдать влево и изменить эшелон. Когда изготовившиеся к стрельбе Тарасюк, Борька и Арканя увидели, что грузовой люк стал закрываться и почувствовали, что самолет резко взял вверх, они с воплями кинулись к пилотской

кабине, но навстречу им вышел Аким и предложил посмотреть в правые иллюминаторы, а там солидным гуськом летели "Фантомасы", величаво разворачиваясь над растрепанной пехотной колонной и посылая каждый, длинные трассирующие приветы из кормовых турелей. Как потом выяснилось, они разворачивались после выброски десанта, для захода на посадку...

На них мы и улетели.

Кадиллак "Эльдорадо", как аргумент в переговорах

(Фантазия на тему Африканских снов XVII)

Планета, на которой должно было происходить это задание, отличалась богатейшим ландшафтом. Тут были и горы, и джунгли, и моря, и пустыни, и богатейший животный мир. Когда Аким рассказывал об одном из местных животных, которого пейзажи употребляли и как транспорт, и как шерстяной комбинат, и как пищу, то старшину Тарасюка эта тема сразу заинтересовала...

- А що це за звір такий ? - спросил старшина.
- А кінь такий з вухами і кошлатий, - ответил на рідній мові Аким.
- А вони смачні? - еще более заинтересованно спросил Тарасюк.
- А это, смотря, кто кого поймает, ты его или он тебя, - под общий хохот сказал старлей.

Нет, вы не подумайте, мы до этого нигде кроме Земли не работали. Но Аким был абсолютно уверен, что когда нас пошлют помогать строить Советскую власть на другую планету, то ландшафт там будет, как обычно, любой кроме комфортного. Изначально все было просто и очевидно: у армии местного прогрессивного режима были на вооружении "пятьдесятпятки" и без неких приборов они не могли хорошо стрелять. Так вот, эти приборы мы и привезли. Но тут начальство решило, что слишком просто - это не есть хорошо, и подкинуло нам довесок к заданию. До того, как местный режим стал прогрессивным, в горах и лесах водились кой-какие партизанен. И в перспективе они могли стать официальной властью, и для данной перспективы в достаточно дикой местности поросшей горами, озерами и некоторой зеленкой, был схрон с некими аксессуарами, необходимыми для борьбы с международным империализмом. И, так как данная борьба временно откладывалась, нам ставилась задача изъять и вернуть. Причем, местность было хоть и дикая, но населенная. Информация по точке операции, которую дал нам

питомец лейтенанта Джампьетри Рохаса, была тусклая: пара горно-лесных племен, причем, вождь того, которое контролировало нужную нам гору, изрытую пещерами, - бывший партизанский командир левого толка, ушедший от политики в состояние изоляционизма. Есть дорога, проходимая для джипов. Военные действия в данный момент не ведутся. В общем, как сказал Аким - Сказка Аленький цветочек, дубль второй.

Наши четыре джипа добрались до места сравнительно быстро, ибо войны тут не было, а от полиции неприятностей не ожидалось, - ведь с нами был сопровождающий, от жетона которого шарахались любые из местных альгвазилов, а альгвазилов тут, кстати, хватало, причем, и гражданских, и военных. На наши расспросы по поводу их активности, сопровождающий ответил, что где-то тут упала какая-то небесная железка северных гринго, и за нее обещана награда размером в мешок солей. Итак, компания гидрогеологов прибыла в небольшой городок, где разместилась в затрапезной гостинице, клопы в которой носили в себе, наверное, еще генетический код Кортеса, и приступила к рекогносцировке. Аким с Тараканом и Арканей упылил на джипе в сторону интересующей нас местности, и через двое суток доставили языка. Пленный индеец оказался проворовавшимся сотрудником нового вождя. При нем были обнаружены бранзулетки из желтого металла и мешочек с разноцветными камушками, так что допрос протекал при свободном волеизлиянии. Сначала туземцу показали Арканю, злобно щелкающего зубами, а потом обнаруженный в торбах тайник с драгоценностями, и жестокие гринго предложили беглому казнокраду следующую альтернативу... Либо его перекусывают пополам и конфискуют ценности, либо он рассказывает все, что знает о вожде племени и вообще всех местных новостях. Ну, и как вы думаете, что он выбрал?

А инфа была не радостная. Конечно, по законам жанра я был должен написать о том, что Вождь учился в «Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы», много лет хранил у себя в подвале Октябрьскую звездочку и с радостью решил помочь советским компаньерос, камарадос и геноссен во имя торжества Социализма во всем Мире. И все бы кончилось быстро и в шоколаде. Но, действительность была гораздо более заковыристой и гораздо менее шоколадной...

Означенный мамамуши учился ни где-нибудь, но в Сорбонне, откуда был отчислен за бурное участие в Парижских событиях 1968 года и, вернувшись в родные пенаты, он устроил в родных лесах зачистку, потому что, помимо всего прочего, принадлежал к маоистскому крылу французского левого студенческого движения, и по привычке считал любых других леваков ревизионистами, а не

леваков империалистическими собаками. И звали его теперь - Касик Себастьян. Так что, шоколад не был единственным ингредиентом в данной проблеме, и как говорил Тарасюк:

- Сало в шоколаді, звичайно, смачна їжа, але тільки для тих, хто може правильно відкушувати.

Но в полученной от визиря-казнокрада информации было одно, явно жемчужное, зерно. В этом городке, оказывается, имелся представитель Вождя. Официально он был хозяином помеси магазинчика и кабачка, но представлял он племенное руководство абсолютно легитимно. И даже звали его Веласкес. «Хорошо хоть не Сальвадор Дали», - проворчал Аким, недовольный тем, что его не взяли на переговоры. А на переговоры пошли двумя группами: сначала Тарасюк и Арканя под видом покупателей самородков из местных приисков, затем Барон и Таракан, ну, а остальные ребята, естественно, осуществляли прикрытие. Идти в городское гнездо горных маоистов решили перед самой сиестой. Надо сразу заметить, что все члены делегации по знакомству были в пончо. Вертя накануне в руках обновку, Тарасюк ворчал:

- Якщо це піджак, то де рукави, ну а якщо це ковдра, то навіщо дірка?

- Не грусти, старшина, пускай кобыла грустит, - серьезно произнес Аким.

- А при чому тут кобыла? - удивился Тарасюк.

- А у нее голова большая! - резюмировал Аким.

Когда Барон и Таракан вошли в сумрачный после залитой солнцем улицы зал, Тарасюк и Арканя, уплетавшие шамбар (благо был понедельник), были единственными клиентами. Навстречу новым гостям бросился хозяин, сходу заявивший, что счастлив видеть благородных синьоров в своем скромном заведении и что их давно уже ждут очень важные люди, и приглашающее показал на дверь на другом конце помещения. Арканя громко рыгнул, это был знак что он готов к бою, но Барон, сразу заметивший, что декоративные циновки на стенах явно скрывают проемы, сделал понятный только своим знак, что драку начинать рано, и, кивнув хозяину, пошел к указанной им двери, Таракан естественно пошел за ним.

Комната, куда вошли два мирных гидрогеолога, была обставлена почти по - спартански, если не считать кондиционера и золотого блюда на отдельном столике. На блюде было что-то круглое, размером с футбольный мяч, и накрытое черной тканью. Еще в комнате были стол и стул. На стуле сидел элегантный синьор в белом костюме, пил мате из калибассе и курил сигару El Original. На лацкане пиджака от Версаче сверкал золотом значок с профилем Великого Кормчего. За его спиной стояла прекрасная туземка,

естественно, с опахалом. Натюрморт дополнял изящный никелированный револьвер и парочка здоровенных мучачос - переростков. Нужно было быть очень большим идиотом, чтобы не понять, кто этот кабальеро, и не догадаться, что за предмет лежал на золотом блюде. А Барон и Таракан к идиотам явно не относились.

- Здравствуйте, Касик, чем обязаны такой чести? - мирно спросил Барон.

Касик брезгливо усмехнулся и сказал:

- Это я должен задать такой вопрос, но ваш знакомый, чья голова, как вы, конечно, догадались, пребывает на том блюде, многое успел рассказать мне о любопытстве, проявленном некими Гринго к моим делам и к моей скромной персоне. Я не люблю таких любопытных и, видимо, сегодня же распрощаюсь с вами навсегда, если вы, конечно, не захотите мне помочь. Вы как мне сообщили гидрогеологи, у нас есть озеро, которое должно, согласно пророчеству, излить свои воды на наших врагов. Так что выхода у вас два: либо сотрудничество, либо дополнение к компании вашего знакомого, причем, легкой смерти не ждите, это я сказал - Великий и могучий Сын Неба, Воды и Земли". С этими словами он небрежным жестом показал на блюдо с головой несчастного визиря, а потом, продолжая этот жест, попытался взять со стола револьвер. Но это было ошибкой...

Богатырский удар ногой отправил Касика вместе со столом, туземкой, опахалом и горячим мате в угол комнаты. Шипящее хлопанье глушителей, накрученных на Береты Барона, и Хай Пауэр Таракана, лишила конечности двух горилл возможности хвататься за оружие и прыгать в разные стороны. Еще через минуту в дверь, вынесенную Арканей, заглянул Тарасюк, в одной руке старшина держал Узи, а другой прижимал к себе трехлитровую барную бутылку золотой текилы. Впоследствии, на вопрос Командира - «А зачем оно тебе нужно?», Тарасюк сделал невинно-удивленное лицо коровы, которую доит деревенский вор, отрапортовал:

- Так попереду чекають бої, а для дезинфекції або там від простуди, або як знеболіюче, ця вода може і стати в нагоді.

- Смотри, как бы я тебя не продезинфицировал этой водичкой, - ответил Барон, но не стал принимать немедленных мер. Ибо любая конфискация, проведенная старшиной, в конечном итоге приносила пользу команде, а, следовательно, и Заданию.

Ну, а сейчас все было на мази. Гориллы лежали на полу, зажимая честно полученные боевые раны. Туземка дисциплинированно

собрала по приказу Таракана ставшее бесхозным холодное и огнестрельное оружие, и, сменив опахало на корпию и милосердие, оказывала раненым первую помощь. Сквозь проем двери было видно, как трактирщик и официант под руководством Аркани вытаскивали из стенных ниш, задрапированных ранее циновками, засадный полк в количестве еще пары бодигардов, выведенный из строя меткими девятимиллиметровыми пулями, посланными в них из детищ иудейской военной мысли. Великий и могучий Сын Неба, Воды и Земли, повизгивая от струйки горячего мата, сочившейся ему на брюки, миролюбиво находился в позе калачика, и среди обломков стола и опахала ждал продолжения банкета. И продолжение наступило...

Переговоры продолжились в комнате с целой мебелью и без мата. Но пошли они, увы, не так успешно, как нам бы хотелось. Узнав, что нас интересуют пещеры Священной горы, Касик успокоился и снова стал нагло-валяжен.

- Вот что я скажу вам, господа. Раз вам нужна пещера, то заплатить вам придется мою цену. Мои люди уже пытались туда проникнуть, но их завалило взрывом. Теперь мне понятно, что там есть что-то нужное для гринго. Без моей помощи вам завалы не раскопать, и, тем более, не попасть к горе. Угроз ваших я не боюсь, потому что вижу, что вы профессионалы, а профессионалы зря не убивают. Ну, а цена моя будет следующая... Вы изливаете воды озера на территорию моих врагов и делаете мне к свадьбе подарок.

- Какой подарок? - обалдело спросил Барон.

- Моей невесте очень нравится Кадиллак "Эльдорадо", на котором ездит жена начальника полиции одного городка в соседней стране.

Три взгляда скрестились на лице маоиста из Сорбонны. Два злобных и один восхищенный: Тарасюк всегда уважал достойных клиентов. Ну, а Барон, вздохнув, сказал воспрянувшему духом Себастьяну:

- Ну, что же, на счет озера мы в принципе согласны, но зарубежный кедди - это уже перебор.

- Ну, тогда я могу поменять вам на кедди нечто, могущее вас заинтересовать. Вы слышали о железке северных гринго, упавшей с неба... Так я знаю, где она...

Сделав успокоительный жест, Себастьян достал из кармана пиджака нечто, похожее на большой носовой платок. Жестом Кио он развернул его и это оказался лоскут, похожей на шелк, ткани с логотипом NASA.

- Куда подогнать Ваш кедди? - деловито спросил Барон, но последнее слово, как выяснилось, оказалось за ним.

- Я хочу сделать вам, Касик, дружеский подарок к свадьбе.

- Ну, и кто же эти неизвестные друзья? - зябко поежившись, спросил Веласкес, на что Барон ответил:

- Неизвестных друзей не бывает, бывают только неизвестные враги.

Повинуясь жесту Командира, Таракан подошел к Касику и одел ему на руку вместо большого золотого Роллекса еще более массивные часы, очень похожие на водолазные. Вождю горных маоистов объяснили, что любая попытка избавиться от подарка, либо демонтировать его, чревата взрывом. Взрывом так же чревато исчезновение нашей группы больше чем на сутки. Так что, паритет и статус-кво были установлены, и на повестку дня встало решение первого вопроса - низвержение горного озера.

Совещание гидрогеологов в составе всей нашей группы пришло к выводу, что такого количества взрывчатки просто так в мирное время на мирной территории не найти. Просить у местных э-э-э-э коллег - невозможно, конфисковать - запрещено. Так что, пришлось ломать голову, и тут Борька нарушил постулат о вреде излишнего образования. Он в свое время посещал пару факультативов, не пользующихся популярностью у других курсантов, и вынес оттуда кое-какие знания. Так что именно он и выдал идею на счет объемного взрыва. Ингредиенты были достаточно прозаичны, в первую очередь была нужна окись этилена, ну, и ряд мелочей из аптек и скобяных лавок.оборотный капитал для этого имелся, естественно, благодаря Тарасюку. Хозяин того заведения, где мы общались с Касиком, по имени Веласкес, занимался, как оказалось, скупкой и продажей самородков, водящихся в местных горах. Тарасюк с радостью занял место хозяина, и за три дня наторговал очень солидную сумму, причем, почтенный Веласкес не понес при этом никаких материальных убытков. Просто старшина покупал дешевле установленной хозяином цены, а продавал, естественно, дороже. Как это у него получалось, не понял даже Таракан, бывший при нем переводчиком. Одним словом, - Тарасюк, и этим сказано все! В процессе бизнеса выяснилось, что один из старателей - племянник заведующего складом с небольшого местного заводика по производству гидротормозных жидкостей, а уж там окиси этилена был целый примус. В общем, когда пришло время, бабахнуло знатно. Воды излились, согласно пророчеству, рейтинг Касика Себастьяна, и до этого не маленький, скакнул до небес, соседнее племя добровольно приняло его власть, ну, а местные пейзаны под руководством Борьки, Аркани и Сокола занялись раскопками. Барон уехал договариваться с местным руководством, а спецгруппа в составе Акима, Таракана и Тарасюка отправилась за Кадиллаком.

Есть три зрелища наиболее желанных для всех представителей рода людского. Это смотреть на огонь, на воду и на то, как работают другие. Аким, Тарасюк и Таракан умудрились совместить все три ситуации в одном флаконе. Они устроили пожар, и пожар этот доставлял невообразимое удовольствие местным пейзажам еще и тем, что горел полицейский участок. Сбежался, естественно, весь городок, включая семейство почтенного начальника полиции и всю прислугу.

Красный Эльдorado беспрепятственно выехал из города, полицейский на выезде привычно козырнул госпоже начальнице, промчавшейся мимо него в развевающихся кудряшках любимого золотистого парика. Госпожа Кончита что-то выкрикнула, но полицейский этого не расслышал... зато матерную фразу хорошо расслышали прятавшиеся сзади и задыхающиеся от хохота Тарасюк и Аким. Аким периодически спрашивал со страстным придыханием, мол, ну, как там наша Мерелин. Спокойный обычно, как удав, Таракан, находился в состоянии бешенства, ведь именно он изображал сановную даму. И долго после этого он терпеть не мог самого имени Мерлин Монро.

Обмен происходил на перекрестке дорог и среди бела дня. Касик на джипе в сопровождении старого студебекера и мы в полном составе плюс кедди. Барон гостеприимно указал Касику на его новую машину и светски произнес:

- Ключи в замке зажигания. - Подошедший Аким доложил, что груз проверен и погружен. А Тарасюк молча подошел к Себастьяну и снял у него с руки водолазные часы, бормоча под нос, що, мол, ще не хапало залишати біля цього гірського оглазда подарунок земляка боцмана. Как потом вспоминал старшина, «Коли цей голова високогірного колгоспу зрозумів, що там не було ніякої вибухівки, то очі у нього витріщилися як яєчня з помідорами».

До побережья, куда вел нас дальнейший маршрут, мы добрались почти без приключений. В условленном месте, на берегу небольшого залива, нас ждало непонятного вида судно, то ли заброшенная яхта спившегося миллионера, то ли сейнер с командой, переставшей на почве алкоголизма ловить рыбу, в прочем, в команде было всего три человека. Краска на судне облупилась, но медяшки почему-то блестели. И название было под стать - "Ля Тортуга въежа", хорошо, что позднее это название не оправдалось. Надстройки явно диссонировали с обводами корпуса, и были явно более поздней постройки, ну, а грузовая стрела вообще казалась абсолютно чужеродным вкраплением, но работала она, тем не менее, хорошо и сэкономила нам время погрузки. Наша "Старая черепаха" довольно резво выползла из залива и стала забирать мористее, курсом на зюйд-вест. В открытом море волна стала сильнее, но наше судно увеличило ход, и берег стала понемногу

застилать дымка, но тут внезапно на фоне берега стали проявляться, как на фотопластинке, два каких-то объекта. Погоня, однако, заметил Аким и вставил магазин в автомат. Арканя ринулся к зачехленной конструкции на баке, подозрительно напоминающей тяжелый пулемет. Но командир посмотрел на часы и рявкнул – «Отставить!» А объекты за кормой становились все больше, и уже явно было видно, что это быстроходные катера, которые шли явно по нашу душу. Черепаха снова прибавила скорости, и расстояние между нами и двумя явно быстроходными катерами перестало увеличиваться. Внезапно один из катеров стал уходить в сторону и вообще начал разворачиваться по широкой дуге. Второй явно снизил ход. Оглушительно вякнул ревун на "Черепахе", и ему со стороны носа отозвался еще кто-то, причем, отозвался буквально тигриным мявом. Все обернулись в ту сторону, и дыхание у нас буквально перехватило, - среди бурлящей воды поднялась блестящей черной стеной огромная субмарина, по ее палубе уже бежали матросы в спасательных жилетах, а на боевой рубке предупреждающе торчали ребристые стволы спарки. Оба незадачливых катера улепетывали со всех своих мелких сил, а мы который раз ощутили гордость причастности к той великой силе, которая называется Родина.

Пару часов спустя, когда все успокоилось и определилось, и над нами уже были десятки метров глубины, а "Тортуга" давно упокоилась и вовсе на самом дне, Барон подозвал к себе Акима и сказал только одно слово - "Колись!". Командир уже давно заметил шушканье Акима и Таракана и решил выяснить все до конца. Аким понял, что отпираться бесполезно и протянул жалобно...

- Ну, товарищ командир... Ну, подумаешь - пошутили немного.

Короче, эти два придурка Аким и Таракан изготовили и установили на Кадиллаке "Эльдорадо", предназначавшемся для свадьбы Касика Себастьяна, номера Швейцарского кантона Люцерна.

Ну, а дальше была долгая дорога, перемена видов транспорта и широт. Да и завела эта дорога несколько не туда, куда мы собирались. Был один такой Таинственный остров... Но это будет уже совсем другая история про Маугли.

***

Применение дефекации в кодах (Фантазия на тему Африканских снов XVIII)

В одном молодом государстве, уже лет десять освобождающимся от постколониального ига, как всегда победоносно заканчивалась очередная революция, бывшая на самом деле эпизодом долгой гражданской войны. Союз Социалистического Возрождения, которому мы тогда помогали, естественно, побеждал. А продажные лакеи империализма, имеющие неполиткорректное название - Лига Национального возрождения, терпели поражения на всех фронтах, и были очередной раз на грани полного и окончательного разгрома, тем более, что у нас появилась какая-никакая авиация.

Диспозиция данного ТВД была следующая... Порядка пяти тысяч штыков с обеих сторон, что в данное время и в тех местах тянуло, как минимум, на фронттовую операцию. Какая-никакая бронетехника и только-только появившаяся у нас эскадрилья МиГ 17. Проблема была в том, что отступающего противника нужно было накрыть воздушным ударом в долине, пока он не ушел в джунгли, где его ни с самолета, ни даже с танка не поймаешь. По этому поводу разведка не дремала, но в виду того, что советники потенциального противника тоже были не пальцем деланы и в наших кодах кое-как разобрались, для того, чтобы раньше времени не засветиться, кодовые слова для радио-переговоров пришлось менять на что-нибудь невообразимое для цивилизованного слуха. Кодовые обозначения придумал Аким, и в его интерпретации самолет обозначался как «джульбарс», квадрат нанесения удара как «комбинация цветочков», а сам по себе авиа удар - как «процесс дефекации». То есть, когда вражеский радист услышал в процессе перехвата, что, мол, хорошо бы джульбарсам посрать на три красных цветочка, вражина, конечно, не понял, что сейчас три МИГ-17 со всей дури вмажут из своих 37 и 23 мм пушек, и добавят НАРами в квадрат, находящийся по середине долины. В кодах было много и других забавных синонимов: танки именовались «кузнечиками», пехота – «манной кашей», противник – «ананасом» и т.д.

Прикрепленный к нам в качестве представителя местного командования Старший полковник Накунда был безвредным восторженным дурачком, но так как он был одним из адъютантов Самого, а так же любимым кузеном оного, и плюс одним из немногих местных хоть немного знавшим русский язык, его приходилось терпеть. Он как губка впитывал идиомы Великого и могучего и постоянно надоедал с просьбой разъяснить те или иные обороты речи.

Объяснял ему, естественно, Аким, в чем весьма преуспел. В частности, дежурную фразу по поводу результатов действий обучаемых нами местных мамамуши, мол, «Какой мудака это натворил?», Аким перевел как «Какой уважаемый человек это так здорово выполнил», а стандартный унифицированный термин «хреновина» был переведен как амулет, отгоняющий духов. А еще у нашего шоколадного друга был в качестве личного оружия двуствольный револьвер Пьетта-Лемат. Это была редчайшая модель, состоявшая некогда на вооружении у офицеров кавалерии Южан. Один ствол бил пулями, а другой - дробовыми патронами 16 калибра. Аким предлагал самые невообразимые варианты обмена, но Накунда был неколебим, чем немало раздражал Акима. Продолжая тему о кодах, надо сказать, что старший полковник пришел в восторг от нашей затеи. Тем более, что в переводе на местную мову термины звучали еще экзотичнее, и не пожалел восторженных слов в своем докладе наверх, после чего мы получили по местной бронзулетке очень странный заказ. Старший полковник Накунда попросил написать песню «про гениальный Код», позволивший разгромить врага, сделать транскрипцию русского текста этой песни на местный язык и помочь ее разучить для парада. Этим Революционное командование хотело показать свое уважение к Советским товарищам. Командира, как на зло не было, бывший на данный момент его И.О. Таракан в вопросы, кроме военно-хозяйственных не вникал, ну, а Аким, конечно, ни в коем случае не мог пропустить такой возможности. Не мудрствуя лукаво, он взял за основу мелодию «Непобедимая и легендарная, в бою познавшая радость побед», текст накатал сам, а к составлению транскрипции привлек пару девиц из секретариата Председателя Социалистического Революционного комитета товарища Саманарапы (между собой мы звали его Сам). У Самого был круглосуточный штат машинисток числом под четыре дюжины и по составу в основном симпатичные мулатки, наследие колониализма так сказать. Как только наши прознали про данное подразделение СРК, все вдруг стали проявлять редкие таланты по части замены лент в пишущих машинках. Ну, а тем временем наступило время Парада. И, как назло, в молодую республику для участия в празднике прилетел представитель Зарубежного отдела ЦК КПСС. Командир прибыл вместе с ним и, узнав от машинисток, что они оказывали помощь ситуайену Акимому в переводе слов новой песни, призвал Акима на ковер, но хитрый Аким был добровольно послан Тараканом в командировку, откуда ожидался только утром накануне парада. И парад наступил... Когда на плацу перед старым колониальным дворцом грянули ломаные русские слова, Барон решил, что расстрел для Акима - это слишком мягкое наказание, ибо слова были еще те...

Надо мной пролетают джужльбарсы, испражняясь в зеленых ветвях.

Унавозим цветочки и пашни, силу вражью развеем как прах.

Идут кузнечики стальной лавиной, чтоб манной каше прорваться вперед.

Из ананасов мы повидло сделаем, Саманарап нас к победе ведет... и т.д. и т.п.

Товарищ из ЦК, несмотря на легкий бодун после перелета, осознал содержание данного шлагера, и недовольно спросил, сдерживающего смех генерала:

- И какой мудака придумал это безобразие?

На что, стоящий рядом Старший полковник Накунда, услышав знакомое словосочетание, радостно сообщил, что это он. Тут еще и Самому эта песня понравилась, особенно окончание куплета, и по этому поводу Накунде капнула очередная награда. Так что, пронесло, но Аким, все равно получивший выволочку от Барона, затаил к Накунде легкую неприязнь, что и сказалось позже.

После того, как новую цитадель Социализма снабдили (сами понимаете кто), кучей техники, оружия и амуниции, Председатель Ревкома захотел провести масштабные учения. С нашей стороны там командовал генерал, и мы туда не лезли, но Накунда всю дорогу выяснял у Акима частности того, как такие учения проводятся в Советском Союзе, и Аким коварно этим воспользовался. Он рассказал, что при больших учениях применяется имитация взрыва Атомной бомбы и это и полезно для военной учебы и весьма зрелищно вдобавок. Накунда доложил об этом Высокому родственнику, тот пришел в полный восторг, и делать данную имитацию поручили именно Аким, ибо тот, кто проявляет инициативу, тот и становится исполнителем, ну, и чуть позже наказуемым. Стандартного имитатора ядерного взрыва ИУ-59 у нас, естественно, не было, но была смекалка. Пара бочек соляры, по бочке бензина и мазуты, пуд, другой ТНТ, десяток древо-земляных человекочасов и радиовзрыватель. Вот и все дела. Накунда, конечно, принимал во всем этом бурное участие и лично настоял на праве включения «красной кнопки» заручившись в этом поддержкой самого товарища Саманарапы. И как только Накунда был утвержден, Аким начал рассказывать Старшему полковнику бесконечные истории об опасности данного имитатора, и о том, что очень часто страдают именно те, кто участвует в подрыве, и что даже под воздействием неизвестных физических явлений, при имитации бывает даже радиация, чем довел его до полной дрожи в коленках. Во время

подрыва несчастный Накунда, несмотря на то, что он был в блиндаже, одел две каски и Аким дождался своего часа... Когда бабахнул имитатор, Аким от души долбанул по каскам старшего полковника, заготовленной заранее дубинкой, удар не был очень сильным и не принес физических увечий, но увечья моральные были настолько сильны, что Накунда в момент потерял сознание. Когда в штаб пришло сообщение, что Старший полковник Накунда ранен осколком атомной бомбы, там поднялась паника. Одна из машинисток, также ранее обработанная Акимом, стала кричать, что это был настоящий атомный взрыв, и суматоха поднялась еще та. Короче, когда все улеглось, и, потерпевший гордо пересказывал благодарным слушателям, как в блиндаж влетел осколок с ананас величиной, и его оглушил. Аким уважительно заявил:

- Хорошо, что ты воюешь за нас, камарад Накунда, а ведь будь ты американским империалистом и участвуй в проекте Манхеттен, мне даже было бы страшно подумать о последствиях.

Старшего полковника Накунду повысили до генерала, и зваться он стал отныне генерал Манхеттен. Как, однако, извилисты жизненные пути.

P.S. А осколок был на самом деле. Его изображал заботливо покрашенный в красный цвет здоровенный булыжник.

***

Банан и плюшевый медвежонок, как фрагменты мозаики (Фантазия на тему Африканских снов XIX)

Начальство всегда считает, что вы работаете не так много, как положено. И поэтому спит и видит, как бы добавить к уже выполненной работе еще довесок, причем, чтобы вы перед этим не сделали, это уже не считается. Так было и в этот раз. Мы вовремя и, что характерно, в нужное место доставили свой груз, причем почти без приключений. Правда, мост через попавшуюся по дороге речушку нам не удалось пересечь с первого раза. Охрана из местной самообороны почему-то решила, что мы им радостно заплатим за проезд и отдадим половину груза вместе с грузовиком. Они не учли, что это был любимый грузовик старшины Тарасюка. У него в каждом конвое был такой любимый грузовик, то есть - именно тот, где хранилась его главная нычка. Старшина был так взбешен, что, когда уцелевшая охрана разбежалась, он не пожалел личной толовой шашки для того, чтобы поднять на воздух сторожку местных "оборотней с берданками",

которые вместо того, чтобы охранять покой проезжающих, пытались их грабить. Взорвать мост ему не позволил Командир, ибо мы собирались ехать по одному сооружению назад, так как другой дороги не было. Всю дорогу старшина возмущался: "Ну, що це за люди? Свого не чіпають, їм чуже потрібне, чуже подавай..."

Места тут вообще были своеобразные... Мало того, что это был стык границ трех стран, тут еще и природные зоны причудливо перемешивались. И зеленки тут хватало, и горы кое-какие виднелись, да савану при желании можно было отыскать.

Короче, сдали мы груз, отдохнули, и уже собирались было уезжать, как имеющий право приказывать чин приказал нам (в форме убедительной просьбы) сделать еще одну мелочь...

Во-первых, он изменил нам маршрут возвращения, а, во-вторых, по дороге мы должны были заехать в одно местечко и устроить легкий шурум-бурум строго ограниченный рядом условий...

Со склона, на котором мы замаскировались, открывался прекрасный вид на объект, к коему мы должны были приложить свою молодецкую удаль и солдатскую смекалку. Это был большой дом в колониальном стиле, смесь дворца и усадьбы. Большое центральное здание белого камня и многочисленные службы. Несколько чужеродным элементом смотрелась караульная вышка: она была суб-объектом N1. Суб-объектом N2 был барак охраны и суб-объектом N3 был гараж. Главным объектом была белая вилла, но с нее не должен быть упасть даже волосок (так выразилось начальство).

Суть Задания заключалась в следующем. В 21-25 по местному времени мы должны были начать шурум-бурум: вывести из строя гараж с находящимся в нем транспортом и поднять панику среди охраны. После чего мирно удалиться отсюда навсегда.

Аким втихомолку бесился. Тет-а-тет он говорил Барону:

- Командир, я понимаю, что приказы надо выполнять, но это какая-то ерунда. Ну, дали бы нам приказ зачистить виллу вместе с банкетом, я бы понял. Но грохнуть гаражи, и пальцем не коснуться целой кучи высокопоставленных чинуш противника, - это выше моего понимания. Логики не вижу.

На что Командир иронически улыбнувшись, ответил:

- Приказ мы, естественно, выполним, а логика событий не сложнее, чем логика наличия у племени, живущего в двух милях от Ниагары больших ушей и шишек на лбу. То есть, логика тут есть, безусловно, но постичь её может не всякий.

Аким надолго задумался, потом подошло время Акции и он забыл обо всем, кроме деревянного чемоданчика, в котором лежало то, что обычно вызывало блеск в глазах любого мужчины...

Чемоданчик этот, естественно, надыбал Тарасюк в результате многоходовой хозяйственной операции. Как-то после одной заварушки,

он прибрал к рукам трофейный ящик патронов и трофейный же пулемет, потом он поменял это на две коробки трехлитровых банок сгущенки и ящик рома. Но у старшины была одна особенность... При каждом обмене он умудрялся выцыганить какой-нибудь бонус. Так вот, в данном случае, этим бонусом, была коробка плюшевых медвежат. Откуда они взялись на складе союзников наших союзников, было понятно. Осталось от очередной ООНовской помощи, но зачем они были нужны Тарасюку... Версий было очень много, но, в основном, они намекали на любовь к животным и возможную перемену сексуальных пристрастий нашего друга. Командир сказал, что не может себе представить ситуацию, при которой пусть даже и Тарасюк, сможет выменять на это безобразие, что либо полезное. . И старшина превзошел сам себя. В первый же день по приезде в место прибытия, старшина подошел к Аркане, которого безмерно уважал за эрудицию и поинтересовался что такое тотем, получив объяснения, радостно куда-то ускакал, а потом принес Командиру это чудо...

Это был элитный двадцатизарядный маузер калибра 11,45 с двумя сменными стволами 140 и 280 миллиметров, с глушителем и снайперским прицелом, плюс приставное деревянное цевье и реальный приклад, ну и чтобы Джеймс Бонд совсем обкурился в уголку, там еще присутствовала деревянная же кобура, именно под двадцатизарядный стандарт. В зеленых бархатных недрах чемоданчика помимо этого уютно дремали 160 патронов, соответственно, по 40 стандартных, зажигательных, бронебойных и с утяжеленной пулей.

При допросе старшина показал, что выяснил о проблемах, гнетущих командира, одного вновь созданного подразделения Революционной гвардии. В этих местах так сложилось, что подразделения создавались на племенной основе, и каждое имело помимо официальных названий и аксессуаров, свой родовой тотем. А это батальон был сборной солянкой из пришлых и изгоев, и взять чужой тотем, было для них смерти подобно, а вот где найти свободный... И тут пришел добрый Тарасюк. Он объяснил, что далеко отсюда, в диких лесах живет чудовище, жуткой силы и храбрости, которое известно тем, что своей лапой с длинными когтям, вырывает сердца у врагов. И местные роды не только не против, но даже рады, если кто-то выберет его, как тотем, ибо видят в этом прославление оного. Короче, на утреннем разводе следующего дня караул от этого батальона гордо щеголял привязанными к портупням, трогательными плюшевыми мишками, а на каждом мишке были нашиты красные сердечки с надписью "С Днем Святого Валентина"... по китайски.

А из огромных, открытых настежь, окон гостиного зала неслась громкая музыка, танго сменялось бачатой, ча-ча-ча переходило в джаз, и шум этот был нам очень кстати. Барон решил провести операцию четко, на расстоянии и в один ствол. Аким, вызываяще щелкая

частями вороненого дивайса, собрал карабин и занял позицию. Двадцатизарядный магазин был уже снабжен нужными патронами в нужном порядке. Первые три зажигательных получил косяк двери в барак охраны, еще четыре - крыша барака. Шесть пуль с красными поясками жадно впились в столбы и настил сторожевой вышки. Три утяжеленных пули ударили в бочки с бензином, разгильдяйски брошенные у гаража и в проходе между гаражом, и все тем же несчастным барак охраны. А куда пошли последние четыре зажигательных пули, было бы ясно даже школьному сторожу.

Дело было на мази. Гараж радостно пылал, не менее весело занялся барак охраны. Караульные с вышки активно спасались с родного поста, превратившегося вдруг в копию Родосского маяка. Паника становилась всеобщей: приказ был выполнен от и до, но строго в рамках. Ни одна вилла и ни один ее обитатель при шурум-буруме не пострадали...

А на следующий день за завтраком Аким вдруг озадачился мучившим его, как выяснилось, весь день вопросом.

- Командир, - начал проникновенно лейтенант Акимов. - А почему у тех туземцев, что живут в двух милях от Ниагары, большие уши и шишки на лбу?

Барон чуть не поперхнулся кофе, но, мгновенно взяв себя в руки, ответил навскидку (ибо Ниагарскую тему он придумал прямо во время вчерашнего разговора, и отгадки он естественно не знал, но положение обязывало). Призвав себе на помощь все свое остроумие, он выдал с абсолютно серьезным видом:

- Несчастные туземцы на ночь наедались листьев коки, заедая их зелеными ягодами кофе, что весьма обостряло их слух. И тогда они начинали слышать звук падающей с высоты воды вдалеке, и так слушали они, слушали, слушали и уши у них удлинялись все больше и больше, и вдруг все вместе, осененные догадкой, ударяли себя кулаком в лоб и восклицали: "ТАК ЭТО ЖЕ НИАГАРА, БЛИН!". И так каждую ночь!

Ржали все кроме Акима. Тарасюк аж до слез: уж больно ему понравились "чоловіки с вухами, як у конів".

А через несколько месяцев Барон и Аким были на одной, ну очень серьезной лекции. Человек с неприметным лицом и благородными сединами рассказывал об организационных нюансах операций, не нуждающихся в излишнем афишировании. В числе многих не безынтересных перлов он говорил, что очень важно подбирать людей для каждой позиции, как хирург инструменты. И что иногда из-за нехватки людей и срочности дела приходится применять не на то заточенные кадры, и тогда очень важно использовать их правильно, и не последнее место занимает тут определение их морального облика, ибо недогляд тут чреват и даже опасен.

И еще он добавил, что мы как люди опытные и что-то повидавшие, наверняка обращали внимание на то, что некоторые задания кажутся не

совсем адекватными, но это только на наш взгляд, ибо видимое нами в отдельности, является только одним камушком из мозаики, общей картины задания, которую полностью видит только командование. И даже если нам не понятен известный фрагмент операции, то все равно логика тут есть, безусловно, но постичь её может не всякий. Услышав знакомую фразу, Аким прыснул, вспомнив хохму с Ниагарой, и заслужил укоризненный взгляд лектора, который далее привел пример одной мозаичной картины:

- Товарищи офицеры, вот, к примеру, в одной известной, но непоименованной Западной стране, сотрудник одного из министерств, настолько проникся идеями социализма (а заодно проигрался в казино), что решил передать нашей стороне некие бумаги. Но, учитывая, что объект боится даже тележного скрипа, и плюс возможны действия не только местных спецслужб, но что хуже и заинтересованных в данном объекте конкурентов, то операция разрабатывалась четко и с подстраховкой. И давайте рассмотрим действующих лиц и их задания по отдельности...

Агент N1 должен в 12-17 уронить на тротуаре возле табачной лавки банановую кожуру, это наиболее простая комбинация и на нее выделили местного из неофитов.

Объект должен с 12-18 до 12-21 поскользнуться на этой коже

Агент N 2 должен в 12-18 быть наготове в машине, что бы выскочить к табачной лавке и помочь упавшему объекту подняться и подать ему вместо упавшего портфеля другой точно такой же, при этом он должен быть одет в желтую клетчатую куртку, что бы объект его не испугался.

Агенты N3, N4 и N5 должны изображать прохожих, что бы подстраховать обмен и отход, да и просто сделать так, чтобы кто ни попадя, не мешал оказывать помощь поскользнувшемуся джентльмену.

Агент N 6 - снайпер, а-то как без него. Страхует острые варианты и прикрывает всех.

Так что вы прекрасно понимаете, что каждый из них видит только свою часть операции, кто большую, кто меньшую, а "мосье банан" самую маленькую.

Аудитория дисциплинированно засмеялась, а мы с Акимом, как люди бывалые, заметили, что, говоря про "мосье банана", лектор чуть-чуть поморщился, ага подумали мы. "Це діло", - как говорил старшина Тарасюк, - "треба розжувати". И случай представился.

На одном официальном мероприятии мы оказались на банкете рядом с нашим лектором. Товарищ полковник, обладая профессиональной памятью, нас узнал и даже спросил, а над чем Аким хихикал на его лекции, на что мы рассказали ему историю про Ниагарских туземцев. Она ему понравилась, и тогда Аким, набравшись наглости, спросил, а все ли гладко было в той операции, а то, судя по всему, "мосье банан" где-то таки прокололся. Пораженный нашей проницательностью, полковник рассказал следующее...

- Понимаете, ребята. Этот идиот сначала все сделал, как ему сказали. Купил банан, пришел к месту, правда, немного раньше, и сел в кафе подождать условленного срока, и там по причине холодноватой для этих мест погод, стал греться, и весьма проникнувшись чувством собственного достоинства, как участника секретной операции, заказал любимый рецепт Бонда - "Мартини с водкой, смешать, но не взбалтывать...". Бедный Франсуа не знал, что Ян Флеминг придумал этот рецепт и перед этим ни разу не попробовал эту смесь.

Короче, он перебрал вермута, смешанного с водкой, и когда подошел к месту, потерял чувство реальности, да и сознание тоже. Короче, когда объект подошел на точку randevu, он обнаружил вместо банановой кожуры, дремлющего на лавочке автобусной остановки человека с бананом в руке. Объект впал в истерику, бросился бежать, но споткнулся о ноги "бананового Бонда", выронил портфель и дальше все пошло по плану, ну почти...

Такси, затормозившее слишком резко не в то время и не в том месте, получило пулю снайпера в задний баллон...

- Товарищ полковник, - заинтриговано спросили мы. - А что было за это снайперу?

Полковник почему-то загрустил безмерно, и дал знак официанту налить всем водки. После чего к данной теме больше не возвращался.

НЕШТАТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЙСЕНСКОГО ФАРФОРА, или НИКОГДА НЕ ГРУБИ НЕЗНАКОМЫМ ЭКСПЕДИТОРАМ

(Фантазия на тему Африканских снов XX)

У Акима на горле сидела большая зеленая пупырчатая жаба, она душила его, не отпуская уже второй день. Причиной был танкистский Энфильд* 38го калибра, найденный Тараканом во время зачистки только что взятого штурмом штаба в комнате, куда Аким поленился зайти первым. Причем, начиналось все очень хорошо, Аким обзавелся финским ППС* и выпендривался аж пять минут, но на шестой минуте их нашли целый ящик. И тут у капитана Тараканова такой дивайс, да еще в родной брезентовой кобуре. Поневоле иззавидуешься. Вообще-то, в эти бурные события нас занесло случайно. Местный Батяка, загоревшийся идеями Социализма и связанной с ними возможностью халявы, стал для нашего начальства персоной грата. И когда он доложил, что новая столица освобождена от антинародного режима, нас туда послали передать ему подарунки в виде груза и парочки нужных людей. Но когда мы прибыли в пункт назначения, там цвела и пахла не только богатейшая местная флора, но и взрывы, выстрелы и пороховой дым. Среди пальм, акаций и сапеле, за мощной изгородью

из колючего молочая, находился последний оплот прислужников мирового капитала, его-то увлеченно и штурмовали бойцы народной гвардии. Предъявив проводника и полномочия, и торжественно представленные ситуайену Президенту, мы сдали все виды грузов и с интересом стали наблюдать за военными действиями. Честно говоря, стадо гиппопотамов, кишевшее в окрестных зарослях, провело бы штурм гораздо грамотнее наших новых союзников. Более-менее грамотно вела себя только группа из двух десятков странных мулатов, разговаривающих между собой по-немецки. Остальные гвардейцы бестолково суетились, так же бестолково стреляли, они то бездарно бросались прямо на огонь противника, то рассасывались по окрестностям. Был у борцов за переход в Социализм из Племенного феодализма даже целый танк - модернизированный старина Стюарт МЗ*, модернизация его заключалась в замене орудия на шаровую спарку МГ-34*. Была даже какая-то артиллерия, но ситуайен Президент запретил ее применять, дабы не повредить свою будущую резиденцию. Мы должны были покинуть эти веселые пампасы только после ряда официальных церемоний, а так как церемонии должны были произойти во дворце, мы решили ускорить процесс. Получив санкции у местного командования, мы, переподчинив себе арийских мулатов, естественно, танк, дюжину базук и озаботившись тройкой пулеметов и тройкой снайперок, бодро приступили к показу в стиле "вот как это делается". Оборону слуги империализма держали только по фронту и немного с флангов, именно в этих направлениях тупо действовала Народная гвардия, неся при этом неизбежные потери. Мы, что характерно, повели много умнее. Таракан, Борька и Сокол устроили на джипах подвижные пулеметно-снайперские точки. Гвардейцы имитировали атаку по всему фронту, а ребята выявляли и гасили огневые точки. Вообще-то, вместо Сокола должен был остаться Тарасюк, но старшина, применив наиболее жалобное выражение лица (как говорил Аким, - когда у Тарасюка такое лицо, то голодный бультерьер отдаст ему свою кость и бумажник), упросил командира допустить его к участию в штурме дворца:

- Товаришу капітане, візьміть мене на операцію. Я ж ніколи не бачив, як ці кляті буржуї у своїх палацах п'ють кров з трудового народу, - ныл старшина. А Аким добавил еще более плаксивым тоном:

- И никогда не участвовал в дворцовых реквизициях.

Короче, группа нанесла удар с тыла, враг дрогнул и запаниковал, и тут по воротам ударил залп из десятка базук. Барон перед этим произнес яркую речь, кишащую сравнениями с Александром Македонским, Наполеоном и Юлием Цезарем, которые всегда выбивали ворота в штурмуемых крепостях. И ситуайен Президент поплыл и дал согласие на залп по воротам. Ворота, естественно, не выдержали напора и пали, и тут же в них ринулся флагман бронечастей молодой республики. Увы, экипаж состоял из племянников

руководящих лиц, и внедрить туда кого-либо из наших не сложилось. Ворота были такой ширины, что женщина, несущая лестницу, могла спокойно пройти в них и не задеть, но молодые танкисты со всей дури вмазались левой гусеницей в колонну, заменяющую воротам косяк и лихо сбили гусеницу и раздерибанили звездочку. Но тут по всему фронту начался главный штурм, и мы победили. Впрочем, как всегда. В процессе последующей зачистки все у Таракана и произошло, а Тарасюк разжился двумя столовыми сервизами из Мейсенского фарфора*. По крайней мере, именно на них обратил внимание вновь испеченный комендант дворца и потребовал вернуть как народное имущество, на что Тарасюк сделал вид, что у него только один сервиз, и честно его вернул, второй, естественно, занюхав. Но о сервизах продолжение будет потом, ибо им не долго висеть на ковре и они, согласно системе Станиславского, обязательно выстрелят... Но позже.

Аким и Таракан были разбужены в шесть утра неприятными звуками. Их издавало задохлое существо в новеньком тропическом сафари, в очках и с чемоданом. Разглядев зрачок Энфильда капитана Тараканова, существо поперхнулось, и перестало орать о том, что его апартаменты кто-то нагло занял. Поперхнуться ему пришлось дважды, потому что, буквально материализовавшийся из воздуха, Аким сжал ему шею своим любимым захватом. Он оттащил его в сторону от дверей (которые тут заменяла простая циновка) и, поблестев перед испуганным глазом лезвием ножа, поинтересовался, а кто это тут орет. Таракан в это время проверил коридор, и, вернувшись в комнату, молча приставил ствол своего револьвера к наиболее интимному месту утреннего гостя. Оказалось, что к ним пожаловал столичный мажор - журналист, перепутавший комнату. Фамилия его была Павлов, и это был не псевдоним.

Мы в данном случае обладали статусом, известным узкому кругу лиц, куда данный типус не входил, и жили в гостевом крыле президентского дворца, и туда же, увы, поместили и этого журналиста, который умудрился заблудиться, в чем был сам виноват, в виду легкого подпития. Барон пригласил его утром к себе, и, извинившись за действия подчиненных, предложил мировую, подкрепленную двумя бутылками старого коньяка, одна из которых была уже открыта. Гость охотно выхлебал четверть бутылки, забрал с собой подаренную и сразу же побежал жаловаться. Он пожаловался руководству на наше наглое поведение, заявив, что это мы по пьяни заняли его апартаменты, избили, и только его хладнокровие спасло нас, мерзавцев, от справедливой кары. Кстати, в ту ночь мы его даже пальцем не тронули, а фингал он себе посадил в тот момент, когда уже в своей комнате опрокинул настольную лампу. Плюс ко всему товарищ Павлов требовал, что бы ему отдали апартаменты Барона, ибо, видите ли, его ранговый статус гораздо выше, чем у какого-то бригадира экспедиторов. Ох, зря он это сделал...

Стоит отметить, что дворец представлял собой комплекс одноэтажных зданий, окружавший двухэтажное бунгало, и канализация, как предмет чуждый революции, в нашем крыле не работала. Данная очковая гиена пера кичилась своей причастностью к каким-то тайным политическим кухням и секретным интервью, и за завтраком в офицерской столовой весь прямо изнамекался о своей значимости, и звать себя позволял не иначе, как Александр Иванович. Экспедитор Аким с нарочитым восхищением ловил каждый звук из уст столичного гостя. (Гость после ночных стрессов Акима и Таракана не узнал, все мы были в его глазах простыми экспедиторами, но с определенными полномочиями). По окончании завтрака знатный гость, смущаясь, спросил у своего нового друга Акима, а как тут с удобствами. Аким таинственно оглянулся и сказал, что тут это очень сложный ритуал, на весь дворец только два отхожих места, одно - для президента, другое - для лиц, умеющих скакать на лошади, но для особо важных персон выделяют персональное фарфоровое ночное судно, так что, сейчас проще сходить в кустики, благо что дворцовый комплекс был окружен огромным садом, но по местной традиции к вечеру мажордом решит все интимные вопросы. Услышав выданную Акимом информацию и уловив его подмигивание, экспедитор Таракан, взяв с собой экспедитора Тарасюка, убежал куда-то пошнырять. К вечеру в апартаменты гиены ротационных машин постучался некий типус с рыжими бакенбардами и в шитом золотом камзоле. Он представился мажордомом и вручил роскошное ночное судно (бывшую супницу из Мейсенского сервиза) и на ломаном французском языке объяснил, что уходя утром, оное судно надо оставлять посередине комнаты, чтобы специально обученные выносу и опорожнению люди, быстро могли его найти, причем главный специалист по выносу, до мелочей совпадал с комендантом дворца.

С утра столичный соискатель Гонкуровской премии так и поступил, и ушел заниматься своими важными журналистскими делами, а в кулуарах дворца стала нарастать незаметная для постороннего взгляда напряженность. Комендант дворца Монго, конфисковавший сервиз у старшины, вовсе не собирался возвращать его в дворцовое хозяйство. Он собирался жениться на дочери одного из вождей племени дуала, и традиционный подарок семье невесты как раз должен был составлять данный сервиз. Но главная часть сервиза непонятным образом пропала, а до визита к родителям невесты оставалось всего ничего. Новые друзья коменданта, Аким и Таракан, взялись ему помочь провести расследование, и, следуя логике и дедукции, пришли к выводу, что воришка не мог успеть вынести фарфоровые сокровища из дворца и спрятал их, чтобы ночью забрать.

Надо сказать, что тут очень помогла случайность, которая на войне бывает достаточно часто. Идя ночью на операцию, в черных комбинезонах и масках, Аким и Таракан спугнули в коридоре какого-

то типа с мешком, - это был тот самый воришка, и дальше все было делом техники.

Холмс Таракан и Ватсон Аким буквально пронюхали весь коридор в районе апартаментов Геноссе коменданта, и нашли в примыкающих помещениях часть пропавших тарелок. Комнаты коменданта были забиты всевозможными, нужными в большом хозяйстве, вещами. Неизвестные преступники очень удачно опрокинули ящик с ООНовской зубной пастой и второпях раздавили несколько тюбиков. Их следы позволяли достаточно четко проследить место, где были заложены все нычки с уворованной посудой. Следственная группа подошла к очередной подозрительной двери...

Честно говоря, столичная штучка подвернулась нам весьма вовремя. После штурма прошло уже две недели, а мы по ряду причин до сих пор не смогли уехать. Для ускорения процесса даже решили в ближайшие сутки отправить Сокола на сопредельную территорию. А священная месть "очковой гиене" как раз могла развеять скуку и скрасить ожидание. При обсуждении экзекуционных мер было много предложений: от подбрасывания в журналюгскую койку дымовой шашки, до запуска в оную же кровать слабо-ядовитой змеи или вообще самки ангвантибо* с двумя озабоченными самцами. Но мудрый Аким сказал, что самое жестокое наказание для изнеженного мажора - это подвергнуться остракизму от обслуживающего персонала, тут змеи и самки лемурув могут отдыхать. Изначально была идея подсунуть нашему молодцу супницу из сервиза Тарасюка, а потом намекнуть коменданту, что в сервизе их было две, но ночная встреча упростила задачу. Соколу накануне отъезда пришлось сыграть роль мажордома. Камзол, парик и накладные усы вместе с супницей пожертвовал Тарасюк. Надо сказать, что старшина, будучи и деловитым и прижимистым типом, всегда работал в первую очередь на нужды группы. И за это его очень ценили. Но вернемся в тот коридор, где проходит следствие. Народу там все прибывало. Заявилась пресс-секретарь Президента мадемуазель Лари, очаровательная блондинка с восхитительным бюстом и пронзительными голубыми озерами вместо глаз. Ее в качестве почетного эскорта сопровождал Барон. И тут дверь распахнулась, оттуда вышел Столичный гость и, показав в центр своих апартаментов, барственно заявил коменданту: "Ну, наконец-то, вы появились, милейший, уберите все это."

Но несчастный Монго ничего не слышал. Перед его глазами был оскверненный сосуд его счастья, и тот, кто разрушил его свадебные планы. Рука воина племени дуала метнулась к ритуальному ножу, но на поясе его не оказалось, - ведь ситуайен Президент, запретил носить во дворце неуставные клинки (экстерн Боннского университета боялся любого холодного оружия). Пока Монго вспоминал, где у него пистолет, положение спасла мадемуазель Лари (она была по образованию психологом и ситуацию пресекала в момент). Отодвинув

рукой с дороги коменданта и переведя его этим из одного ступора в другой, она окинула взглядом диспозицию, и, брезгливо морща очаровательный носик, произнесла:

- Так этот Месье еще и извращенец. И, будто что-то вспомнив, повернулась к коменданту, приказным тоном сказала: "Монго, а почему ты еще не у президента? У него сломалась его любимая пишущая машинка, на которой я привыкла печатать". И гордо обвела всех взглядом: мол, учитесь, как надо работать с людьми. Все мы во главе с Бароном изобразили крайнее восхищение, особенно крайним оно было у Барона. Мадемуазель Лари иногда успешно на него действовала своими психологическими методами, но не знала, что он просто играет с ней как кот с мышкой. Знала бы она, что произошло в прошлом году на психологическом тренинге, она бы не была такой спокойной... А было там следующее... Во время психологического тренинга маститый психолог дрессировал учебную группу в умении манипулировать коллективом и отдельными особями, менять им настроение и направлять психовекторы в нужную на данный момент сторону, ну, и самое главное, учил сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях. Через 20 минут общей беседы он попытался кинуться с кулаками на Барона после нескольких его абсолютно невинных замечаний. В нынешней ситуации Барон предложил бедному Монго вымыть оскорбленный сосуд и использовать далее по обычному назначению. После этого предложения Монго, представивший, как он дарит ЭТО родителям невесты и моментально перешедший из ступора в состояние бешенства, приступил к действиям... Судя по его воплям, босой ногой по супнице, - это очень больно. А, судя по дальнейшим эксцессам, для разбития супницы из сервиза на 24 персоны от Мейсена XIX века, хватит всего двух патронов от Кольта .45*, при условии, естественно того, что вторая пуля попадет в цель. Далее выстрелов не последовало, потому что, во-первых, мадемуазель Лари ударила стрелка своим стеклом по правой руке, а, во-вторых, потому что потенциальная мишень, дробно стуча коленками, ускакала по коридору на четвереньках, со скоростью, делающей честь молодому черному носорогу, гнавшемуся за самкой.

Ну, а дальше все пошло как надо. Описанного журналистом рыжего мажордома так и не нашли. Оно и понятно, Сокол уже находился через две границы отсюда, и, тем более, что по описаниям его все равно узнать было невозможно. Комиссия по расследованию решила, что товарищ Павлов просто перебрал. Комендант Монго объявил всей прислуге дворца, что белый, со стеклами на глазах, отныне персона нон грата, и бедняга все сервисные и прочие услуги получал отныне в последнюю очередь и в последнем качестве. Даже блюда ему подавали только те, которые ему не нравились. А зато для нас комендант Монго устроил режим ВИП, особенно после того, как Тарасюк преподнес ему целый и, что не маловажно, чистый дубликат знаменитого сервиза.

Жалко, что мы не долго пользовались всеми благами: от Сокола пришла радиограмма, и мы срочно меняли дислокацию. Очередная молодая революция нуждалась в помощи.

Арифметика старшины Тарасюка, или свадьба с приданным (Фантазия на тему Африканских снов XXI)

Лицо генерала было настолько благостным и дружелюбным, и он высказал нам столько комплиментов, что стало понятно... из этого рейда легко можно и не вернуться.

А генерал заливался соловьем. Мол, товарищи офицеры, для спецов вашего класса - это пустяки, справитесь легко, да чего там - меньше пятисот километров, на ГАЗ-24 - четыре часа, (а на танке - десять, проворчал Барон). Задание с первого взгляда, действительно, выглядело простым: получить в точке А груз и доставить его в точку Б. Но между этими точками был обычный салат с озерными грибами, две бунтующих провинции и прочие прелести гражданской войны, а за груз мы отвечали головой, и это было бы обычно, но генерал повторил это раз пять. Тепло с нами расставшись, и не произнося при этом никаких слов "типа ни пуха не пера" или "последний" (чем ему удалось соблюсти неписаные правила), генерал, когда мы все уже были у дверей, попросил Барона задержаться, типа - а вы Штирлиц, останьтесь.

Народ курил в патио и ждал командира, как вдруг, буквально на глазах у всех, испарился старшина Тарасюк. Из штаба вышел Барон, он, улыбаясь, разговаривал с каким-то штабным типусом и даже засмеялся его шутке, но было в лице командира нечто, несмотря на его улыбку, пугающее и сулящее грозу. Отпустив штабного, Барон окинул взглядом патио, и поинтересовался, а где, мол, старшина Тарасюк. Его голос не предвещал ничего хорошего. Потрясая бумагой, полученной от штабного, командир начал орать что, надо ехать на склад, а этого гребаного старшины как всегда нет на месте... Но слово склад, как заклинание, превратило Тарасюка из незаметного нароста на баобабе (которым он только что талантливо прикинулся) в преданное и трудолюбивое существо, бьющего копытом от трудолюбия и, казалось даже, что на руках у старшины образовались спец-перчатки для складского прапорщика (с десятью пальцами вместо пяти).

Командир объяснил, что нам нужно будет перевести груз размерами в три снарядных ящика для стомиллиметровых, упаковывать это будем по темному, так что нужен рулон полиэтилена, ну, и типа «сам там прикинешь по мелочам», и вот бумага от командования с

полномочиями на получение необходимого, машину возьмешь на складе, какая тебе подойдет, привезешь все на «точку».

При словах - "Сам прикинешь сколько" и "Бумага с полномочиями от командования", Тарасюк стал похож на кота, на глазах у которого с телеги упала бочка валерианы с открытым крантиком и пара бидонов сметаны, причем, пока телега не скрылась с за поворотом, добрые селяне выставляли на дорогу корзины со свежей рыбой. Рывкнув голосом Суворовского гренадера: "Так точно, товаришу капитане! Все буде виконано," - счастливый старшина испарился.

Наша точка была в старом форте за городом. Там сейчас хозяйничали компаньерос и из местных не было никого, что нас весьма устраивало. Собравшись в комнате командира, мы приступили к обсуждению сложившейся ситуации. У нас было три возможных маршрута, и пути эти напоминали надпись на известном замшелом камне...

Был берег океана, был он довольно пустынен, так как там недавно прокатился огненный вал боев и в море никто не маячил, типа нехороших кораблей, но минные поля, которые уже лет тридцать там устанавливали с завидным упорством всевозможные армии и воюющие стороны, делали данный маршрут весьма двусмысленным.

Был вариант уйти сильно Западнее, туда, где начинались горные отроги, и где была сравнительно приличная дорога, но там было нечто вроде многокилометрового ущелья, а как сказал командир, там такое удобное место, что я сам бы себе устроил там засаду.

Был и третий вариант, там была дорога, вокруг которой перемежалась то зеленка, то савана, и дорога была оживленной, но на ней то там, то тут были дружественные и не очень блокпосты, дикие отряды и бандочки, и просто недобитые враги. Все это пестрое сообщество кормилось от дороги, соединяющей страны и провинции, считающие себя странами, и данный маршрут, естественно, тоже не благоухал спокойствием.

В общем как сказал Аким: «Из одного бассейна в другой проистекают три трубы, и хрен в какую пролезешь, не застряв».

Но это было не все. Командование решило нам помочь. По одному из маршрутов посылали лже-транспорт, который специально засветили, и который должен был привлекать к себе внимание противника, а от нас, соответственно, отвлекать. Вот именно это и привело Барона в бешенство. Ибо более дурацкой подставы трудно было ожидать. Не то тут было сейчас место, где утечка информации ограничилась бы только запланированным каналом, но начальству, как говорится, виднее, а наше дело выполнять приказы, а если надо - то и умирать...

Как там у Бориса Лапина:

*Солдат, учись свой труп носить,
Учись дышать в петле,*

*Учись свой кофе кипятить
На узком фитиле...*

Так что, единственное, что могло нас утешить, это то, что Барон не сообщил начальству выбранный нами маршрут, впрочем, не мог сообщить, даже если бы и захотел. Мы сами его еще не выбрали. Но коварное начальство нам страшно отомстило: оно не сказала, где и когда поедут дублирующие нас двойники.

Итак, Борька, Птица и Алекс пошли во двор выбирать машину, а Командир, Таракан и Арканя сидели над картой и другими материалами, определяясь с маршрутом. Через час шум на улице усилился, было слышно, как во двор форта въехал грузовик, потом раздался все усиливающийся хохот, сквозь который прослушивался обиженный голос Тарасюка. Пришлось выходить на улицу.

Рулон полиэтилена и кое-что по мелочам, представляло по Тарасюку армейский фургон, загруженный под прямые рессоры:

Рулонов было четыре.

Бочек с краской - две.

Ведер - чуть ли не сотня

Досок - кубометр минимум

Инструменты, кисти и прочие метизы россыпью.

А из-за ящиков и мешков, уставными материалами предательски торчали коробки со сгущенкой, любимой валютой Тарасюка. (Как он сам неоднократно говорил: «Так за цю згущюнку з цукром я можу отримати піраміду разом з тим Хеопсом»).

Аким с радостным изумлением спросил:

- Старшина, у тебя чего опять свадьба?

Командир разинул рот, чтобы рывкнуть на обоих, вдруг задумался на секунду и, буркнув: «Таракан, Арканя, Аким и Тарасюк - со мной, остальным - разгружать машину», вернулся в форт.

План, наконец, созрел, и Аким по любому поводу напоминал, что все это произошло исключительно благодаря ему, вернее, его шутке. Итак, что мы по сему имели...

В соседнем городе был большой базар, типа колхозной ярмарки из фильма "Кубанские казаки", а в окрестных селах и весях было время свадеб. Учитывая особенности местных обычаев, женихи из этих мест ехали в нужном нам направлении и везли туда выкуп за невест. Ингридиенты данного выкупа закупались на этом базаре, это были циновки, мешки с зерном и много мелкокопытных домашних животных. И на этом же базаре, в это время, было нечто вроде биржи найма охраны, так как в это время всевозможные группки и бандочки весьма активизировались на окрестных дорогах.

Тарасюк, вникнув в местные порядки, возмутился:

- От дикі люди: за одну дівицю - стільки овець.

На что Аким объяснил ему, что как раз и не за девицу. Что, местные обычаи считают девственность не за достоинство, а, скорее, за недостаток. То есть, если до свадьбы девушка не имела любовных связей, то она никому не интересна и, следовательно, к семейной жизни не пригодна. И в некоторых племенах незамужние пейзажки даже носят на шее бусы, числом по количеству добрых связей, и чем больше бус, тем большую ценность представляет собой невеста. Тарасюк выказал недоверие к данной информации, но Аким поклялся девственностью своей Классной руководительницы, что это правда и добавил, под общий смех:

- Вот так вот, старшина, на тебе тут никто не женится...

А наша задача была под видом группы бродячих наемников, попроситься в охрану к одному из свадебных обозов. Груз - в виде четырех глухих металлических ящиков - мы упаковали в полиэтилен, и еще кучу разных материалов, и смонтировали под платформу старого, но надежного французского грузовика. Целью Таракана, Аркани и Тарасюка было договориться на базаре с каким-нибудь кортежем и, путем интриг и коварства, разрешить использовать наш грузовик для перевозки овец. Ибо овец грабить никто не будет и, уж тем более, ни на одном блокпосту, не надеется желающих лазать по грязной соломе и овечьему помету.

Городской базар в это время года был чуть ли не больше самого города. Сотни навесов, прилавков, стойл, грузовиков, тысячи ящиков и корзин, стада тяглого и просто домашнего скота. Все это громко шумело, кричало самыми невозможными сочетаниями, и издавало приятные и не очень ароматы. Тарасюк чувствовал себя тут как рыба в воде и, единственное что его несколько огорчало, это отсутствие прямого разрешения на обмен или, куплю-продажу чего-либо. Кортеж, отправляющийся в нужную нам сторону, ребята нашли достаточно быстро. Командовал колонной из пяти разномастных машин дядя жениха. Самым забавным было то, что данный индивидуум являлся копией Тарасюка (помимо цвета кожи, разумеется).

Торг был непревзойденный и, единственное, чего там не хватало, так это шахматных часов.

Цена на услуги по сопровождению колонны была, в принципе, стандартной, но наниматель заявил цену раза в два меньшую, и так как никто из потенциальных наших конкурентов не мог на неё согласиться, старшина без опаски, самозабвенно ударился в торг. Когда в процессе торга цена поднялась уже до 70% от нормальной, афро-тарасюк услышал, что у нас есть свой грузовик. Он сразу начал предлагать его нагрузить счастьем калыма. Его выгода была понятна, он мог оставить свой личный грузовик здесь и не подвергать его амортизации на этих опасных дорогах. Старшина с радостью согласился за отдельную плату взять часть груза для транспортировки, но нацелился на самую ценную

его часть - большое зеркало в шикарном-облезлом раме. Афро-копия старшины предложила дюжину овец. Тарасюк согласился на цинковку. Караванбаши снова предложил овец, поднял цену за услуги, но с условием, что Арканя поедет в головной машине вместе с ним. Тарасюк, получив берцем по голени от Таракана, согласился.

Колонна тронулась с рассветом. Кузов нашего фургона был засыпан соломой, и разделен на неравные части деревянной перегородкой, большая из частей (примерно две трети кузова) вдобавок была разделена на четыре загона, где тусовались вівці.

Мы распределились по машинам, и, грозно поблескивая пулемётами Брен и китайскими АК-47, двинулись в путь. Акиму повезло оказаться в одной кабине с Тарасюком, и он продолжал травить бедного старшину рассказами про африканские свадебные обычаи, типа таких, где перед свадьбой все репродуктивные гости со стороны жениха должны ублажить невесту, а так как Тарасюк помогал грузить овец, то они с женихом теперь побратимы.

Вместе с нашим грузовиком в конвое было семь машин. Еще два грузовика - типа нашего, грузовичок поменьше и три пикапа. Дорога была удобоваримая, то есть - танки по ней практически не ездили, пару блокпостов и одну, явно левую, заставу мы проехали легко. На блокпостах близнец Тарасюка быстренько проплачивал мзду, и этого было достаточно для свободного проезда, а на заставе у заброшенной заправки разномастно одетые и слабо вооруженные личности, увидев наш арсенал, сочли за лучшее притвориться шлангами. Но, когда очень долго хорошо, это значит, что вот-вот должно начаться плохо.

Блок пост перед спуском в городок Сону, который дремал в котловине, был оживлен и непроходим. Тут сгрудились несколько десятков разнокалиберных машин, суетились "Голубые каски", в стороне отдыхал взвод местной национальной гвардии, выглядевший весьма угрюмо и потрепано. Это, как выяснилось, был гарнизон Сону, изгнанный оттуда очередными повстанцами. Еще тут притулился на обочине джип с эмблемами "Корпуса мира" с простреленным радиатором. Экипаж джипа с аналогичными украшениями (я имею ввиду нашивки КМ, а не пулевые отверстия) уныло стоял рядом. Это была парочка мужчин и женщина неопределенного возраста, с лошадиным лицом классной дамы из английского анекдота. Увидев Арканю, она застенчиво ему улыбнулась (но лучше бы она этого не делала). А Барон, заметив эмблему "Peace Corps", машинально подвинул к себе поближе автомат и обменялся понимающими взглядами с Тараканом.

Дорога была только одна, она спускалась мимо блокпоста в котловину и проходила через городок. Там сейчас властвовали инсургенты, которые пропускали машины только после тщательного обыска и отъема в свою пользу части груза. Мы решили, что полсотни придурков не будут для нас серьезным препятствием. Двойник

Тарасюка, услышав об этом, пришел в жуткое возбуждение, раскопал в недрах своего грузовика дюжину маузеровских карабинов и роздал их своим родственникам. Мы расчехлили пулеметы на импровизированных турелях, Тарасюк, вздыхая, вытащил из загашника РПК, а Таракан с Акимом пошли убалтывать шведского капитана, чтобы нас пропустили, и нас пропустили, но с условием, чтобы мы провезли с собой троицу сотрудников Корпуса мира...

Мы испытали даже некоторое облегчение. Наконец проявился противник, и наступила хоть какая-то определенность. Мы радушно встретили новых попутчиков. Пока колонна готовилась к маршу, они буквально обнюхали все машины и все места груза. Но, что нам показалось особенно подозрительным, так это то, что они очень внимательно присматриваются к тату на руках у родственников хозяина колонны. И вроде они что-то таки высмотрели, так как перестали шнырять глазами по бицепсам наших кафров.

Барон приказал по возможности поискать в тату наших попутчиков что-либо выходящее за рамки местного дизайна, и оно таки нашлось, но слишком поздно.

Командир приказал перейти на ломаный английский с добавлением французских и немецких идиом по тематике деньги, женщины, алкоголь, мародерство и т.д. Гостей разобрали по машинам, причем, мадам Тарасюк лично проводил к грузовику с вівцями. Аким и Таракан, сидящие на бортах, сразу стали рассказывать племяннику хозяина о судьбе некоей канадской журналистки, которую поймали на территории Центрально-Африканской империи, заподозрив в шпионаже, и в наказание отдали верблюдам-маньякам. Когда Таракан в красках начал описывать мучения несчастной мадемуазель, мадам из КМ пошла белыми пятнами, но ребята этого будто бы и не замечали, и не мудрено...

Пресловутый "Корпус мира" немало попортил крови многим хорошим людям, приверженным идеям Карла Маркса и Клары Цеткин. Официально гуманитарная организация иногда засвечивалась в таких нюансах, что Лоуренс Аравийский и Джеймс Бонд нервно курили под дальней пальмой, хотя порой некоторые телодвижения гуманитариев выглядели нелепо.

Вдобавок ко всему, мадам было тесновато сидеть. С одной стороны был овечий загон, с другой - большие квадратные ящики, притащенные откуда-то Тарасюком во время стоянки. Ящики были не очень тяжелые, но почему-то тихо жужжали. Американка с опаской спросила про начинку этих ящиков, на что Тарасюк приложил палец к губам, а Аким, присутствовавший при этом, прошептал ей на ухо (громким шепотом), что наш друг Франсуа Квазимодо, как истинный француз, весьма большой гурме, и больше всего любит блюда из экзотических насекомых и пресмыкающихся. Услышав это, Таракан хрюкнул и зашелся в кашле, Арканя скрылся за фургоном, а Птица споро полез

под машину проверить кардан, но почему-то проверка кардана сопровождалась сдавленным хохотом. Хохма была в том, что после очередной хозяйственной инициативы Тарасюка, когда он выменял у старосты деревни на коробку витамина "С" двух свиней, начались некоторые проблемы. С одной стороны, это было благое дело для снабжения отряда свежим мясом, но, с другой стороны, старшина сказал старосте, что эти чудо-таблетки повышают потенцию, и как не странно, они на старосту подействовали. Ну, а дальше сработал Там-там телеграф. Сестра одной из жен старосты была замужем за офицером местного ополчения: к обеду следующего дня, после ночного секс-триумфа старосты, об этом узнали высокие чины штаба и администрации. И так как староста наотрез отказался делиться, к Барону зачастили всевозможные местные мамамуши, обещая любой чендж и любые деньги за пачку чудесных таблеток, и до тех пор, пока мы не сменили место дислокации, эти визитеры надоели командиру, хуже горькой редьки.

Так что, Тарасюку была выдана книжка "Собор Парижской богородицы", завалывшаяся в вещмешке у Аркани, и был дан приказ прочитать эту книгу и написать по ней реферат об угнетении французского пролетариата буржуазией и монархией. Аким, конечно, принял в написании данного реферата самое бурное участие. Он своими словами рассказал старшине содержание книги, правда, несколько сместив акценты и смешав времена. Квазимодо был руководителем сопротивления против японских оккупантов, а Эсмеральда была его радисткой. Короче, когда Тарасюк зачитывал свой реферат, ржал даже командир, и простил старшину до следующего левого гешефта, и он, видимо, наступил. При допросе старшина показал, что выменял два улья на пять противогазов и баночку зелёнки. Мед из ульев он уже переложил в ёмкости, а улья с пчелками оставил на случай «стремных і шебутных ситуацій, коли якщо треба кого-небудь відірвати від нас, коли ми йдемо мимо», а потом что-то долго шептал на ухо Барону. Командир задумался, и старшина был прощен. Тем более, мадам сидела как статуя, то есть - такая же белая и молчаливая, и мирно никому не мешала.

Наша колонна уже втянулась в населенный пункт и, примерно в середине его, мы увидели, что дорога перекрыта двумя джипами с пулеметными турелями. ООНовский ровер подъехал к импровизированной баррикаде, и шведский лейтенант вступил в перебранку с их командиром. Колонна вынуждено остановилась и ошетилилась карабинами 98к, Калашами и пулеметами. Но то, что заблестело в окнах окружающих нас домов, - это уже был не обычный белый пушной зверёк, а, судя по количеству нацеленных на нас пулеметов, - полная жопа. Погасить быстро все точки без потерь не удастся, а потери обещали быть не малыми. К машине Барона

подбежал Таракан и доложил, что у одного из сыновей хозяина, как раз того, что командовал охраной каравана, в татуировку с большим искусством вписан "Орден Дружбы Народов". Барон сразу сложил «два плюс два» и длинно и затейливо выругался по-немецки. Все стало ясным. Эта свадебная процессия и есть наши дублеры, причем, противнику известно, кто они и как их искать. Хорошими в этой ситуации были два фактора...

Во-первых, противнику не было известно, что мы и есть настоящий конвой, во-вторых, противнику было известно, что кортеж - это конвой ложный, ибо приметы выпускника Института Патриса Лумумбы они могли получить только от крота в штабе. Следовательно, надо надеяться, что если засада в этом городке от ЦРУ, то наши Мирники дадут им сигнал о том, что нападать на нас не надо. Как будет подан сигнал, уже было ясно. Американцы, естественно, несколько взмокли от африканского солнца, и в карманах их светлых сафари явно просвечивали цветные носовые платки, синие и красные, причем, у каждого. Так оно и вышло. Очкастая мисс встала в кузове во весь рост, и стала вытирать лоб синим платком. Один из её друзей пошел к джипам, второй залез на крышу одного из фургонов и они тоже стали вытирать лица платками того же цвета, в чем весьма преуспели...

Джипы отъехали в сторону, американка пересела в ООНовский ровер, колонна стала набирать ход, а наш фургон, притворившись сломанным, в результате хитрого маневра оказался замыкающим. И тут Тарасюк выполнил свой хитроумный план...

На окраине городка, где домишки сгрудились вокруг узкого выезда из котловины, Тарасюк и Аким сорвали с ульев мешки, и мощными футбольными ударами сбросили их на дорогу. Фургон дал полный газ, догоняя колонну, а возможным преследователям должно было какое-то время быть не до нас.

Километрах в десяти от городка, колонна остановилась в заброшенной деревушке, чтобы привести себя в порядок перед последним броском. Шведы, посчитав свою миссию выполненной, уехали, и тут случился конфликт. Американцы хотели залезть в кузов самого разукрашенного грузовика, но родственники хозяина буквально выкинули их оттуда. У одного из Мирников появился в руке кольт с глушаком, и один из кафров получил пулю в плечо. Американцев быстро разоружили, надавали по шеям, и даже мисс слегка потрепали, но мы этому воспротивились, и в результате бригада Корпуса Мира США осталась на дороге со штатным оружием (Кольт, Смит-Вессон и Браунинг), но без рации. Самое дурацкое, что инцидент произошел практически на пустом месте. В грузовике, куда полезли ЦРУшники, везли, оказывается, главный подарок семье невесты - большое зеркало, и чужие не имели права ни видеть этот подарок, ни, тем более, его касаться. Но дело было сделано, и колонна рванула дальше. Судя по карте, через десяток-другой километров дорога должна была проходить

по длинной лощине, а потом - до самого места назначения была только равнина. Барон, подзвав красавца с тату имени Дружбы народов (с редким именем Мганба), поимел с ним беседу, после которой Тарасюку и Таракану выделили шустрый пикап с форсированным движком и с парой автоматчиков цвета гуталина. Тарасюк взял с собой РПК и дежурный ящик сгущенки, и группа умчалась вперёд с приказом подготовить дорогу к капитальному перекрытию в самом узком месте лощины. Ведь погони на всякий случай надо было ожидать, а случай, как известно, бывает всякий.

Когда через несколько часов мы подъехали к лощине, то у въезда в неё обнаружили огромные карьерный самосвал марки Катарпиллер и довольного, как удав, Тарасюка. Парочка местных иррегулярных борцов с колониализмом угнали с бельгийского карьера самосвал, но вот в узость на въезде в лощину он не влезал, и тут как раз появился добрый старшина Тарасюк.

Увы, после этой лощины наши пути со свадебным кортежем разошлись, ибо село невесты было несколько в другой стороне, и тридцать километров до города назначения мы должны были ехать в гордом одиночестве. Тарасюк отсчитал из кузова нашего грузовика шесть овец (которые, оказывается, были частью его гешефта) и, грустя и стеная, отдал двум оборванцам, переминающимся возле самосвала. Лицо старшины изображало мировую скорбь по поводу абсолютно неудачной сделки, в процессе которой коварные туземцы его обманули, разорили и облекли на нищету и голодную смерть. Увидев эту сцену, Станиславский и Качалов стыдливо бросили бы театр и, предварительно нарисовав усы на портрете Сары Бернар, уехали бы на строительство Волго-Донского канала, поняв, что кроме как возить тачки с землей, ни на что не способны.

Так что, когда радостно сияющее пейзаже быстренько удалились в восточном направлении, старшина честно вернул товарищу Мганбе остальных овец и присовокупил от себя автоматический станок для бритья. Мганба пришел в полный восторг, и оставил нам двух своих людей, которые сменили живописные лохмотья на камуфляж, а маузеровские карабины на Калашы. А на прощание Мганба по секрету нам сообщил, что на самом деле его зовут Ленин, и в доказательство предъявил замызганную фотку Карла Маркса. Во времена антиколониальной борьбы, у местных инсургентов было модно именоваться именами международных классиков и вождей социализма. Помню, в Гвинее, знавал командира партизанского отряда, (здоровенного мулата, между прочим), которого звали Роза Люксембург.

Короче, кортеж упылил на свадебные торжества, а мы развернули поперек дороги самосвал, нагруженный почему-то пустыми бочками из-под бензина, и Тарасюк и Аким приступили к минированию. Когда провода были подключены, у взрывной машинки вдруг раздался

грохот, сопровождаемый чем-то вроде мява, что-то зелено-коричнево-расплывчатое выскочило из кузова самосвала, ударилось об землю, подскочило, как мячик, и зигзагами унеслось куда-то в буераки. Аким от неожиданности нажал на плунжер взрывной машинки и четыре заряда, и колеса огромного самосвала развратно разлапились под разными углами, а сам несчастный Катарпиллер, подумав, лёг на брюхо, при этом задний скат оторвался и бодро укатился в заросли, откуда с воплем выскочил зелено-коричнево-расплывчатый объект.

Оказалось, что один из двух местных товарищей, прикрепленных к нам камарадо Мганбой-Ульяновым, создал себе в кузове самосвала наблюдательный пост, поставив бочки друг на друга. Когда он на них залез, они, естественно, рухнули, и бедняга, которому показалось, что по нему открыли огонь, выпав из кузова, отступил в заросли, где через минуту на него попытался наехать оторванный от самосвала скат.

Короче, развлечения кончились, и мы продолжили путь. А Птица доложил, что поймал переговоры, в которых участвовал наш старый друг и союзник капитан Хосе. Его рота и еще кто-то из союзников оказались в конечной точке нашего маршрута, и Барон заручился их помощью, тем более была за Хосе пара обов.

Наш фургон вырвался из лощины на простор вельда и прибавил скорость, впереди появилась россыпь невысоких холмов, значит, недалеко уже конечная точка маршрута, но, как говорил старшина Тарасюк:

- Як тільки захочеш пригнути, гоп казати вже пізно.

Откуда-то слева появились быстро увеличивающиеся точки. Это были четыре ровера, набитые фигурами в камуфляже. С одного из них залился лаем турельный пулемет. Барон рявкнул команду, и все, кто находился в кузове (кроме Тарасюка, разумеется), поменяв магазины на новые, где на два обычных патрона приходился один трассер, задолбили короткими очередями по вырвавшемуся вперед роверу с пулеметом. Остальные три вдруг стали замедлять ход, а потом и вовсе стали разворачиваться по широкой дуге, и вдруг среди них вздыбился грязно-красный фонтан, потом еще один, и мы услышали звуки выстрелов танковых "восьмидесятипяток". Навстречу нам из-за холмов выезжали три тридцатьчетверки, на командирской густо сидел десант, вооруженный АКМами с круглыми магазинами. Это был фирменный знак роты капитана Хосе.

Ровер ушел только один. (Один из трех подбитых уконтрапупил из своего любимого РПК Тарасюк). А мы, имея в тылу такую поддержку, спокойно и комфортно въехали в город.

А выкладки Барона, позднее подтвердились. Хитромудрое командование слило дезу про то, что свадебный кортеж пойдет с начинкой. Но шпионы камердинеры бывают не только в Британском посольстве в Анкаре. Короче, противник узнал, что свадебный кортеж - это подстава. Ну, а что из этого получилось, вы уже знаете.

На обратном пути мы таки попали на эту свадьбу. Туда мы приехали на одном грузовике, а уехали на двух. Такая вот у старшины Тарасюка была арифметика.

НИКОГДА НЕ ВОДИТЕ БЛОНДИНОК НА РЫБАЛКУ

(Фантазия на тему Африканских снов XXII)

Мы прозябали в одном забавном анклав, он буквально только что вернулся в анклавы из суверенного государства (там было слишком много нефти и урана, чтобы его надолго опустили бы в суверенитет), по ночам кое-где постреливали, за окнами выделенного нам колониального особняка порывали патрульные БТРы, но по тем временам это была тишь да гладь, и мы наслаждались случайным отдыхом. Спецгруз мы сдали в день прибытия, но борт, на котором мы должны были отбыть из оных райских мест, запаздывал. Ну, а чтобы жизнь не казалась рябиной на коньяке, нам было велено изображать, что груз до сих пор при нас. Ну, живцом нам было работать не в первой...

Барон послал Тарасюка пошнырять и найти что-нибудь солидное на вид и подходящее для имитации. И Тарасюк нашел... Это были очень солидные на вид ящики из новомодного пластика зеленого цвета, выменянные им у охраны разграбленных складов ООН на две дюжины собачьих ошейников, которые он, в свою очередь, выменял в порту на сломанный браунинг и бутылку скипидара.

Ох, не с того человека Катаев, Ильф и П.Петров писали молодого Корейко...

Груз – приманку мы расположили в одном из портовых пакгаузов, который официально приняли под охрану местные альгвазилы, но ввиду того, что они плохо чтити Устав КПС, мы за грузом присматривали. Так как, это был порт, то, естественно, там была и портовая мафия, которая, естественно, воспылала интересом к нашим таким красивым ящикам. Самое смешное, что в ящиках, которые изображали наш груз, были утята для ванной. Да – да, аксессуар, обыгранный во всех черных комедиях.

Если честно, то ассортимент ООНовской и прочей гуманитарки ставил меня подчас в тупик (я не буду говорить о сотнях тысяч контрацептивов, это святое), но вот, например, пару месяцев назад мы наткнулись на разгромленную гуманитарную колонну, вокруг которой валялись распатроненные ящики с электрическими яйцеварками и изящными молочниками. Так что, утята и средства контрацепции - это мелочь.

А местный криминалитет в количестве трех скользких типов таки нарисовался прямо в нашем пакгаузе и попал прямо под прицел Таракана, Акима и Аркани. Честно говоря, нас предупредили соседи. За стенкой мирные болгарские геологи, матерясь с московским аканьем, курочили «матрешку*» и, учитывая важность своих занятий, «геологи» имели дополнительные источники информации. Так что, нас не только предупредили о налете, но еще и попросили пошумнее проакцентировать важность наших ящиков для дела мировой революции (просил нас об этом товарищ, имеющий отношение, просьбы которого были важнее иных приказов), так что, от этой просьбы Барон не отказался.

Мы провели экспресс-потрошение пойманных злодеев (не пугайтесь, двое ушли своим ходом), выяснили имена и адреса их руководства, и с помощью местных товарищей объяснили оному, что с ними со всеми вплоть до домашнего хомячка будет, ежели хоть кто-нибудь из их банды хотя бы приблизится к нашему пакгаузу. И, естественно, провели показательную акцию (не один хомячок во время данной акции не пострадал).

А у Тарасюка появилась новая головная боль: на что махнуть несколько сотен резиновых игрушек в стране, где дети играют либо стреляными гильзами, либо, в зависимости возраста, непосредственно Калашами. И тут, как бывает только в пьесах Агаты Кристи, стаями поперли внезапные факторы.

Аким посмотрел глазами любви на фрекен Агнетту из миссии ЮНЕСКО, это была, как вы видимо догадались, шведка с внешностью Бригит Нильсен, но с гораздо лучшей фигурой. Но Акиму мягко намекнули (намекнул тот же товарищ, имеющий отношение), что общение с этим объектом ему крайне противопоказано по целому ряду вполне объективных причин. И Аким был вынужден уступить поле боя напыщенному руководящему сотруднику нашего полпредства, который настолько казался придурком, что мы стали подозревать в нем четкого профессионала под прикрытием.

Агнетта сразу же откликнулась на ухаживания «Торговца», чем вызвала легкое раздражение Акима и бурную ревность камарадо Альвареца, бывшего комендантом «белого» квартала. На этой почве они с Акимом и подружились, тем более что Аким открыл своему новому другу глаза на истинное политическое лицо легкомысленной девицы, рассказав, что в Швеции вовсе никакой не социализм, так как Швеция и вовсе монархия. Но надо сказать, что и до этого Альварец испытывал к Акиму гигантское чувство благодарности за одну историю...

Альварец пробил перед своим командованием идею создания спецназа, но почему-то бравый комендант решил, что новенький французский камуфляж и два штык-ножа на поясе заменят «изучение военного дела настоящим

образом», ну, набрал он в этот «спецназ» родственников и земляков из своей деревни, что также не украсило данное подразделение. Короче, когда на учения «белых беретов» (за цвет беретов Аким прозвал их поварятами), доблестные спецназовцы на глазах наиглавнейшего местного команданте синхронно попытались вставить в Калаша магазины другой стороной, местный глава пришел в бешенство и уже собирался делать оргвыводы, (а оргвыводы там были весьма однобоки... в смысле до ближайшей стенки). И вдруг Аким (присутствовавший там же), решив пошутить, с самой серьезной миной заявил, что капитан Альварец очень серьезно относится к безопасности высших чинов Революционного командования, ибо только этим можно объяснить его приказ в присутствии высоких особ приставлять магазины к автоматам другой стороной. Так что, вместо обструкции Альварец был только благосклонно пожурен за излишнюю бдительность, да и в чине повышен (всем известно, что начальству нравится даже бестолковая преданность). Так что, друг у Акима таким макаром образовался.

И вот однажды утром к нам примчался радостный Альварец и доложил, что Торговец ведет Агнетту на рыбалку и его просят обеспечить охрану. И сразу предложил гениальный план, согласно которому мы изображаем на месте рыбалки налетчиков-инсургентов, а доблестный комендант нас побеждает и спасает Агнетту, а Торговца злые инсургенты зверски пытаются. Все кроме Акима выразили протест и потребовали более полной информации о рыбалке.

Выяснилось, что действие будет происходить в пяти километрах от города на небольшом озере, в котором водилась весьма экзотическая рыба, и Торговец уже консультировался у Альварца по поводу глушения рыбы и всюду распинался перед Агнеттой о том, что её ждёт потрясающий сюрприз. План созрел моментально: фабулой его была потеря лица в глазах прекрасной дамы счастливым соперником Акима и Альварца...

Рыбалку, естественно, подготовили на 5+... В назначенный день и час к небольшому озерцу (кстати совсем другому), подкатила кавалькада из трех комендантских УАЗиков и ООНовского Ровера. Из Ровера вышли Агнетта и Торговец, из УАЗиков проявились Барон с Акимом, и высыпала охрана, руководимая Альварцем, который прямо-таки лучился прекрасным настроением. Сладкая парочка, напрямик направились к озеру, и Торговец, рисуясь перед шведкой, картинно вытащил чеку из гранаты, презентованной ему Альварцем, и кинул её в мирные воды. Агнетта кокетливо зажала уши, но взрыв был не очень сильным, гораздо более сильным был эффект от него.

На поверхность стала массово подниматься добыча веселых рыбаков. В большинстве своем она состояла из разноцветных надувных утят и прочих игрушек, но основной фон, помимо небольшого количества безвременно

погибшей рыбьей мелочи, составило абсолютно неприличное количество контрацептивов в ярких пачках. Агнетта выпучила глаза и стала ловить ртом воздух, потом она таки набрала его в легкие и, видимо, что-то хотела сказать Торговцу, но тут с ближайшего дерева рухнуло нечто лохмато-зеленое и принялось кататься по земле, размахивая многочисленными конечностями разной длины, (так, по крайней мере, казалось окружающим) и издавая непонятные звуки. Тут Агнетта просто завизжала и стала падать в обморок, но рядом образовался Барон, подхватил жертву рыбалки на руки и отнес к роверу. Флегматичный шофер-швед завел двигатель, и белый внедорожник с эмблемами ООН умчался сопровождаемый машиной охраны.

Из основных фигурантов рыбалки у озера остались Аким (с отвисшей челюстью), Альварец (радостно улыбающийся) и Торговец. Причем, у Торговца сквозь обычный тупо-самодовольный вид явно проскальзывал еле сдерживаемый смех.

Когда остатки рыболовной экспедиции вернулись в город, то ни Барона, ни Агнетты нигде не было видно. А Акиму, как старшему по званию, сообщили, что в наших муляжах на складе надобность отпала. Тарасюк ринулся посмотреть, на что можно махнуть ставшие ненужными командованию ящики, и вернулся с выражением такого довольства на лице, что стало ясно: наш старшина опять не прогадал. Тарасюк по секрету доложил Акиму, что соседней с «матрешкой» тоже след простыл. А к вечеру растрепанная шведка бегала по всему городку и искала своего шофера. Шофера обнаружили мертвецки пьяным, он мирно почивал в гамаке, в рембоксе. На этом все события этого дня закончились.

А дня через три настала пора нам всем уезжать, и на аэродроме отметились все главные участники рыбалки. Перед зданием аэропорта вполне мирно разговаривали Барон и Торговец, причем, иногда смеялись. Чуть в стороне наша команда возилась с очередными ящиками и рассматривала приземлившуюся тут вчера редкую в этих местах птицу - ООНовский Сааб 340. Альварец с парочкой сержантов изображал провожающую публику. И тут из дверей вышла Агнетта, шофер тащил за ней багаж, и они направились к шведскому самолету, но внезапно Агнетта сменила курс, подошла к Торговцу с Бароном, поцеловала Барона и у бежала в сторону своего борта под мат Тарасюка, которому Аким уронил на ногу ящик.

Р.С. Женские белые шерстяные береты с аляпистыми золотыми эмблемами, смутно похожими на МХАТовских чаек, сосватал местному спецназу Тарасюк. Где он их взял, осталось тайной, но получил он от Альварца, за каждый берет, по паре французских берцев.

Р.Р.С. Зеленое чудовище, упавшее с дерева, было племянником - спецназовцем Альвареца, замотанным в маскировочную сеть от БРДМа. У него там был пост, и он упал случайно.

* Матрешка – во времена холодной войны, методика пересыла из стран НАТО в страны Варшавского Договора дивайсов, запрещенных к продаже в мир Социализма. Скажем, из Чикаго в Ванкувер приходит посылка с электронной хренью, в Ванкувере её пакуют в еще один ящик и отправляют в Мехико, там, в очередной транспортной конторе, еще в один ящик и дальше, скажем, в Аргентину. Короче, пока дойдет до подконтрольной нам территории, и получается матрёшка.

Перед прочтением сжечь, или никогда не женись на дочери железнодорожника

(Фантазия на тему Африканских снов XXIII)

Однажды мы застряли в небольшом городке, после выполнения задания у нас было три возможных маршрута передислокации, но наиболее удобный из них, по вине Акима, был для нас закрыт...

Нужная нам трасса проходила там, через столицу очередного псевдо-государственного новообразования, но новые власти очень серьезно, как это водится, отнеслись к своей государственности и, в первую очередь, к аксессуарам оной. Премьер-министр революционной республики, бывший по совместительству дядей главы государства, на свою беду поинтересовался у Акима о степени секретности документации вообще, и как она обозначается в частности. Аким с радостью поделился с камрадом секретами бюрократии, но, по живости характера, добавил от себя, что, как ранг наивысшей секретности, применяется гриф – «Перед прочтением сжечь».

Ну, а дальше пошла цепочка случайностей и накладок, в результате которой вся первая партия правительственных бланков была напечатана с гордым гербом молодой республики и надписью «Devant la lecture brûler!*». А происходить стало вот что... Внезапно государственные бумаги стали уменьшаться в количестве с прямо-таки парадоксальной быстротой, что, кстати, сказалось не в худшую сторону на скорости работы местного аппарата. Позднее выяснилось, что дисциплинированные служащие, прочитав страшный гриф, сжигали опасный документ от греха подальше.

Скандал был жуткий, хорошо, что к тому времени нас там уже не было. Но отголоски были, и даже из Центра попытались вернуть наградной лист на «Знамя» для Акима, но тут уже командир пришел в бешенство и, нажав на всех, на кого мог, не дал свершиться несправедливости.

Ну, а теперь мы вынуждены были ехать в объезд, так как в той самой республике премьер-министр сверг своего племянника и стал единовластным главой и даже диктатором, но дорога через места ему подвластные была нам, естественно, заказана. И больше того, другой сосед решил откусить от сопредельного себе государства область, где мы, на свою беду, находились. Так что, городок наш одномоментно стал вдруг фронтовым. Второй маршрут был по воздуху, но когда будет, и будет ли вообще самолет, было неизвестно напрочь. И была еще железная дорога...

Ситуация тут сложилась так, что за одно надо было помочь союзникам провести эшелон с беженцами по железке. По неписаным законам тех мест и того времени, железнодорожные пути, противоборствующие и прочие стороны не трогали, но это вовсе не исключало отсутствие негативного воздействия. Охрана эшелона была весьма жидко вооружена, но командовал ею один очень хороший человек, закончивший некогда институт Патриса Лумумбы, который руками и ногами голосовал за наше присутствие в эшелоне. Он гордо повел нас показывать вагоны и платформы, но осмотрев бортовое вооружение и его расположение, мы несколько приуныли. Тарасюку было дано срочное задание найти пару тысяч пустых мешков и плюс что-нибудь длинное, тяжелое и мощно стреляющее (с достаточным БК, естественно).

Накануне наш бравый старшин очень своевременно завел знакомство, с Главным сторожем местного привокзального склада, а надо сказать, что во времена войн и революций главный складской сторож - это далеко не самый бедный человек. Тарасюк уже имел с Уимбой парочку гешефтов, плюс ко всему у Главного сторожа была весьма знойная старшая дочь, которой старшина безмерно нравился. Финалом данной романтической истории был подарок от потенциального тестя в виде сорокасантиметровой ритуальной статуэтки племени Балибо, с настолько устрашающими вторичными половыми признаками, что Аким, завидев это страшилище, аж промолвил: «Буратино, блин».

Мы так никогда и не узнали, было ли чего-нибудь у старшины с пухленькой африканкой, ибо на все вопросы на эту тему он отвечал лишь багрянцем ланит и скромным потупливанием взора. Не смогший, конечно, как всегда пройти мимо Аким, сказал, что стесняющийся Тарасюк напоминает ему подмигивающий пылесос. Вдобавок лейтенант Акимов стал распространять среди окружающих информацию, что любимая песня старшины - это *Marry A Railroad Man* в исполнении ансамбля *Shocking Blue*.

Эту песню часто передавало какое-то далекое радио и Тарасюк, услышав знакомое слово Railroad man, стал спрашивать всех полиглотов, мол, не про железнодорожников ли эта песня.

Если вы помните, там пелось о несчастной женщине, трагедия которой заключалась в том, что её лживый муж железнодорожник, больше чем её, любил свой поезд. Аким, конечно, не мог упустить такой подставы, и в качестве перевода представил старшине лирическую историю о влюбленной дочери железнодорожника, на которой не хотел жениться злой фельдфебель, и что из этого вышло, естественно, приукрасив все эротическими сценами, чем окончательно смутил бедного Андрея.

Но дело свое Тарасюк, как всегда сделал на пять с плюсом. Он поимел со своего потенциального тестя четыре китайских ДШК, почти сотню пятидесятипатронных коробов и две турели от зенитных Бофорсов. Пулеметы были с двусторонним заряданием, и собрать из них две спарки было делом техники и таланта Таракана и Акима. Мешки также имелись, и всех беженцев, включая местных мамамуши и их жен, заставили набивать эти мешки песком и выкладывать из них элементы блиндирования на подвижной состав, как несамоходный, так и на тягловый. Один весьма солидный мамамуши заявил, что является министром народного труда и ни он, ни его жены не собираются заниматься физическим трудом, на что Таракан объяснил, что те, кто не участвует в созидательном труде, будут ехать не в огороженном мешками безопасном пространстве, а на крыше вагона, а Аким подвел к ним Арканю и показал на министра пальцем. И все это в комплексе таки убедило народного министра, который не только сам впрягся в работу, так еще и жен своих беспрестанно понукал.

Короче, когда состав из вагонов, полувагонов и грузовых платформ, покрытых разномастными навесами, был остановлен на разъезде местной бандой мародеров, то оных ждал целый ряд сюрпризов. Сначала они радостно расстреляли переднюю платформу, из которой во все стороны торчали всевозможные стволы и на которой было тесно от фигур в камуфляже (Тарасюк потом месяц не мог успокоиться оттого, что столько справных свиток было погромсано вражьими пулями). А пока злодеи воевали с чучелами, были определены их основные огневые точки и места скопления живой силы, и в дело вступили «Железнодорожные Карамульки * имени Тарасюка» (курсив Акима). С двух концов состава тяжелые пули 12,7 миллиметрового калибра солидно объяснили посторонним, что трогать наших подопечных опасно для жизни. Вобщем, наши как всегда победили...

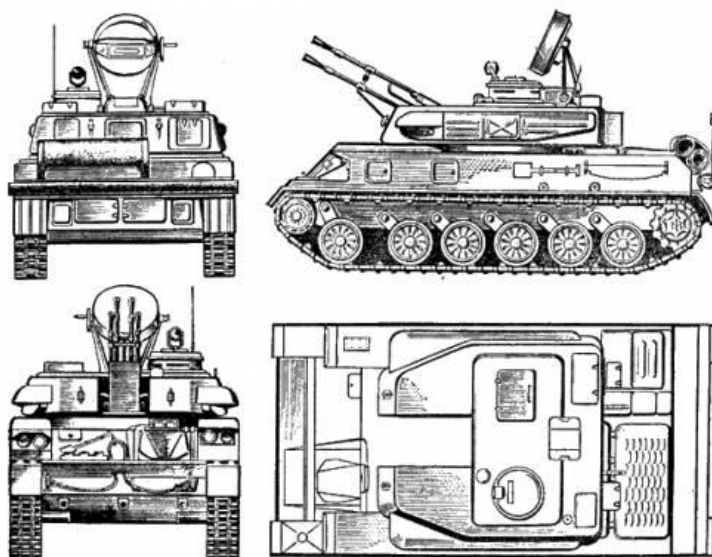
А нас уже ждало новое задание, где в причудливом калейдоскопе перемешались бочки с французским топленым маслом, самолеты и восставшие провинции, но это будет совсем другая история про Маугли и бандерлогов.

Devantlaecturebrûler(франц) - перед прочтением сжечь

Карамультук – древнее азиатское ружье. В тюркских языках слово «кара» означает - чёрный, а «мылтык» — ружьё. В военном жаргоне - обозначение мощного или нестандартного оружия.

Топленое масло из Марселя

(Фантазия на тему Африканских снов XXVI)

На занятиях по тактике неуд ставят в трех случаях: за наступление в направлении диаметрально противоположном, указанном в приказе, за форсирование реки вдоль и за нанесение ядерного удара по собственным войскам, и в этот день мы заработали два неуда из трех.

Задание было вполне рутинным. Нужно было перегнать из точки А в точку Б два грузовика, груженых бочками с французским топленым маслом. Но, как говорит Аким, по правилам африканского алфавита между А и Б находится Ж, и это вовсе не буква. Территория, по которой мы пересекали, находилась в районе пересечения трех границ, и за одной из них очередной раз, кто-то пытался очередной раз доказать, что нефтью и алмазами надо делиться. Короче, мало что за нами погнались какие-то хамы на джипах, так на переправе с другой стороны тоже показались деструктивные элементы, которые в борьбе за социальную справедливость отрицали любую собственность в чужих руках. Так что, мы ехали вдоль течения обмелевшей от жары реки, а стволы наших пулеметов раскалялись все больше и больше.

Ну, короче, мы доехали практически без потерь, пара царапин, как говорится, не в счет. Груз уже ждали, и, загнав грузовики в ангар, мы стали по счету сдавать бочки. Бочки, естественно, были не простые... Когда их вскрыли, внутри оказались разобранные АГС "Пламя"*, ну, и бубны с ВОГ*амии, соответственно. Когда сдача груза закончилась, и выяснилось, что раскуроченные бочки с маслом мы должны были забрать назад, Тарасюк настолько преданно - жалобно посмотрел на командира, что Барон даже почти не рывкнул, а просто сказал: "У тебя четыре часа старшина, если готовые к маршу машину будут стоять на месте хотя бы на минуту позже, кастрирую и сдам в Заирский бордель". Тарасюк уложился в три часа...

Таракан, который пошел с ним в качестве охранника и переводчика, неоднократно пересказывал восхищенным слушателям историю этого гешефта...

Хозяином местного интендантства был одноглазый мулат, который, с одной стороны, сразу осознал в Тарасюке родственную душу, но с другой - на всякий случай опасавшийся Таракана, что дало нашему bravому старшине возможность определенного маневра.

Изначально Тарасюк рассказал складскому мулату жуткую историю про зверства Марсельской таможни, которая зверским же образом проверяла груз, который дядя Тарасюка купил на последние деньги и теперь мало, что при проверке бочек злые таможенники украли часть масла, так теперь герметизация нарушена, и срок годности падает на глазах. Рассказывая эту жуткую историю, Тарасюк даже пару раз прослезился от жалости к разоренному дяде. В процессе разговоров участники будущей сделки вышли на закрытый грузовой двор, заставленный разнокалиберной техникой. Через этот городок проходил один из путей миграции беженцев из соседней страны, и разнообразие представленных брендов сделало бы честь любому автомобильному музею мира. Тарасюк сразу же заметил почти новый ровер с "израильским" расположением турелей (это когда можно одновременно установить много пулеметов стреляющих в разные стороны), рядом с ровером стоял красный Кадиллак, и именно к кэдди старшина и направился. Будто бы случайно он погладил его по запыленному капоту и пошел дальше, но интендант успел проглотить наживку. Мулат так пылко рекламировал кадиллак, что этой энергии хватило бы даже на то, что бы выдать замуж за юного принца беременную провинциальную пейзажку сорока лет. Сначала он предложил кэдди за оба грузовика с грузом, потом добавил ровер (ибо Таракан громким шепотом сказал старшине, что мы возьмем все, что угодно, кроме этого британского ржавого дерьма). И тут заработал гений Тарасюка: после длительного торга, который обе стороны вели с огоньком лютой справедливости в глазах, наш старшина внезапно заявил мулату, что тот его совсем запутал в расчетах и лучше разделить товар на части и считать обмен по фрагментам. В результате

получилось, что за ровер с пятью пулеметами FN MAG* и тридцатью снаряженными пятидесяти патронными коробами мулат получит весь груз масла. А за кедди получит два пустых грузовика и броневик. Броневик, если честно, был не совсем наш, вернее совсем не наш. Это был старый - добрый **Panhard 178***, сменивший, судя по раскраске, кучу хозяев, и потерявший где-то башенное орудие, но очень кстати остановившийся около наших грузовиков. Экипаж броневика убыл в заведение мадам Жозефы, которого официально не было, и которое закрывалась каждой новой властью, но на следующий день чудесным образом продолжало функционировать (был, кстати, случай, когда в данном заведении одновременно развлекались руководители противоборствующих вооруженных сил, и, что характерно, даже не подрались). Так что, мулат ошибочно посчитал броневинок нашим, и Тарасюк не стал его разубеждать и добавил в цену за кэдди. Затем Тарасюк объявил о начале первой стадии сделки. Сандро, Птица, Сокол и Борька, срочно вызванные на подмогу, проверили ровер, установили пулеметы на турели и загрузили боезапас. Местные грузчики в это время сгрузили масло с наших грузовиков, после чего Тарасюк заявил мулату о том, что хлопцы устали. И вторая часть сделки состоится завтра, учитывая факт, что пулеметы были заряжены и у наших ребят лица были даже добрее, чем обычно. Одноглазый мулат был вынужден с этим смириться.

Когда Барону доложили об окончании операции "Масленка", и он, в принципе, все одобрив, поинтересовался у Тарасюка только одной деталью, а причем тут Марсельская таможня. На что Андрей ответил, что на стіні в кабінеті цього шоколадного циклопа була розташована картинка з виглядом Марселя.

Тут уже в голос заржал Таракан, по его словам на стене складской дежурки висела картина художника Марселя Громера "Дама у подножия Эйфелевой башни", на что Тарасюк, переждав общий смех, заметил, що йому по барабану, що там за баба на картинці, а слово Марсель там було, і ровер з кулеметами він виміняв. Командир приказал прекратить смех и похвалил старшину, выразив ему благодарность перед строем.

Короче, на заре мы ехали на точку подхвата на пустых уже грузовиках, точка представляла собой очередной заброшенный колониальный аэродром, нам намекнули, что там могут быть генссен, работающие по своим делам, и дали пароль для данного случая, но к нашему приезду место отлета было занято ещё несколько плотнее, чем ожидалось. Там, куда должен был прилететь за нами старый трудяга "Дуглас", нагло разлапился на брюхе, уехавший за взлетную полосу "Геркулес" С-130 без опознавательных знаков, а в паре десятке метров сзади от него, на десантной платформе стояла ЗСУ-23-4, в просторечии называемая "Шилкой"*. Вокруг неё суетились разнородно одетые люди, относящиеся как к европейским, так и негроидным расам. Наш

авангард на ровере вызвал у встречающей стороны бурную реакцию, переходящую в радостную дружескую стрельбу, но сигнальные ракеты двух цветов с нашей стороны, и оплеухи, которыми европейцы наградили негроидов, эту стрельбу прекратили. Это действительно были Геноссен с местными союзниками. Они встречали группу, отходящую из недалекого сопредельного государства, вернее, из его части, весьма склонной к сепаратизму, и в очередной раз не ставшей анклавом победившего Социализма. Отененте Гомес (которому больше бы подошло обращение гауптман Гейнц), рассказал, что Геркулес сел тут на вынужденную, буквально у них на глазах и при посадке в кабине что-то не слабо рвануло, так что от экипажа осталось нечто, не подлежащее опознанию, а грузовая платформа с Шилкой вылетела самопроизвольно в процессе посадки. Гомес и мы срочно связались каждый со своим командованием и получили по порции ЦУ. Гомесу приказали встретить группу из сопредельки и поддержать ей по возможности огнем, так как наличествовала погоня. Нам же приказали взорвать и Шилку, и Геркулес, а потом выдвигаться в резервную точку. Но приказы - это приказы, а жизнь - это жизнь. Аким и Сокол, уже облазившие Шилку, доложили о том, что два ствола заряжены на полные барабаны, по пятьсот смешанных снарядов на ствол, радара нет, и как бы и не было, но зато стоит "левый" прицел земля-земля, и, что самое интересное, "коробочка" на ходу, то есть метров двести проползет без проблем. Диспозиция, которую предложил Барон, была следующая... Геркулес мы поджигаем, и этим даем Геноссен визуальный ориентир, Шилку маскируем на высотке и ждем погони, в которой, как только что сообщили Гомесу, участвует какая-то броня. А дальше - по обстановке...

Через час из зеленки на поле вылетели два грузовика, один из которых слегка дымился, но, тем не менее, бодро огрызнулся назад по курсу из пулемета. Согласно полученным от нас инструкциям, грузовики сдали влево и вправо, оставив в центре неприметную высотку, увенчанную зеленым холмом непонятных зарослей. Когда на поле нарисовались преследователи, на джипах, пикапах и двух Панарах (задолбали уже эти Панары), заработали и наши стволы. А зеленый холм, ошестинился хлестким потоком снарядов калибра 23 миллиметра и каждый четвертый снаряд в ленте был, что характерно бронебойно-зажигательным. На наводке сидел Аким, что вкупе с комплектацией снарядов, не оставляло несчастным Панарам никаких шансов. Когда через несколько минут броневики превратились в дымящиеся дуршлаги, то пикапы и джипы стали суетливо разворачиваться, но для Акима это было слишком просто. Последней сдвоенной очередью на десять снарядов он размочалил последний джип с пулеметной турелью.

Мы дружески распрощались с союзниками, подарили им на память один из наших грузовиков, не без грусти в глазах взорвали Шилку и

двинулись в сторону заданного квадрата. По дороге любознательный Тарасюк стал выяснять у Акима, а ще це так Шилка? Аким в ответ исполнил несколько куплетов из известной песни, и старшине она так понравилась, что он, безусловно, чуждый поэзии, перевел таки её на мову, и именно перевод Тарасюка звучал отныне на наших застольях:

*Шилка і Нерчинськ не страшні тепер -
Гірська варта мене не зловила,
В дебрях не чіпав прожерливий звір,
Пуля стрільця минувала.*

СЛАВНОЕ МОРЕ, СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ...

**Славное море - священный Байкал,
Славный корабль - омулевая бочка,
Эй, баргузин, пошевеливай вал, -
Молодцу плыть недалечко.**

**Долго я тяжкие цепи влачил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.**

**Шилка и Нерчинск не страшны теперь -
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.**

**Шел я и в ночь, и средь белого дня,
Близ городов озирался я зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.**

**Славное море - священный Байкал,
Славный мой парус -- кафтан дыроватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, -
Слышатся грома раскаты.**

СЕРЕБРО КАЗНАЧЕЙСТВА

(Фантазия на тему Африканских снов XXVII)

Задача перед нами стояла элементарная. Перегнать три БТР-60 через буш. Была какая-то мутная история с этими коробочками... Сначала, вроде, их везли кому-то дружественному, ступившему на путь социализма, но пока везли, он из социализма вылез и стал наймитом империалистов, короче, ближе всех к этому городку оказались мы, и нас как всегда запрягли. Хреново было то, что это была старая открытая модель БТРа с единственным плюсом - увеличенными баками, что давало плюс 300 км к дальности пробега на одной заправке, и, вдобавок, с них сперли даже турельные пулеметы. Хотя толку с этих СГМБ все равно было мало, слабоват 7,62 мм., для основного вооружения. Но у нас, как вы понимаете, был Тарасюк... Короче, в обмен на три коробки сгущенки, дюжину медицинских халатов (с клеймом Родильного отделения Алжирской городской больницы) и ящик белого гуталина Андрей получил шесть китайских ДШК и по паре БК к оним.

Пока Тарасюк занимался гешефтами, к нему привязалась греческая научная дама. По её словам, она собирала народный фольклор (в сумочке у неё лежал такой же Вальтер РРК, как у Бонда) и ей было интересно, к какой народности относится наш старшина. На помощь примчался Аким и сказал шебутной фольклористке, что Тарасюк - Ирландский фермер, разводящий вереск. Гречанка пришла от этого в экстаз и потребовала образец Ирландского фермерского фольклора. Аким попросил Тарасюка выдать какую-нибудь частушку, и старшина выдал:

Все б трахнув я на світі, крім шила і цвяха,
Шило колеться, зараза, цвях же трахать не можна.

Аким поднапрягся и перевел это на английский, что выглядело примерно так:

"Я настолько сексуален, что с радостью бы вступил в интимные отношения со всем на свете, кроме шила и гвоздя. Ибо шило колется, как зараженное некой болезнью, а с гвоздем совершать интимные действия просто невозможно".

После чего греческая фольклористка с Вальтером впала в кому и от всех отстала.

Так что, БТРы спокойно ошетинились крупнокалиберными стволами и, в сопровождении четырехосного наливника, тронулись в путь.

Мы уже отмотали километров триста, как получили по рации приказ выйти в определенный квадрат и ждать курьера. Ну, начинается, подумали мы, и были правы.

Курьер прилетел на Сессне с эмблемой журнала Плейбой, аж в количестве двух человек, чем вызвал нездоровый интерес Акима (эмблемой естественно). Один товарищ был из кругов близких к нашему начальству, а другой - из родственной Конторы, "имеющей отношение", и обладали солидными полномочиями. Первым делом с нас взяли подписку о не разглашении и посвятили в проблему, которую нам было поручено разруливать. Проблема называлась "Серебро казначейства". В принципе, эту историю знали все. Лет 5 назад, когда все и вся бурно сбивали с ног и псевдоподий цепи колониализма, одна из свежее-освобожденных молодых республик надыбала тонну серебра и решила начеканить себе монету. А тут как раз начались перевороты и заварухи, и серебро куда-то задевалось, но информация о нем периодически всплывала. И вот на днях это серебро внезапно нашлось в подвале взорванного дома, местные власти не придумали ничего умнее, как поручить охрану клада наемникам, а наемники решили разбогатеть, легко обидели местную милицию и прочих ополченцев, и удалились на двух грузовиках, естественно, вместе с серебром. Одного раненого наемника смогли захватить живьем, и он выдал всю инфу по дислокации и планам своих коллег, после чего преставился. (Я, естественно, не стал уточнять у курьеров, кто из них оказался в нужное время в нужном месте).

Ну, а наша задача - настигнуть злодеев и вернуть освобожденным народам Африки их достояние. Почему именно мы? А потому что именно у нас БТРы, а база наемников в 200 километров отсюда и они её не минуют, и даже там заночуют. Ну, и самое главное, - командование нам доверяет. Приказ есть приказ. Мы заправились под пробку и двинулись в указанном направлении. Сессна изображала из себя воздушного разведчика, и все развивалось настолько хорошо, что поневоле стали крадываться нехорошие предчувствия, особенно, когда мы узнали, что база наемников находится в "Бушменском форте". Местечко это было не самое приятное. Там когда-то была бушменская деревня, потом нехорошие колонизаторы зачистили эту местность из-за хорошего колодца, куда, судя по всему, выходил родник, но бушмены все время порывались туда возвратиться и очередные колонизаторы построили там небольшой форт, который бушмены вырезали минимум три раза. А потом пошли антиколониальные и прочие войны, и место, вроде, стало заброшенным, но нехорошей славой пользовалось у всех, причем, настолько нехорошей, что даже отряд союзнического спецназа капитана Вельядо, прошедший вдоль и поперек весь юг Африки, и то, попав в те места, не рискнул остановиться в "Бушменском форте" на ночевку.

С самолета сообщили, что два грузовика прибыли на точку и явно собираются там на привал. Сессна пролетела от них вдалеке один раз и тревоги у наемников вроде не вызвала.

Оставив наливник в зарослях дикого ройбоса, мы заблокировали БТРами развалины форта, и Барон с Акимом и Тараканом выдвинулись вперед для разведки.

В форте было все спокойно. Наемники мирно нас ожидали, их было одиннадцать штук, - без одежды и оружия. Из двух грузовиков и джипа тоже пропали все вещи вплоть до мелочей. Один грузовик был нагружен армейскими ящиками, набитыми белыми блестящими брусками.

Аким и один из курьеров (который из органов) осмотрели тела и хором сделали два резюме. Первое, что это сделали однозначно бушмены, второе, что надо отсюда делать ноги, и побыстрее. Но это были не все новости. Курьер (который от нашего начальства) стал изображать из себя Архимеда, приплясывая с серебристым слитком в руках. Но кричал он почему-то не Эврика, а АЛЮМИНИЙ!!! Да. Да. В ящиках было не серебро, а простой алюминий, вещь, конечно, не дешевая. Но отнюдь не драгметалл. Перекидав ящики с люминием в БТР (тут открытый кузов оказался, к счастью), мы, захватив наливник, дали полный газ. Сессна барражировала в ста километрах впереди и хорошими новостями не радовала. Пару раз мы сбивали хиленькие заслоны, но после того, как самолет сообщил, что через полста километров нас ждет до роты пехоты с пулеметами, а потом вернулся, оставляя за собой хвост дыма, мы заправились под завязку, заминировали наливник и пошли на прорыв.

ДШК - это хороший пулемет. И, по сему, с этой засадой мы разобрались издалека. А дальше перли не останавливаясь, считая за правило, что каждый, пытающийся заступить нам дорогу, хочет нас убить. У нас уже кончались патроны, когда на дороге замаячили БРДМы союзников.

Далее все было помпезно и с узорами. Мы подкатили к Госбанку сквозь тройную цепь охраны. В воздухе жужжало все ВВС молодой республики (в составе двух вертолетов), и небольшая группа дружественных ВВС (в составе четверки МИГов), а у подъезда стояли две "шестьдесятдвойки" союзников и мы самолично таскали в здание ящики в сопровождении четырех автоматчиков каждый (блин, лучше было бы наоборот). И ни один сын самки собаки не подумал, что в ящиках не серебро.

Р.С. Ну, а несколько позже нам вручили по большой и красивой медали... Из алюминия.

Р.Р.С. Месяц после этого Аким звал Тарасюка - Наш Ирландский Мачо.

ТАКТИКА ДИВЕРСИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРИ ПОМОЩИ СТРИПТИЗА И ВИСКИ

(Фантазия на тему Африканских снов XXVIII)

Судя по застарелой ржавчине на стоявшей по обочинам сгоревшей технике, серьезные бои на этой рокаде были уже достаточно давно, а судя по свежей россыпи разноплеменных гильз, мелкие инциденты продолжали случаться и сейчас, доказательства чему мы увидели через четверть часа непосредственно за поворотом...

Обшарпанный школьный автобус стоял поперек дороги, перед ним весело горел джип, а чуть в стороне группа личностей самого асоциального вида радостно боролась со стайкой женщин в европейской одежде, явно с них эту одежду сдирая, и явно не для водных процедур. У обочины парочка бандитов самозабвенно била ногами какого-то человека, судя по крикам - явно мужчину. Ну, что же, в таких случаях мы стреляем сразу. При первых же выстрелах женщины дружно и не без сновки залегли, разбойники заметались по дороге, но для земляков Калашникова, вооруженных одноименными автоматами, это было слишком просто.

Уже через пару минут бандиты числом семь штук, из которых трое были ранеными, живописно валялись на земле, но когда до них добрались дамы и их кряхтящий от побоев кавалер, то раненые быстро кончились.

Спасенные нами от охальников дамы оказались стриптиз – труппой: они двигались в небольшой городок, где, по слухам, в последнее время прибыло много наемников, и даже заработал ресторан при местном аэропорте, а открыл этот ресторан как раз брат директора данного стрип-варьете.

Первая моя мысль была о том, что это подстава, ибо не бывает таких совпадений. Мало того, что нам нужно было в этот город, так нашей целью был именно тот аэродром, в ресторан которого ехали стриптизерши. Мужик, которого бандиты били ногами, оказался руководителем этого ансамбля жриц куртуазной Мельпомены, и Марсель (так его звали) сразу загорелся мыслью нанять нас в охранники, так как предыдущие стражники погибли вместе с джипом (их банально расстреляли из пулемета). На переговоры по условиям найма были запущены старшина Тарасюк и Арканя. Тарасюк - как гений любых торговых переговоров, а Арканя - как переводчик, ну, и что бы боялись.

Народ, естественно, с наслаждением следил за действием, которому не было равных ни в древнем Финикийском купеческом собрании, ни на современной Гонконгской бирже. Когда были названы первые цены, то уже по лицам Высоких договаривающихся сторон было ясно, что за

цену, предложенную Марселем, ни один уважающий себя наёмник не возьмётся охранять даже колонию тлей от муравья инвалида. А цена, заявленная Андреем, была бы неприлично высокой даже для дивизии ветеранов спецслужб, взявшейся охранять встречу министров обороны Израиля, Северной Кореи, США и Ирана с Бен Ладеном.

А торг тем временем продолжался... Когда француз предложил солидную, по его словам, надбавку, возмущению и трагизму на лице Тарасюка позавидовал бы Лопе де Вега, узнавший, что Донцова украла у него сюжет комедии "Собака на сене" и сделала его своим брендом. Торговля, наконец, подошла к финалу, которому поспособствовал кулак командира, показанный Тарасюку, и мы стали охранниками в первую очередь потому, что это совпало с нашим заданием, которому мы были обязаны тем, что как всегда, оказались в ненужное время в ненужном месте...

Ситуация в данном квадрате борьбы с империализмом и отрывкой колониализма складывалась следующая...

На обширной территории местный пролетариат в лице вооруженных формирований ряда племенных и политических триб создал коалиционное правительство, свергнув предварительно прошлое правительство, считающееся отныне нехорошим. Новые власти выбрали, как водится, путь социалистического развития, и на послезавтра был назначен торжественный парад и раздача населению слонов. А прислужники империализма, затаились как раз в стране по территории, которой мы мирно проезжали по делам, тесно связанным с гуманизмом и социалистической законностью. Короче, на аэродроме некоего городка было сосредоточено несколько самолетов и их наемные экипажи, и целью этих стервятников было ни много, ни мало - разбомбить парад, демонстрацию трудящихся и прогрессивное правительство, присутствующее там, а из хороших и политически правильных парней ближе всех, как всегда, оказались мы!

Приказ был четкий и не имеющий двойных толкований: самолеты должны быть выведены из строя до 7-00 дня "X". А стрипклуб, который мы теперь охраняли, ехал именно в этот городок, вот такие вот совпадения, как говорит Аким: "На дороге валялось масло, а у нас есть бутерброд".

А в это время на дороге возле автобуса разворачивалась новая интермедия, слегка отдающая стариной Фрейдом. Группу мужчин в камуфляжных шортах, украшенных автоматами Калашникова, декорировал пёстрый щебечущий полукруг, а вновь испеченные охранники решали, кому же из них ехать в автобусе со стриптизерками. Романтичный Арканя предложил тянуть на спичках, Акима, предложившего себя в качестве держателя оных, чуть не убили на месте, Таракан даже нервно щелкнул предохранителем. Щебет красоток полусвета поднялся еще на полдецибела, так как они подумали, что сейчас из-за них будет дуэль, а дамы полусвета любят

дуэли из-за себя не меньше, чем светские дамы и даже приличные женщины.

Но тут Тарасюк то ли по простоте, то ли по глубинной хитрости, заявил, что не будет участвовать в жребии и выдал спич полный равнодушия к прелестям охраняемых:

- А то я цього ніколи не бачив. Ці дівчата - не красуні, ще й худі та вертляві. Ну, ніякої солідності. Ось у нас на селі...

После чего Тарасюку сразу вручили спички по числу присутствующих любителей прекрасного, и, затаив дыхание, приготовились к жребию, который безжалостно порушил Барон, приказавший Таракану сесть за руль автобуса, Тарасюку и Акиму сесть в салон автобуса, а остальным - в наши Роверы.

Всю дорогу кололи бедного хозяина стрип-шоу. Марсель был, конечно, левым типусом, и то, что он уехал из одноименного города ввиду своей высокоморальности, а из Алжира - ввиду высокоморальности своих артисток, было шито белыми ниткам, хотя, он проболтался, что они не являлись профессиональными путанами. Девушки допускали натурально-денежный обмен с приглянувшимися зрителями из солидных. Но пробить его на предмет слежки за нами не получилось, и мы временно успокоились.

И вот наш конвой прибыли на место, рекогносцировка не принесла особых сюрпризов. Гарнизон городка состоял из местной национальной гвардии, группирующейся в основном возле рынка, и помешать нам не могли ни при каких обстоятельствах, но вот охрана аэродрома состояла из европейский наемников, экипажи самолетов и служба, естественно, тоже, и грело тут только то, что это были в основном итальянцы, а гордые сыны Рима, как известно, в раздолбайстве уступают только нашему стройбату. Мы гордо проводили вверенных нам дам по их номерам, и заняли посты в коридоре и ресторане.

Наемники встретили нас сначала не очень вежливо, но когда Арканя порвал пластиковый столик за то, что тот попался нам на пути, они решили, что с нами лучше дружить.

Ну, а когда они осознали, что мы охраняем прибывший цветник, то наша команда стала самой популярной компанией в кабаке. Таракан и Аким с ленивой пресыщенностью людей, уставших от обилия красивых и доступных женщин, жаловались на то, как им все это надоело. И тут в дело была запущена информационная диверсия, придуманная, кстати, Тарасюком. Намедни старшина, знающий о том, что одна из наших задач состоит в том, чтобы любым способом отвлечь охрану от самолетов, предложил Барону интересный ход:

- Товаришу майоро. А, давайте, скажемо цьому Марселю, щоб він провів лотерею. Нехай хлопці заплатять по сто французьких рублів за квиток, а потім розіграють три номери, які дадуть право одну годину кохатися з трьома дівчинами. З дівчаток не убуде, оскільки це їх

робота, та ще й вони заробляють багато. А охорона, коли дізнається про цю лотерею, то з постів обов'язково втече".

Ідея командирів понравилася, і він послал Тарасюка з Тараканом до Марселя на переговори. Тарасюк умудрився содрати з Марселя 500 франків і ящик виски за ідею, впрочем, Марсель в накладі не остася, ібо заломив за квитки по двісті французьких карбованців.

Слухи про стриптизю вкупі з лотереєю на призовий час з стриптизершею за хвилину облетіли широкі шари наймників, ідея стала настільки популярною, що італійці навіть не хотіли пускати в ресторани штатських, але Марсель уладив конфлікт, сказав, що для штатських буде проведена окрема лотерея. Те з наймників, хто ввечері і вночі був у караулі, безмірно були расстроєні своїм відсутністю на святі арт-ероса. І тут вступив в справу хитрий Таракан.

Він прикинувся підвипившим французом, і гучно заявив про те, що французький ветеран переп'є будь-якого італійця. На що сержант італійських наймників, колишній заодно і їх неформальним лідером, запропонував пари. На стіл було подано кілька бутілок кальвадоса "Trois pommes" і стаканчики граммов на шістьдесят (що ви хочете, - дикі європейці). Само дійство складалося з випивання не замовленого кількості стаканчиків кальвадоса, але, починаючи з четвертого, треба було засовувати голову під стіл і вслух рахувати до десяти. Проігравав той, чья голова залишалася під столом після одного з тостів. А ставкою в пари було нічне дежурство на аеродромі, яке, природно, повинна була нести проігравша сторона.

В книгах і кіно російські шпioni паляться на умінні пити і небрежності в застегиванні ширинки, в даній конспіративній ситуації капітан Тараканов, довів, що він вихован краще іншого російського, але п'є гірше будь-якого італійця.

Таракан рухнувся під стіл на сьомому стаканчику (італієць був уже майже готов і ми не могли ризикувати), а випити наш друг міг би ще стільки ж і все рівно виграти, але наказ є наказ. А італійці виявилися не так прості, як хотілось би...

Схема охорони літнього поля складалася з трьох кулеметних вишек з прожекторами, двох парних патрулей і вахти на воротах. Командир італійців, в порядку грамотної параної, у вхідні і на дальній вишці залишив своїх. До нашому щастю, головного їх начальника не було тут, як проболтався майже насильно напоєний Арканей і Акимом авіамеханік, синьор Стив уїхав за патронами до бортовим пушкам. То єсть, ракети і бомби були штатні і в достатній кількості, але ось снаряди умудрилися привезти китайські, 23 мм замість потрібних 20. А літаки були серйозні, старі добрі Скайрейдери, винтові тархтелки, але нашим В'єтнамським друзям крові вони пошкодили і озброєння серйозне: чотири пушки, три з надлишком тонн бомб і ракет на п'ятнадцяти зовнішніх підвесках. Шість таких машин (а їх тут

было шесть) за пять минут сделают из демонстрации, парада и трибун фаршированный салат с озерными грибами.

Итак, что мы имеем: 6 самолетов, два бензовоза, 10 грузовиков, двоих плохих парней на вышке и троих на вахте. Самое сложное - это вышка, но нам было чем выманить простодушных берсальеров из уставных действий...

Ближе к полуночи прожектора с вышек скрестились на поле, в их мертвенном свете вокруг Аркани и Акима, тащивших позвякивающую коробку, радостно мерцал и подпрыгивал парный патруль, - это Птица и Алекс языком танца показывали, как они рады халявному ящику виски.

Сопровождаемые прожектором, покачивающиеся Арканя и Аким, разносили бутылки по дружественным караульным вышкам, причем Аким лично залезал наверх с порцией бутылок, гарнизон итальянской вышки притаился, надеясь, что его примут за своих, и когда Аким, позвякивая бутылками, полез к ним наверх, они были на вершине восторга, который продолжался ровно до той минуты, пока Аким до них не добрался (до сих пор не понимаю, почему Юги не пошерстили НАТОвские аэродромы в Италии, во время бомбежек там же делать было нечего).

В это время Арканя, подходящий к вахте на воротах, изобразив мечтательную улыбку сытого мамонта, вручил ящик старшему караула, а подчасков взял за шиворот и стукнул лбами. Начкара он угостил ударом собственного лба, добавив для остроты ощущений берцем.

И процесс пошел... Быстро заминировав самолеты и машины с ракетами и бомбами, мы занялись бензовозами, которые стояли на бетонной площадке несколько выше уровня поля, так что на всех наливниках не только поставили мины, но, заодно, открыли сливные краны (ведь полупустой наливник взрывается гораздо сильнее полного) и, дав пятиминутный кросс, все участники спасения демонстрантов от империалистов собрались у тентованного грузовика, заранее организованного Тарасюком. Барон взял пульт радиовзрывателя и начал щелкать тумблерами. Сначала грохнули бензовозы, потом самолеты, а потом пришла очередь грузовиков с боеприпасами. На всю операцию ушла двадцать одна минута.

А парад и демонстрацию отменили по причинам безопасности. Дурят нашего брата.

ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ БАЙКЕРУ

(Фантазия на тему Африканских снов ХХІХ)

Мы двигались в заданную точку маршрута в сопровождении пары дружественных пикапов, набитых не менее дружественными комбатантами местной революционной милиции. Плюс к нашему Роверу и грузовику получилась вполне солидная для тех мест колонна, и, вдобавок, со связью все было хорошо, - на каждой машине был уоки токи. Лейтенант шоколадных санкюлотов ехал в нашем Ровере и, в благодарность за уют и коньяк из фляжки Акима, развлекал нас рассказами о своем героическом командире, с которым он был даже в каком-то свойстве.

Мы поощряли словоохотливость нашего нового друга, и благодарный лейтенант рассказал нам самые свежие новости, а они были нам не безынтересны, ввиду того, что полученный нами приказ был несколько двусмысленный: доставить груз в точку и ждать указаний. Точкой был городок, который, помимо всего, был местным, так сказать, райцентром, а заодно и железнодорожным разъездом, что весьма повышало ценность данного населенного пункта в глазах всех воюющих в этой местности сил. Ввиду резкого изменения местной политической ситуации, райцентр превратился в город окружного значения и местный комендант (который родственник лейтенанта) сразу стал губернским начальником и первым делом расстрелял мэра, женился на начальнике станции и захватил все груженные вагоны оказавшиеся на путях в данный момент (не пугайтесь, начальником станции была женщина, родственница столичного команданте, которую сослали сюда в почетную ссылку, за некоторую вольность нравов. За ней бурно ухаживали мэр и комендант, ну и борьба за руку и сердце прекрасной мулатки, увенчалась полной победой возвысившегося коменданта, не в последнюю очередь, благодаря умению обращаться с браунингом Хай Пауэр). Среди трофейных вагонов оказался и эшелон с цементом, и этот факт нам несколько позже весьма пригодился, в первую очередь - благодаря извилистому ходу мысли нашего старшины. Надо добавить к портрету коменданта Хулио (его, действительно, так звали) - его страсть к мотоциклетному спорту. У него был настоящий армейский Харлей, с которым он не расставался, видимо, даже в спальне, и на котором в день назначения он рассекал по городу, паля в воздух, (впрочем, в другие дни тоже). Надо сказать, что и эта инфа легла четко в строку, но об этом несколько позже.

И тут рассказ лейтенанта остановился на самом волнующем месте. Вдалеке показался блокпост, на котором уныло висел флаг новой республики, но лейтенант скомандовал в свой уоки токи приготовится

к бою. Таракан осторожно спросил его, мол, что за паника, там же, вроде, свои. На что лейтенант удивился тому, что мы не узнали ханга на суетящихся у блокпоста людей, ведь такие ханга бывают только у врагов. Мы дружно согласились с союзником, подумав про себя, что хорошо бы ещё выяснить, а кто такой ханга - типа часть тела или одежда. Лейтенант назначил боевой порядок и сказал, что мы можем достать свои пулеметы, так как они могут оказаться не лишними в бою, чем заслужил уважительный взгляд Тарасюка, который сам упаковывал РПД в тряпье до полной неузнаваемости снаружи. Наши пулеметы, слава Марксу, негодились и смешанный кортеж, наконец, прибыл к месту назначения.

Мы были на этот раз, как два шампуня в одном флаконе: с одной стороны, будучи братскими геологами, мы что-то искали, а с другой стороны, как братский народ из второй родины Me-109 (с нами для полноты правдоподобности был даже самый настоящий геноссе Дитмар, владевший обоими мовами), мы чисто по дружбе завезли для местной железнодорожной диспетчерской какую-то важную электрическую хрень (Дитмар как раз и был специалистом по этой хрени), в которую, при каждой перемене власти, обязательно выпускали очередь из автомата и электрический же насос для местной паровозной водоразборной колонки, который с таким же постоянством, воровали при каждой смене власти, независимо от политической и сексуальной ориентации победителей. Ну, и, самое главное, конечно, у нас был спецгруз, который, как уже было сказано выше, мы должны были доставить в этот город и ждать дальнейших распоряжений. И дальнейшие распоряжения не заставили себя ждать...

Когда Барон прочитал радиogramму из Центра, он выдал такую бранную руладу, что даже обезьяны, занимавшиеся сексом на карнизе соседнего дома, стыдливо покраснели. Приказ был следующим: "... Спрятать груз в данном населенном пункте там, где его нельзя изъять незаметно...". Итак, минуя обсуждение, мы приступили к исполнению.

Учитывая, что мы были тут уже третий день, Тарасюк досыта нашнырялся по окрестностям и прекрасно знал, где что лежит полезного, и вообще, он даже успел выменять на две пачки французских патронов тележку фруктов. Старшина самолично покрасил пули красной краской и декларировал их как бронебойно-зажигательные. (Зачем мирному торговцу фруктами нужны бронебойно-зажигательные патроны к французскому пулемету, Тарасюк даже не заморачивался).

И вот, когда во время мозгового штурма Аким в сердцах сказал: - Ну, хоть бы памятник какой тут был! - Тарасюк с задумчивым видом произнес:

- А цемент для памятника сгодиться? Тут же целый поїзд з цим цементом! - И добавил: - А який гарний мотоцикл у коменданта!

Наступила минута оцепенения всего коллектива, идея забрезжила одномоментно, старшина получил кучу одобрительных тумачков по плечам и спине, и началась работа.

Утром следующего дня, Таракан и Арканя, до посинения проинструктированные Бароном, прошли на прием к Коменданту-губернатору, презентовали ему новенький РПД-44 и флагу с особой министерской водкой (самолично изготовленной Тарасюком из спирта, таблеток глюкозы и лимонной кислоты), и после третьей под шоколадку, устроили обалдевшему губернатору выговор за то, что он пребывает в скромности и не дает преданным соратникам по достоинству оценить и восславить героизм камарадо Хулио, который лично на мотоцикле взял штурмом город и разоблачил антиреволюционный заговор.

Был приведен ряд исторических примеров, от классово чуждого Наполеона на коне до социально близкого Ленина на броневике, и тема сама собой сползла к героическому мотоциклу команданте Хулио. Итак, вопрос был решен окончательно: на центральной площади города на бетонном пьедестале будет установлен макет мотоцикла ориентировочным масштабом 3 : 1. Присутствующая тут же вновь испеченная синьора Маратуна Хулио пришла в восторг и полностью нас поддержала, ибо, как выяснилось позже, у неё на этот памятник были свои планы.

Чтобы народ раньше времени не обрадовался, стройплощадку окружили высоким забором из досок и брезента, и работа закипела. Пока взвод местной революционной гвардии с пригнанными (ой, то есть - с приданными добровольцами) рыл котлован и подвозил цемент, песок и щебенку, специальное КБ имени Циалковского и Розы Люксембург (хохма Акима, естественно) в составе Тарасюка, Дитмара, Аркани и примкнувшего к ним Таракана из двух колес от трактора Fordson Major (типа нашей Белоруси), старых рельс, кресла начальника станции, прожектора и еще кучи хлама сооружали – творили чудо техники под названием "Огненный Мотоцикл революции", Дитмар, отчетливый аккуратист и педант, как и все немецкие механики, настаивал на соблюдении всех внешних мелочей и даже вставил в дивайс нерабочий мотор от разбитой легковушки.

Короче, все устаканилось к всеобщему удовольствию ... Спецгруз, естественно, упокоился на дне котлована, митинг был радостным и шумным, тем более, когда с памятника упало покрывало, в кресле мотоцикла обнаружилась сеньора Хулио с РПД наизготовку и без определенных частей верхней одежды.

Вскоре, согласно приказу, мы покинули город. Что было с спецгрузом дальше я не знаю, но чудо-мотоцикл сперли на третью ночь.

В наше время некий германский умелец скомстролил супермотоцикл с движком от танка Т-55. Вот, думаю, не сын ли это Дитмара?

Тысяча алюминиевых мисок, как элемент военного коварства

(Фантазия на тему Африканских снов XXXI)

Народ старался в эти минуты, за версту обходить площадку перед штабной палаткой. Там Барон орал на Тарасюка и никто не хотел попасться ему под горячую руку. Дело было в том, что старшину послали с грузовиком и пятью местными молодогвардейцами купить провизию, а вернулся Тарасюк на трех грузовиках, а сзади колонны двигался обшарпанный школьный автобус откуда доносился гимн Армии спасения.

То есть, еще два грузовика он скомбинировал в процессе закупки провизии, прямо вместе с водителями и грузом, причем, груз был более чем разнообразным...

Помимо нескольких дюжин взводных палаток с символикой Ромми и сотни ящиков французских сигналок, вещей, в принципе, в хозяйстве полезных, там присутствовали трехдюймовые трубы, кипы пододеяльников и аж тысяча алюминиевых мисок, а водители считались теперь как бы собственностью Тарасюка (Аким называл теперь старшину не иначе, как капитан Негоро, торговец живым товаром).

Но, что вызвало у командира особое возмущение, это то, что колонну замыкал бродячий автобус с оркестром Армии Спасения. Ну, конечно это не Корпус Мира, а вполне безобидная организация, и они вроде сами пристроились, но вот нафига они нам, тем более в свете изменившейся ситуации...

А начиналось все как обычно... Мы доставили и сдали груз, и уже собирались отбыть к месту постоянной дислокации, как от командования пришел приказ, прибыть в такой-то близрасположенный квадрат, принять командование находящимися там подразделениями и ждать дальнейших указаний. И была маленькая приписочка, что, мол, до этих самых особых указаний по возможности в бой не вступать. В переводе на штатскую мову это означало, что потенциальный и даже не очень противник, мог на нас напасть в любой момент. Ожидающие нас на месте подразделения представляли из себя три танка союзников, что весьма грело и отряд революционных Молодогвардейцев под командованием выпускника института имени Патриса Лумумбы, что не грело совсем, ибо средний возраст бойцов его отряда составлял от силы лет пятнадцать. Нет, конечно, для Африки это был нормальный солдатский возраст, но для нас это всеравно были дети.

А после поступления особых указаний задание нарисовалось в следующем

аспекте...

В приграничной области, соседнего государства, народилась социалистическая республика, которой наши дали за это много КЦ, малиновых штанов и автоматов Калашникова. На днях должна была состояться инаугурация главы новой республики и враги Мира и Социализма, естественно злобствовали, бряцали оружием и пытались не допустить. И в находящемся недалеко от нас местечке, ошивалась весьма подозрительная компания из трех сотен половозрелых белоногих диких гусей в камуфляже и было мнение, что они хотят помешать торжеству социализма на сопредельной территории. Официально они считались сотрудниками частной охранной фирмы, но было понятно, что они получают вторую зарплату в Ленгли или Пентагоне. Авиацию применять было политически неправильно, зато хоть помогли ребята с поста РЭБ и оставили супостатов без какой либо радиосвязи. А мы как всегда оказались не в то время и уж вовсе не в том месте. И приказ отданный нам был четок и не имел двойных толкований - локализовать подразделение противника в данном населенном пункте, на 72 часа, и с гаденькой оговорочкой, мол, с минимальными боеконтактами. Оговорочке мы были, конечно, рады, тем более что танки имели по три снаряда на коробочку и мало соляры. С горячкой Тарасюк конечно вопрос решил, но стопятнадцатимиллиметровые снаряды для "шестидесяти двоек", тут были в дефиците. Тут еще нарисовался пикап с пятью польскими советниками, возвращавшимися из другого сопредельного государства, где в их услугах по политическим мотивам резко перестали нуждаться. Мы им обрисовали текущий момент и поляки быстро переговорив между собой, достали из вещмешков красные береты с орлами, лихо их заломили и, отсалютовав двумя пальцами, доложили что поступают в распоряжение гражданина майора, ибо считают своим долгом помочь союзникам (Блин... тогда у нас были союзники, а ни как сейчас). Чем-то мне эти ребята напомнили польских жолнежей, которые в 1945 году вместе с Красной армией штурмовали Берлин, не бывает все-таки плохих наций, а бывают только плохие национальные политики.

Местный ландшафт выполнению задания весьма способствовал. Объект локализации и блокирования, находился в небольшой котловине, въезд в оную был через мост над глубокой лощиной, по дну которой хило поблескивала речушка с нецензурным для русского слуха названием. Первым делом Тарасюк с Сандро этот мост и грохнули. На выезде же, мы поставили один из танков, пару демонстративных пулеметных точек и три десятка местных пионеров с "калашами" и муляжами гранатометов типа Карл-Густав (выполненными из тех самых труб выменянных Тарасюком), там же тусовались польские товарищи.

Два танка мотались взад-вперед по периметру котловины, причем, на их бортах слева и справа были нарисованы разные номера, которые еще и периодически обновлялись, (так что потенциальный противник понятия не имел сколько у нас на самом деле танков). Остальные дружественные маугли, то тут, то там мелькая на окрестных холмах, изображали плотное

окружение, а когда из городка вышла колонна грузовиков, то по её курсу была выпущена красная ракета и взорван управляемый фугас, и колонна сразу же осознала и попятилась в город (знали бы они, что это была почти последняя наша взрывчатка).

К ночи местные пионеры-герои стали спорадически лупить в небо трассерами и сигнальными ракетами (опять же из запасов Тарасюка). И с огромным удовольствием дети черного континента выли и вопили на все голоса, изображая то ли каннибальскую свадьбу, то ли стаи диких животных неизвестных науке. А Тарасюк получил особое задание и куда-то таинственно исчез... Противник, конечно, тоже был явно не с хлопковых полей и ночью послал две разведгруппы, одну из которых зачистили польские товарищи, ну, а со второй разобрались мы.

А с рассветом наблюдатели противника увидели на пределе зоны видимости, палаточный городок из сотни взводных палаток, среди которых что-то явно происходило.

После чего в нашу сторону целеустремленно направился ровер с белым флагом.

На переговоры отправились Барон, Таракан и Аким, поляков попросили стоять на ближнем заднем в плане и демонстрировать дружелюбие улыбками и щелканьем затворов. К полякам естественно, примазалась камарада Крупская (нет, на самом деле её звали Бианда, но у местных близких к социализму камарадос, была мода брать в качестве псевдонимов имена вождей и теоретиков и, узнав у Акима как звали любимую жену главного советико вождя, Бианда с радостью стала Крупской, в коем качестве посмотрела глазами любви на командира поляков поручника Вацлава и от него уже не отходила.)

В прибывшем ровере, помимо водителя находился тип с холодно-равнодушным лицом профессионального наемника и суетливый очкательный человек, назвавшийся представителем охранной фирмы. Нам был задан только один вопрос, а почему мы не выпускаем из города таких мирных и пушистых наемников? Барон и Таракан выразили на подобные обвинения, насквозь фальшивое изумление, а Аким демонстративно возмутился. Таракан, сделав трагическое лицо, рассказал полную драматизма историю о том, что именно мы, бедные наблюдатели пали жертвой местных нравов и только наш почетный статус спасает нас и пригретый нами оркестр Армии спасения, от жестокой расправы, именно той, что ожидает отряд наемников находящийся в городке. А к тысяче вооруженных инсургентов и их страшным советникам в красных беретах мы не имеем никакого отношения, а наши танки просто охраняют мирное население.

Парламентеры покосились на поляков, которые в ответ радостно оскалились и защелкали предохранителями автоматов. А Бианда-Крупская (в её униформу, можно было бы поместить трех мадам Грицацуевых) посмотрела на парламентеров и плотоядно облизнулась.

Очкательный начальник побледнел и спросил, а почему расправа грозит

именно его людям и тут Таракан блестяще обрисовал мотивацию внешней агрессии. По его словам, по дороге в это местечко, одна из машин наемников задавила любимую собаку одного из местных племенных лидеров, чем нарушила целый ряд местных табу, а племя это расправлялось с нарушителями табу весьма строго, применяя к ним пытки, перемежаемые насильственной однополой любовью переходящей в каннибализм. Тут не выдержал Аким и стал расписывать пытки, производимые с помощью длинных тонких щепочек (Таракан любезно показал, разведя ладони, длину этих щепочек, а Крупская активно закивала при этом всеми телесами). После этих перечислений очкатенький начальник стал икать. А Барон, перестав меряться взглядами с угрюмым наемником, (который таки первым отвел взгляд), пояснил, что наблюдаемая господами тысяча гранатометчиков, это только начало, и сегодня подойдут первые племенные отряды для участия в штурме, вон для них уже лагерь готов, это знаменитые "Белые тапы", а остальные мстители концентрически подтягиваются сюда же, типа чтобы никто не ушел. Но мы люди гуманные и - можем этот отряд наемников интернировать и тем спасти, как уже спасли оркестр Армии спасения, так как подобная резня нам тут не нужна, ибо может нарушить и без того хрупкое равновесие. А Аким добавил, что эти самые тапы носят серебряные каски и в бою звери. При слове серебряные каски Барон начал что-то подозревать и не зря... но тут вдалеке замаячили плоды спецзадания Тарасюка. В сторону палаточного лагеря бодро перли нестройные ротные колонны, в каких то странных белых пончо и сверкающих касках, типа старых Британских. Пан Вацлав, командир поляков направил на подходящие войска бинокль и согнулся в приступе неудержимого хохота. На головах у храбрых ополченцев были миски из запасов Тарасюка!

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ, ИЛИ СПЕЦЗАДАНИЕ ТАРАСЮКА

Тарасюк получил следующее задание... Договориться в окрестных селах, чтобы в назначенный час, к палаточному городку промаршировало несколько сот человек в подобии униформы и с чем либо изображающем оружие, за что поощрить их мисками и прочим ненужным нам грузом с грузовиков. По униформе сразу пришли на ум пододеяльники, отсюда и взялось название "Белые тапы", ну, а коварный Аким посоветовал старшине добавить к униформе миски, в качестве касок. Ну а оружие у местных оказалось свое, и отнюдь не муляжи.

Короче, ближе к обеду из городка в сторону нашего блокпоста потянулась колонна безоружных наемников, чуть позже оттуда же выехали грузовики с их оружием и сразу же были взяты под охрану. На невысоком холме оркестр Армии спасения наярывал всевозможные марши, а по дороге гордые мальчишки со слишком большими для своих субтильных фигурок калашами, сверкая белозубыми улыбками, конвоировали интернированных белоногих. Тут как раз оркестр заиграл один из наиболее торжественных

патриотических маршей потенциального противника, а Аким, внезапно выматерившись, сказал:

- Послушай командир, ну что это за люди такие. Играют практически их гимн, а они идут руки за голову, как ни в чем не бывало. Вот представь, взяли бы нас в плен. Нет, я понимаю, что это практически невозможно, но ведь на войне всякое бывает. Траванули бы нас, скажем, каким-нибудь газом, а потом повязали. И представь, командир, ведут вот нас, так же как их и тут оркестр вдарит, скажем, Интернационал. Так мы бы конвой зубами порвали, а эти..."

И потеряно махнув рукой, закурил. А оркестр сменил пластинку и заиграл гимн Армии спасения...

*Мы поднимем и гордо и смело
Знамя нашей великой борьбы.
Призовет оно сильных и смелых
В поредевшие наши ряды.
За великое дело служенья
Жизнь свою мы готовы отдать.
В Армию добровольцев спасенья
Вы скорее спешите вступать.*

Инаугурация прошла успешно, а через пару дней шведский патруль из ООН принял у нас и оркестр и наемников. Так и закончилась эта эпопея.

Р.С. Тарасюк не был наказан, хотя после представления с "мисочниками", из окрестных деревень в наше расположение пригнали стадо парнокопытных консервов, которых, как выяснилось, он включил в сделку, как бонус от клиентов.

Р.Р.С. Правительство молодой республики было свергнуто через три месяца, при помощи тех самых "интернированных".

Р.Р.Р.С. На русский слух речушка называлась Пи*дюянка.

Двадцать пулеметов в свете пролетарской солидарности (Фантазия на тему Африканских снов XXXII)

Нам необходимо было сопроводить местного делегата в Европу на съезд рабоче-крестьянских партий (ну, в смысле, не до самой Европы, но до аэродрома), но пришлось ждать определяющего решения одного из отделов нашего Ленинского ЦК, уточняющего, насколько данная партия, действительно, является крестьянской и рабочей, так как в тех местах за

данное определение боролось еще несколько партий, жаждущих Советской халявы.

Мы находились на базе одного дружественного движения, которое официально, будучи истинными борцами за социализм, собиралось захватить последний оплот чуждых этому святому для любого африканца делу темных сил. Оплот, по обыкновению, находился в доме бывшего колониального губернатора, что характерно, в этом же городе, который после обрушения колониальной системы был поделен на сектора победившими революционными формированиями. Разведка, вернувшаяся с рекогносцировки, доложила, что часовые, стоящие у ворот, вооружены пулеметами. И стала описывать нечто, с магазином сверху и со сложенными под стволом сошками. То есть, получается, что охрана изменника делу пролетарской революции была вооружена старыми добрыми пулеметами Брена. В принципе, в Африке кишело оружие всех времен и народов, но в этой местности столько Бренов было как-то не в кассу.

Брен пулемет, кстати, неплохой, только магазин маловат, и, между прочим, вовсе не аглицкий, как все думают. Пулеметик этот разработали чехи, и гордые британцы, дабы не изобретать велосипед, купили у чехов патент ZB-26 - ZGB-34 Брно, запустили производство на своем заводе Энфильд и гениально скомпоновали аббревиатуру из Брно (Brno) и Энфилда (Enfield), и получился-таки Британский BREN.

Но, тем не менее, нас насторожило такое количество однотипного оружия (часовых, по словам разведки, было три раза по пять пальцев на одной руке) и мы решили, так как делать все равно было нечего, помочь братьям по классу. Тем более, что местный команданте хотел провести героический штурм в лоб, и его гвардейцев было просто жалко.

В этом разделенном пополам городке по традициям местных гражданских войн были определенные объекты экстерриториальности, как то: пара машин медицинской помощи (слово скорая тут не катило), почтовый фургончик (все знали, что он не возит ничего ценного, а почта какая никакая, но была нужна всем) и, естественно, пейзане, возящие провиант на рынок и рыночки. Для своей разведки мы решили воспользоваться почтовым фургончиком (скорой помощью мы не стали пользоваться по моральным причинам, в конце концов, мы не Будапештские мятежники), а водитель почтарика был классово близкий камарадо и, вдобавок, обожал халявные кубинские сигары, которых благодаря Тарасюку, у нас был полный примус.

Итак, Таракан с Птицей убыли на рекогносцировку, откуда вернулись, веселясь доупаду. "Пулеметами" в руках охранников оказались родные

СКСы, просто часовые почему-то воткнули обоймы сверху, но не продавили вниз, как положено. Вот и получился абрис Бренов. А предыдущие разведчики по молодости приняли откидной штык за откидные же сошки. Но это все, как говорится, лирика, ибо надо было разрабатывать операцию.

Мы тоже не стали изобретать бицикл и предложили прием, испытанный еще Одиссеем под Троей. Для него нам понадобилось десятка четыре голов чего-нибудь парнокопытного типа Зебу. Команданте, которому очень понравилась эта разработка, даже выделил Тарасюку деньги на закупку скота, почему Тарасюку спросите вы? А потому, что у Тарасюка, естественно, уже были информационные наработки по местным торговым инфраструктурам, и когда местный провиантмейстер назвал сумму, требуемую ему для закупок, наш старшина назвал цену на 30% ниже (думаю, еще тридцать он наварил в процессе закупок). Короче, скотина была доставлена, правда, Аким сразу же стал распространять слухи, что это не Зебу, а дикие ослы, которым коварный Тарасюк приделал рога и горбы.

Андрей жутко обиделся, и только субординация мешала ему по достоинству ответить обидчику. Барон взял верного старшину под защиту и пообещал кое-кому обломать рога и проткнуть ими слишком длинный язык. Обрадованный поддержкой командира Тарасюк проворчал: "Коли у чоловіка мова, як у жінки, то йому и за рогами далеко ходити не треба".

А утром закрутилась операция "Троянская война". Два стада Зебу с многочисленными погонщиками сошлись на встречных курсах, прямо у ворот губернаторского дворца. Никто не хотел уступать дорогу, и разгорелся не шуточный скандал, переходящий в потасовку, в которую вмешались часовые, так и не вставившие обоймы в карабины, потом набежала охрана из дворца, а потом на задах правительственного комплекса началась стрельба, а погонщики преобразились в штурмующие войска и локализовали (в упор) наймитов империализма. Выстрелы с тыла были, естественно, нашей работой, и силы социализма опять победили. Аким с Тарасюком помирились и на радостях наложили лапу на два десятка СКСов, а так как мы еще не уезжали, затеяли легкую переделку этих устаревших дивайсов. С помощью смекалки и напильников, они что надо и где надо подточив, сделали СКСы полностью автоматическими. То есть, всю десятипатронную обойму можно было выпускать разом одной очередью. Чуть сложнее было наладить фиксацию штыков под углом 90 градусов, но и это не стало большой проблемой.

Тарасюк по быстрому обменял карабины, ставшие легкими пулеметами, на два тяжелых грузовика, с турельными люками в крышах кабин, что очень способствовало передвижению по местным дорогам, где складывалась весьма непростая ситуация. Так что, к нашему роверу присоединились трофейные грузовики в купе с пикапом местного товарища, и очередной небольшой анабазис начался.

А теперь на счет ситуации на дорогах... Самое хреновое, что место и время для путешествия было выбрано не самое лучшее. В этом месяце наши союзники решили пощупать соседей, где в который раз возросли сепаратистки-центробежные веяния в несчастной Катанге. Сепаратисты тоже вроде считались теперь нашими союзниками (хотя не все из них это знали), но и у центрального правительства появились друзья, типа Марокканских гвардейцев, Иностранного легиона и американских "гражданских добровольцев". Из-за этого до пригодного для нашей миссии аэродрома нужно было пилить сотни лье и, хотя путь наш лежал севернее основной зоны военных действий, северные пушные зверьки, там явно водились.

Наш "спецгруз" попросил заехать по пути в одно место, где его ждал небольшой отряд соратников и была нычка, которая может весьма пригодиться в пути. Тарасюк при слове нычка пришел в дикое возбуждение, переросшее в восторг, после того как командир благосклонно согласился заехать на "Тропическую заимку" (курсив Акима).

Дорога была практически мирная (всего пара перестрелок с непонятными вооруженными личностями и одна превентивная акция, против подозрительно дикого животного с копытами и вкусным мясом), но когда мы практически выехали из отрогов гор Мутумба и по кустистой пересеченке взяли курс на реку Кассаи, недалеко послышались выстрелы танковых орудий. Танков было, явно, два и один из них, безусловно, был "тридцатьчетверкой", гарканья её пушки не узнать было невозможно. На "Тропической заимке" нас встретила пара дюжин серьезно экипированных типов, у всех были уоки-токи и винтовки FN FAL, частично со снайперскими прицелами. И еще там стояла заглохшая "тридцать четверка" 44/85 с полным БК, это была вторая, первая только что вела бой, который, судя по наступившей тишине, закончился.

Рекогносцировка показала не радостную картину... Два горящих броневика противника, наш дымящийся Т-34 и целый и невредимый вражеский М-48, помимо этого штук десять пехотинцев, явно марокканцев, и пара белых советников. Местность представляла из себя небольшое холмистое плато, заросшее высоким кустарником, а весь этот бронетанковый натюрморт стоял в аккурат в районе дальнего выезда с

плато. Надо было прорываться и прорываться срочно, так как это, наверняка, была разведка и, вполне возможно, она уже сообщила о боестолкновении основным силам.

БК нашего танка был не совсем штатный, то есть - 50 осколочно-фугасных О-365 и 5 бронебойных трассеров БР-367. А у М-48 броня, увы, присутствует и не самая плохая, только морда у него аж 110 - 148 миллиметров, значит, надо бить в борт или, еще лучше, в корму, а бронебойных, хоть и хороших, всего пять штук, значит, вражину сначала желательно обездвигить, вот этим и займемся. В данном случае Паттон был обшарпанный, без "кварца" и пулеметной башенки, но пушку и броню это, увы, не отменяло.

В нычке нашелся старый советский ротный 50-мм миномет, Аким на артиллерийском матерном доложил, что мины к нему немецкие, а доп заряды французские, то есть - процесс стрельбы будет более чем двусмысленен, но деваться было некуда.

Еще в этой же нычке, помимо танков, миномета и спецназа с крутым названием "Дети Катангских жандармов", нашлось еще под дюжину экземпляров кроков этой местности, так что было создано три группы наблюдения в составе: снайпер, помощник и радист, которые были украшены ветками местных кустарников, жестко проинструктированы и отправлены на вершины соответствующих холмов.

А тем временем Барон, Арканя, Тарасюк и Таракан, наконец, завели танк. "Тридцатьчетверка" не смогла присоединиться к своему систер-тэнку по той причине, что местный экипаж не смог её завести, но вопрос решился просто: надо было просто открыть нужный крантик. Машина была чуток "модернизирована", было снято и заварено гнездо курсового пулемета, а в башне стоял М-60 без мушки и электроспуска, но пушка была нашей родной нормальной - 85-мм Д-5Т. Мы проверили все системы, сгрузили часть снарядов и стали выдвигаться на огневую позицию.

По радиосигналу Аким стал садить из миномета по порядкам противника. Пехота стала бестолково метаться, а оба белых советника шустро покинули зону обстрела, причем, побежали в разные стороны, что говорило о выучке и определенном опыте, но нисколько не помешало снайперам. А наша "тридцатьчетверка", следуя подсказкам по радиации, выползла из-за холма в зону видимости цели, аж на прямой выстрел и со второго снаряда вроде задела вражине звездочку, а с третьего и вовсе её разбила. Арканя перезаряжал пушку, превосходя все мыслимые нормативы, и противник нам помог тем, что в то время, когда башнеры пытались повернуть в нашу сторону пушку, механик тронул их танк с места и он, естественно, повернулся на одной гусенице и, о, радость, к нам

бортом. Так что мы не стали уползать за холм, а открыли огонь на поражение. Бронебойный вошел под башню, как на учениях, потом мы добавили, для порядка, еще двумя в башню и в корпус и, что характерно, попали. Паттон немного почадил, но гореть передумал, в башне было обнаружено только два тела, механик-водитель ранее пытался сделать ноги, но ему не свезло из-за снайперки.

Нет, "тридцатьчетверка", конечно, до появления Пантеры была лучшим в мире средним танком, но по приборам наблюдения сильно уступала немецким коробочкам. Но на ближних дистанциях прицел был годный. Да и учили нас все-таки неплохо. Как говорил наш ротный: «В человеке все должно быть прекрасно, особенно подворотничок, строевой шаг и владение штатной техникой».

На поле боя стал экстренно наводиться порядок. Часть убитых врагов заставили постфактум изображать погибший экипаж нашей "тридцатьчетверки", Тарасюк, который как лучший взрывник в нашей команде, от души заминировал танк (куда пришлось по новой загружать часть выгруженного БК), а потом стал руководить приданным ему контингентом. Один раз Андрей применил приклад, тогда когда объяснял своим помощникам, что у убитых врагов, по крайней мере, у белых, на руке обязательно должны быть часы. Потом он пояснил ребятам, что для мины-ловушки главное хорошая приманка, (та ці марокканці люблять блискучі штучки, як сороканачищений мідний п'ятак).

Уже вечерело, и наш конвой тронулся дальше, африканская ночь наступает внезапно и мы не затягивая нашли для своего ночлега весьма удобную высотку с чем-то типа кратера на верхушке, куда вёл, вдобавок, естественный пандус. Едва мы загнали наверх технику, как обрушилась ночь, на небе вспыхнули огромные звезды, и тут на горизонте, в стороне гор Мутумба, полыхнула зарница. "Тридцатьчетверка" дала свой последний бой.

Кстати, название этой операции, спущенное нам с самого верха, было почти в тему - "Пролетарская солидарность".

Золотая лихорадка в стиле Стимпанк (Фантазия на тему Африканских снов XXXIII)

Мы сидели на лужайке под сенью тропических деревьев и любовались панорамой аэродрома Арба-Минче. Мы ждали самолет в столицу, откуда, по идее, должны были, наконец, вернуться в ностальгическую землю – «землю пива по 22 копейки, соленых сушек, рыбных четвергов и седых стен, обрамленных ёлками» (ни за что не догадаетесь, о какой Земле я

говору). А над аэродромом и возле нарастала какая-то суета. В воздухе пару раз пролетела пара "Балалаек"* с полными подвесками, прикатила дюжина грузовиков с гвардейцами, которые стали делать оцепление и шугать посторонних, к нам один раз сунулся было патруль, но Барон с сопровождающим местным тайным ликтором, так рявкнули на не в меру шепутных альгвазилов, что больше нас никто не беспокоил.

Судя по всему, ждали какую-то большую шишку или важный груз, и вот, наконец, дождались. Ревя тремя из четырех двигателей, чернея закопченным крылом, на взлетную полосу тяжело плюхнулся "Фантомас"*, но, вроде, удачно: и шасси выдержало, и не загорелось ничего. В бинокль было видно, что на его боках помимо штатных отверстий были и не штатные, короче, ребята во время полета явно не скучали. Тем временем к самолету, завывая, подкатила Скорая помощь, и туда выгрузили стрелка из кормовой турели. Судя по мату, слышному даже нам, мужик был жив.

Знали бы мы, что эта катавасия имеет непосредственное отношение к нам, настроение испортилось бы чуть раньше, нежели, когда к нам подъехал Уазик с гонцом. Гонец торжественно вручил командиру радиограмму, подождал, когда он её прочитает и, получив подпись о прочтении, забрал цедулю назад.

По сразу "подобревшему" лицу Барона стало ясно, - у нас новое задание и, судя по подъехавшим двум Кразам со спецназом союзников, задание это еще то... Правда, позже выяснилось, что мы должны были оказать союзникам встречную услугу: вывезти из предпоследней точки маршрута в последнюю какой-то там их склад военного имущества. Это привело Тарасюка в абсолютно благостное настроение. Ведь Скла-а-а-ад!

Приказ предписывал принять под охрану груз в количестве двух единиц при одном сопровождающем и доставить в известный, но не поименованный населенный пункт. В вопросах сохранности груза и ограничению доступа к нему, инструкции сопровождающего имеют силу приказа. Как сказал Аким: "Картина Репина «А бурлаки-то и не ждали!»". Нет, конечно, что у груза есть свой сопровождающий, это снимает с нас часть неприятной для сидения на жесткой поверхности сидения немочи, но, с другой стороны, чужой в команде - это тоже проблема.

Сопровождающим был серьезный товарищ, который ни на шаг не отходил от двух длинных зеленых ящиков, которые пришлось тащить нам.

Он уточнил, кто будет непосредственно охранять груз, и удовлетворенный видом Аркани и Акима, но подозрительно покосившись на буквально стлавшегося кругом таких гарных ящиков старшины Тарасюка, отвел меня в сторону и обрадовал как минимум пару раз. Первой "радостью" был адрес назначения, пилить туда было через половину континента, ну, а второй радостью был врученный мне шестигранный ключ, который, в случае опасности потери груза, надо было вставить в соответствующую дырку на ящиках и повернуть до щелчка. Задержка, как сказал наш новый друг, составляла семь минут, но что-то верилось мне в такую халяву с трудом.

А тем временем приземлился Fokker F-27-500 Friendship* и мы с товарищем Семеном (так представился сопровождающий), грузом, нашей командой и спецназовцами, с трудом, но разместились в самолете. Фоккер взвыл роллс-ройсовскими турбинами, с натугой взлетел и взял нужный курс.

Как мы летели, это не интересно, долго и скучно. Единственно скажу, что всю дорогу нас передавали из крыла в крыло дружественные МИГи. В те годы самолеты Советского производства, четко держали больше половины Африканского неба, ну, а кто и когда сидел за штурвалами, это опустим. (Нет, ну местные летчики тоже бывали).

Итак, сделав две промежуточные посадки, мы приземлились в предпоследнем пункте нашего маршрута, отсюда, согласно приказу, надо было двигаться по земле. Мы стали определяться с маршрутом и транспортом, а Тарасюка отпустили пошнырять для пользы Мировой революции (курсив Акима).

Проехать нам оставалось километров триста, и было два пути... По автотрассе, либо по полузаброшенной железке. Посоветовавшись, мы выбрали железку, ибо подходящего автотранспорта в этом городке не было, так как рядом шли бои, и все, что было тут на колесах, и не принадлежало местной комендатуре, уже на всякий случай сделало ноги. А вот ЖД подвижной состав имел место быть.

Таракан, взяв с собой десяток спецназовцев, быстренько надыбал паровоз, четыре железных полувагона с прорезанными в стенках окнами, три платформы и бригаду алжирских железнодорожников, с ремонтной дрезиной, задержанных местными властями, как бельгийские шпионы.

Алжирцы, взамен за освобождение и проезд на нашем эшелоне, взяли на себя управление тягой и ремонт возможных разрушений пути на маршруте.

Тарасюк, получил приказ найти рельсы и шпалы, и получил под это задание два ящика пулеметных патронов и три коробки сгущенки, (с того самого склада союзников, с начальником которого он сразу нашел общий язык). Так вот, старшина все это нашел и даже притащил в придачу две огромных клетки с квохчущими пленными курами, полученными им в виде бонуса. Короче, кругом один блат и гешефты.

Под конец Барон приказал, на всякий случай (а случай, как известно, бывает всякий), блиндировать полувагон, в котором мы повезем спецгруз, мешками с песком, на что был, опять же, кинут Тарасюк.

Это только так кажется, что в Африке песок не проблема везде. Там, где мы были, его пришлось поискать, но Тарасюк был как всегда на высоте. Он нашел не далеко от грузовой станции, где стоял наш эшелон, непонятную территорию с горами песчаного грунта, охраняемую несколькими пожилыми охранниками, которые понятия не имели, зачем это надо охранять, но плата поступала исправно, и они бдели и, так сказать, блюли.

Тарасюк быстро нашел с охраной общий язык, договор включил в себя даже бесплатные мешки за счет поставщика, охранники позвали всех своих многочисленных родственников, и работа закипела. В результате вагон был блиндирован мешками с песком, аж до верхнего уровня окон (окна, естественно, закладывать не стали), в окна всех вагонов выставили "Горюновых"* также бывших на складе. На платформы поставили три БТРа бывших в заначке у тех же складских, обложив их рельсами и шпалами, и после этого со спокойной душой скомпоновали в походный порядок паровозы и платформы, и без гудков и прощаний тронулись в поход.

А на тендере паровоза залихватски блестела надпись "Голубая стрела". Аким вспомнил любимую сказку детства и проявил ассоциативность. Его спасло от наказания только то, что надпись он сделал по-английски. Мы жили в еще не испорченное время, поэтому ассоциаций, типа «Голубой устрицы», не было ни у кого).

Железнодорожное путешествие всегда связано с чревоугодием, особенно у наших людей. Благодаря Тарасюку с вареными курами у нас было все в порядке, да и компаньерос презентовали пайковый ром, и командир разрешил в процессе обеда выдать "наркомовские". Спецгруз надежно лежал посередине вагона и был обложен мешками с песком, лишь только сверху был открыт доступ к шестигранным отверстиям механизма самоуничтожения. Железка была почти в порядке, пути ремонтировали только два раза, правда, потом, на всякий случай, рельсы снимали назад и снова складывали на платформу. Через сотню километров, в удобном месте (тут полотно железной дороги несколько господствовало над местностью), на заброшенном разъезде, где были целыми стрелки, мы решили сделать технический привал, перешедший в ночлег, потому что ремонтники увлеклись с приведением в порядок своего железа. Ночь прошла на удивление спокойно, а утром на нас напали, вернее, попытались напасть.

Спереди у нас была дрезина с четырьмя пулеметами, установленными за брустверами из рельсов и БТР на платформе, в центре эшелона и сзади еще пара БТРов, и из всех вагонных окон торчали ребристые стволы пулемётов. Так что, первая атака была легко отбита, так же как и вторая, но противника, тем не менее, становилось все больше. А потом нападающие выслали к нам парламентаря...

На переговоры пошли Барон, Таракан и Арканя, а Барон, как только вернулся с оных, достал обе своих Беретты и тихо спросил: "Где Тарасюк?" ... И все поняли, что старшина доигрался.

Напали на нас, как выяснилось, "Старатели". Так назывался сколоченный коллектив местных золотоискателей, поднаторевший в междоусобицах, но моментально объединявшийся против внешнего врага, которым, по вине Тарасюка, были сегодня мы. Наш деловой старшина, выменивая бросовый песок на патроны и тростниковый сахар, совершил сделку гораздо более выгодную, чем ему думалось. Песок был золотым в полном смысле этого слова, то есть - это была золотоносная руда в первой стадии переработки. Группа старателей год её накапливала в таком секрете, что даже сторожа не знали, что охраняли, и нужно это все было, дабы потом перевезти эту шихту (или как она там правильно называется) куда-то на переработку, и хотя Тарасюк взял буквально малую толику, но, как говорится, жаба весьма опытная душительница.

Хотя всё в этой ситуации было очень и очень подозрительно и, по сему, товарищ Семен и приданный ему Птица вставили в скважины оба ключа и были наготове, а пулеметчики в вагонах и БТРах были наготове еще более.

Вступать в бой с тремя сотнями ушлых и хорошо вооруженных мужиков было недопустимо, нет, мы их, конечно же, разбили бы, но фактор времени поджимал, и плюс они могли по злобе уничтожить пару километров путей и попросту нас тут заблокировать. И, самое главное, они притащили с собой Flak.30 *, и хотя они его ещё не применили, это тоже осложняло ситуацию. Тарасюк чуть не на коленях просил взять его на второй тур переговоров, где клялся исправить ситуацию и командир внял, проведя, правда, пару раз воспитательную работу.

Короче, через час от нашего вагона вдаль за холмы потянулась цепочка старателей с мешками, а в десяти метрах от поезда, где кончалась запретная зона, старшина Тарасюк и завхоз старателей, с грустными и умными глазами старого еврея-бухгалтера, тщательно считали мешки. Когда количество мешков у обоих спецов совпало, договаривающиеся стороны раскланялись, весьма друг другом довольные. Глава старателей заверил Барона, что они не держат зла и не имеют претензий, так как все это оказалось недоразумением, и покосился на многочисленные пулеметные стволы, пасущие сектора.

Когда наш эшелон тронулся в путь, на платформе дрезины стояла зенитка старателей. Тарасюк забрал её у них в счет мешков. Он это аргументировал тем, что хоть песок старателей, но мешки-то Тарасюка!

А по приезде в заданный пункт и сдачи груза, Тарасюк махнул пустые мешки на два Ровера.

Глоссарий

Балалайка - жаргонное прозвище Советского истребителя МИГ-21 за его форму.

Фантомас - жаргонное прозвище Советского военно-транспортного самолета Ан-12, за морду-лица.

Fokker F-27-500 Friendship - Голландский транспортный самолет.

Горюнов - Советский пулемёт Горюнова.

Flak.30 - Немецкая автоматическая зенитная пушка.

Танки и верблюды Магриба (Фантазия на тему Африканских снов XXXIV)

Мы прибыли в Геспериды, благополучно сдали груз и уже стали готовиться к отбытию в родные воды, как все вдруг кругом забегали и, судя потому, что, чем крупнее чин, тем более квадратными у него были глаза, стало ясно - прибывает большое начальство. И начальство прибыло, это был сам местный команданте полковник Бен Хамид, семь лет назад он пришел здесь к власти, но в чине себя так и не повысил. Полковник осмотрел образцы привезенной нами сельхозтехники широкого назначения, поинтересовался калибрами и дальностью стрельбы, а потом, обойдя наш куцый строй, пожал всем руки и роздал с принесенного гарной дивчиной в червонном берете подноса симпатичные медальки, испещренные саблями и арабской вязью. (Гарной её назвал Тарасюк. Старшину убил то, что медаль, висевшая у дивчины на кителе, лежала буквально в горизонтальной плоскости).

А полковник этот, кстати, был, весьма, интересный и не простой товарищ. Мне понравились его глаза: спокойные, умные. Было ощущение, что на тебя смотрит Сахара всей своей мудростью веков.

А потом за нас принялось родное командование в лице большого чина, облеченного еще более большими полномочиями. Нас быстро сунули в самолет, а по дороге провели инструктаж...

Сообщение гласило, что в известном, но не поименованном месте, находится дружественное бронетанковое подразделение с полным БК и обученными экипажами, но без капли горючки. Танки находились на одной из через-сопредельных территорий и три конвоя с наливниками до той точки не дошли. Чтобы "коробочки" могли пойти в бой, нужно было хотя бы тонн десять соляры. Пока суд да дело, мы приземлились в западной части Феццана, оттуда надо было пройти через дружественную республику Аль-Джазаир, что было без проблем (особенно на самолете, который был выделен в полное наше распоряжение с золотой пайцзой на заправку и обслугу на всех дружественных аэродромах данного региона), но вот дальше шла республика Сонгай, где тока-тока произошел свежий переворот и именно на её территории бесследно исчезали конвои наливников. Нашей целью был городок в нейтральной зоне между Сонгай и Вольтой, и, как вы понимаете, кроме как через Сонгай, туда было не

проехать, но, увы, именно через неё шел утвержденный маршрут, короче, воняло от этой истории весьма и весьма.

Наш самолет благополучно приземлился в Джанете, представитель командования выдал нам солидную сумму в инвалюте на закупку соляры, кучу доп ЦУ и хотел уже раствориться в эфире, но Барон поймал его за рукав и вытребовал письменное разрешение на право варьирования маршрута в целях лучшего выполнения задания.

Мы приступили к разработке операции и знакомству с местными реалиями, и тут очень кстати подвернулся аменокаль* племени Кель Аир Ахархеллен, друг Аркани, учившийся с его сестрой в институте имени Патриса Лумумбы, мы с ним как-то уже пересекались к обоюдному удовольствию.

Ахархеллен был в Джанетте по делам племени, тут у них было нечто вроде туарегского парламента, и летел в Теру в Нигере, где была сейчас туарегская верблюжья ярмарка. На наши осторожные вопросы, можно ли в Тере купить тонн десять соляры и колесный транспорт для перевозки оной, вождь туарегов изумленно спросил, мол, зачем вам эти ненадежные машины. В верблюжий химл* можно загрузить до четверти тонны груза и, если есть чем платить, (а с друзьями они возьмут не дорого), то все будет без проблем. Чем платить было, так как помимо "командировочных" у нас был сопровождающий товарищ от союзных коллег (судя по всему, весьма заинтересованных в успешном финале нашей операции) и товарищ этот имел с собой энное количество инвалюты в золотых монетах, и предназначены они были для решения наших финансовых проблем, связанных с выполнением задания.

После бурного обсуждения, решение было выбрано единственно правильное... Из Теры в Нигере, где Туареги устроили Верблюжий рынок, было рукой подать до нужного нам места, а на Туарегском верблюьем рынке можно было купить любые сопутствующие товары - от верблюжьего химла до пулемета времен Первой мировой.

Именно на рынок мы и отправились почти сразу после прилета в Теру. Сначала мы, естественно, расположились в местной резиденции нашего друга Ахархеллена, сложили там сопутствующий груз, в том числе несколько зеленых оружейных ящиков, привезенных к самолету буквально перед вылетом. Переоделись в синие накидки туарегов, замотали головы белыми "тагельмустами"* и в сопровождении выделенной нашим другом охраны пошли на верблюжий шоппинг.

Все дела вели товарищ Хамид (представитель союзников) и Тарасюк. После взаимной притирки они резко подружились: камушком, сломавшим

лед недоверия, послужил торг за некоторые товары, прикупаемые в дорогу. Хамид торговался час и сбил цену на 30%, а наш старшина за 15 минут снизил цену еще на 20%, и после торга по верблюдам, продаваемых нам "по дешёвке" аменокалем, после которого Тарасюк сбил цену в два раза всего за три часа, товарищ Хамид понял - это свой!

И вот теперь мы искали на рынке химлы и тару для соляры (солярку нам тоже продал Ахархеллен, но она у него была в цистернах). Тарасюк, естественно, развернул бурную деятельность, а учитывая, что после совместных с Хамидом закупок у старшины на руках образовалась энная сумма, и он, проанализировав рыночную конъюнктуру, сразу же запустил эти деньги в оборот. (Що залишається на пальцях чоловіка, який тримає гроші? Та сало ж!).

Сначала Андрей приобрел дюжину подержанных нагаек, потом махнул их на пять десятков разномастных хиджабов, а через какое-то время пришлось приютить старшину в одном из подсобных помещений нашего гостеприимного хозяина и выделить Тарасюку несколько верблюдов для барражирования с товаром из одного конца рынка в другой.

В результате, к тому времени, когда нас вывели на склад практически новёхоньких стандартных двадцатилитровых Wehrmachtskanister*, у Тарасюка был обменный фонд из пятнадцати "Буров"*, семи ящиков патронов, пяти самоваров и коробки бальных пуантов. Хозяин склада Роммелевских останков, пытался включить в обменный фонд старого ледащего ишака, но присутствующий там Барон тайком показал старшине кулак, и, в результате, ни одно домашнее животное этой сделкой оскорблено не было, и мы стали обладателями пятисот восьмидесяти канистр. А потом Барон показал Тарасюку, как надо торговаться на самом деле.

Вопрос с верблюдами был еще не до конца решен, окончательная цена никак не вырисовывалась, и когда сумма временно зависла на половине того, что хотел продавец, и на двух номиналах от того, что хотели заплатить мы, барон сделал предложение, от которого Ахархеллен не смог отказаться. А предложение Барона было таким... Вождь Туарегов предоставляет нам необходимое для похода количество верблюдов с погонщиками и охраной, берет на себя кормежку и водопой конвоя по всей трассе, герметично разливает солярку в канистры и ответственно укладывает оную в химлы, мы же платим ему сумму на какой остановились в торге, но, по прибытии в точку доставки, все верблюды переходят назад в собственность вождю, и за солярку мы ему ничего не должны. После непродолжительной паузы Барон добавил равнодушным голосом:

- А это прошу принять, как наш скромный подарок Великому вождю и его славным воинам.

И сделал понятный только Аркане и Акиму жест, те сдернули брезент с рядка открытых ящиков, в которых роскошно (для того, кто понимает) блестели новенькие Калашаи.

Ахархеллен, чуть не изменив своей невозмутимости кочевника, встал, подошел к ящикам, провел рукой по рядку автоматов, после чего подошел к Барону и ударил с ним по рукам. Тарасюк и Хамид смотрели на командира с благоговением.

И потом договаривающиеся стороны произнесли, конечно, все положенные по сделке фразы, которые в этой местности были крепче любой бумаги с печатью, и гораздо безопаснее было напасть на Императора Бокасу с бумажным пистолетом, нежели нарушить такое данное слово.

За четверть часа до рассвета, из туарегского караван-сарая на южной окраине Теры, вышел растянувшийся чуть ли не на полкилометра караван.

Путь наш шел по северной оконечности Сахары, но это все равно была великая Сахара. Тут как никогда понимаешь, что человек - это только песчинка, ну, а ночное небо с огромными звездами описать словами просто невозможно. Дорога была, в принципе, спокойной, ибо напасть на сотенный туарегский караван дураков не наблюдалось. Тревожили вновь испеченных кочевников только две вещи, некоторый дискомфорт от езды на дромадерах и постоянное в пустыне ожидание песчаной бури. Инструктаж от старожилков не имел двойных толкований... При резком усилении духоты и, так сказать, внезапной тишине, искать тучу на горизонте, укладывать верблюда, спрятаться за ним с подветренной стороны, замотать лицо тагельмутом и ждать, вверяя себя милости Аллаха.

Скажу сразу, задело нас краешком песчаной бури один раз, краешек был совсем выдохшийся, но мало нам не показалось. Двигался наш караван от колодца к колодцу, иногда попадались заброшенные оазисы, видимо тут была старая караванная тропа, но насколько старая - было трудно сказать, время в пустыне течет совсем не так. Иногда от каравана отделялись патрули на мехари*, но, как правило, возвращались без тревожных новостей, один раз объявили тревогу, караван остановился и быстро сформировавшийся отряд ушел вперед по курсу, мы, естественно, присоединились. Возле заброшенного оазиса с тройкой полузасохших

пальм и дюжиной белеющих развалин, строго не пересекая невидимую границу, стоял ровер с четырьмя европейцами не совсем понятного вида: то ли наемники, то ли легионеры, то ли дезертиры. Дождавшись когда к ним подъедет караван баши, они вступили с ним в переговоры, после чего вернулись в машину и стали чего-то ждать, и дождались того, что воины - туареги зашли в глубь оазиса, а потом вынесли оттуда бурдюк с водой, из которого европейцы наполнили фляги и канистры, после чего искренне поблагодарили и уехали. На вопрос Акима, почему они не смогли сами набрать воды, пока нет хозяев, Таракан снисходительно ему объяснил, что брать воду в чужом колодце без спроса - это преступление, караемое тут смертью. И когда бы, кто это не сделал, туареги всё равно потом найдут по следам, бывали, мол, прецеденты.

В середине пути мы увидели мираж, параллельно нашему каравану шел другой, но на более крупных верблюдах и на некоторых было нечто вроде паланкинов из ярких материй, второй караван шел с такой же скоростью, что и мы, только иногда те верблюды шли не по барханам, а немного выше. Тогда и случилась эта песчаная буря, а после неё на тех барханах, по которым шел призрачный караван, оказались следы какого-то лагеря или чего-то в этом роде, когда мы подъехали, то обнаружили там верблюжьи скелеты, практически не тронутые химлы незнакомого покроя и обломки паланкинов, напоминающих по цвету тот самый мираж. Караван-баши и туареги молча смотрели на останки каравана, а когда Аким хотел положить верблюда и пойти посмотреть, то получил от туарегов залп таких взглядов, что сразу передумал.

А потом мы, наконец, добрались до цели, вернее, до точки, где можно было, наконец, нарушить радиомолчание. Танки были на месте и когда мы их увидели, то, как уже частенько бывало, испытали легкую оторопь. Это были Т-34-85, но не это нас удивило, ибо тридцать четверок было в Африке, как грязи, эти танки были польского производства. Хотя это было как раз неплохо, поляки сделали тридцатьчетверочку несколько удобнее советского прототипа. По крайней мере, горючки, с учетом увеличенных внешних баков, в неё влезало около 800-от литров, этого хватало почти на 650 км по хорошей дороге, был ночник у водилы и экипаж был меньше, следовательно, в башне было малость просторнее.

Привезли мы 9,4 тонны солярки, так что на 12 танков, гордо называемых бригадой, хватало в самый раз, тем более, что поляки сделали движки многотопливными, и заправляться можно было потом почти чем угодно.

Мы распрощались с туарегами и принялись организовывать заправку, так как из офицеров бригады в наличии был один штука - в лице взводного, ибо остальные благополучно вчера отравились за ужином и были на сегодня абсолютно не в форме и даже не совсем

самотранспортабельны. Командир по радио доложил о камуфлете с отравлением командованию и получил убедительную просьбу помочь братьям по классу провести двухсоткилометровый марш до рубежа атаки, ну, и дальше по обстановке. Несчастный взводный был с пристрастием допрошен, после чего отравленный комбриг был приведен в чувство тряпкой смоченной в нашатыре и дополнил информационную ситуацию.

Короче, нужно было завтра к утру выйти на рубеж возле небольшого населенного пункта, примерно в двухстах км отсюда, объединиться с присутствующим там революционным полком, взять город, а потом вернуться к месту дислокации. У противника там, в гарнизоне, не больше двухсот штыков, танков, артиллерии и авиации нет. Так что, аванте компаньерос и, как всегда, без пехотного прикрытия, но просьба командования ничем не отличается от приказа. На броню посадили часть тыловой obsługi с ППШ, объяснив им, что любой человек с бутылкой, находящийся на расстоянии броска, это враг революции, и подлежит немедленной нейтрализации, и пошли вперед. Из-за отсутствия какой-либо легкой техники, две машины пришлось пустить вперед в качестве авангарда и разведки в одном флаконе, и, как выяснилось, не зря, они с полтычка снесли какие-то две непонятные заставы, и мы по этому поводу резко увеличили скорость движения и прибыли на место на два часа раньше. Поневоле вспомнился анекдот времен Блицкрига 1940, который немцы рассказывали друг другу про французов, мол, один француз спрашивает другого, а когда, типа сюда, немцы придут, а тот ему и отвечает, мол, если не сопротивляться, то часов через шесть, а вот если сопротивляться, то часа через два.

Революционный полк оказался в составе аж полутора сотен человек, остальные, наверное, тоже отравились, сказал Аким. Мы нашли очень симпатичную высотку в виде небольшого плато господствующего над городом, загнали туда четыре машины и выпустили дюжину снарядов по пустырям и кустарникам. После чего революционный полк радостно побежал в атаку, сопровождаемый остальными нашими машинами. Противник был полностью деморализован, и частично бежал, частично сдался в плен. Потерь с обеих сторон не было. Население в городке, судя по всему, также отсутствовало. Командир приказал навесить доп. баки назад, дозаправиться из них и вернуться на исходную позицию, куда мы героически, но мирно, прибыли еще дотемна.

Уже гораздо позже, в самолете, Тарасюк спросил Барона: "Ось одного не розумію, товаришу капитане, а навищо цим хлопцям там танки знадобилися? Вороги б и так втекли".

Да, темна вода в облацех.

Глоссарий

Туареги - народ группы берберов, кочует по Сахаре, плюс частично проживает оседло в Мали, Нигере, Буркина Фасо, Марокко, Алжире и Ливии.

Аменокаль - вождь у туарегов.

Химл - Верблюжий вьюк, бытующий как мера веса в мусульманских странах. Вес химла в различных регионах сильно отличался, усреднённый химл приблизительно равняется весу 250 кг.

Wehrmachtskanister - Немецкая канистра 20 литров.

Тагельмуст (синоним "лисам") - когда туарегскому юноше исполняется 18 лет, его семья устраивает праздник, на котором туарегу дарят синий или белый платок - Тагельмуст, длина которого может достигать до 40 метров. С этого момента он считается взрослым.

Мехари - верховой дромадер (одногорбый верблюд).

Бур - старая Британская винтовка Ли-Энфильд.

Музыкальная культура, как элемент специальных операций (Фантазия на тему Африканских снов XXXV)

Фигуры на шахматной доске данной истории располагались следующим образом...

Некий городок, ставший вдруг столицей победивших революционных сепаратистов, которые сразу после победы разделились на два непримиримых лагеря...

На знаменах первых проглядывали черты бородатого любителя халявных рейнских вин из погребов приятеля, а вторые были близки к

ценностям, в том числе отображавшимся портретом некой блондинки, с развеваемым воздухом подолом (ни за что не отгадаете, кого я имею в виду).

На помощь своим неофитам бросились сразу два Больших брата, под звездами разных цветов, но единственную дорогу, годную для проезда техники, перекрывал лагерь Легионеров, родом из страны лягушек и коньяка. Легионеры ждали эвакуации, и ссориться с ними никто не хотел, потому что, во-первых, были они весьма неплохими солдатами, а, во-вторых, в этом наваристом компоте для полного счастья не хватало только еще одной стороны.

Что было хреново, так это то, что поджимало время, ибо у сторонников автора Критики Готской программы силенок было существенно поменьше, нежели у их затуманенных кокаколой и джазом противников, причем, у этих прислужников империализма было несколько единиц ПЗРК Стрела-2, которые было необходимо локализовать и изъять, ибо их там быть не могло, а, следовательно, не было вовсе и никогда.

Короче, с раннего утра к Легионерам двинулись две делегации в оговоренном количестве по три человека. Ихний джип обогнал наш ровер, но мы не стали конфликтовать и двигались на полкорпуса сзади, и к воротам базы подошли вторыми, что, кстати, дало нам определенную информативную фору.

У принимающей стороны, кстати, была традиция, поднимать над всеми военными и гражданскими присутствиями свой триколор, и обязательно не маленьких размеров. Тут над воротами флаг имелся, так же и еще перед воротами стоял часовой. Наши конкуренты прошли в ворота, не обратив внимания ни на шофера, ни на флаг, мы же, обратив внимание на это упущение, поприветствовали уставными жестами и часового, и флаг.

Встречающая нас делегация, состоящая из капитана, лейтенанта и адъютант-шефа, переглянулась. А когда мы все вышли на плац, там началась местная "Пионерская зорька" с построением, подъемом флага и исполнением гимна.

Как только флаг пополз по флагштоку вверх и заиграл гимн, все хозяева частично вытянулись по стойке смирно, и частично отдав при этом честь

не по нашенски вывернутой ладонью, стали бодро подпевать гимну. Нашим конкурентом это было демонстративно пофигу, а вот мы...

Мало что откозыряли, так еще и тоже начали подпевать. А что, песня-то хорошая. Как-то там ... "Пройдемте граждане, не опоздайте, сейчас побатальонно будут выдавать автоматы Калашникова", короче, - наши слова! Легионеры, стоявшие рядом с нами, изображали квадратных раков, то есть, - глаза, как на прутиках, вытянулись в нашу сторону и были квадратными от изумления. А мы, не обращая внимания на эффект, вытягивали бессмертные слова: *Aux armes citoyens, Formezvos bataillons, Marchons, marchons...* и.т.д. (Двое из нас знали текст Марсельезы, а третий играл ушами в караоке).

Короче, после всех этих изысков наш имидж в глазах легионеров взвился до небес и, судя по всему, они отделили для себя зерна от плевел, то есть, с одной стороны были грубые типы, не уважающие святое, - наши конкуренты, а с другой - благородные шевалье, уважающие флаг и поющие Марсельезу, - естественно, мы.

Ввиду того, что нас принимал сам полковник, а конкурентов капитан, надежды на успех были ощутимыми. Нас угостили кисленьким компотом, выдаваемым тут за спиртной напиток. Мы жадно восхищенно и радостно на него накинулись, и Таракан, высосав три бокала, настолько опьянел, что выболтал военную тайну о том, что у противной нам группы революционеров есть ракеты Стингер, и если их не прижучить, то этими Стингерами эти нехорошие люди могут начать пулять по вертолетам наших гостеприимных хозяев во время эвакуации. После чего мы, естественно, выставили водку (много), и Таракан, ставший после третьего тоста, лучшим другом полковника, вымолил разрешение придвинуть нашу колонну к ихнему блокпосту, чтобы мы были под охраной доблестного часового легионеров.

В общем, через час-другой нас пропустили, наша высокая делегация присоединилась к колонне уже на противоположном выезде с базы, а конкуренты остались с носом, то есть "Капитал" оказался круче джаза, секса и кокаколы, и задание было выполнено в полном объеме.

Всё-таки не зря на кафедрах французского заставляли учить Марсельезу наизусть.

А Марсельеза классная вещь, хотя из революционных песен мне больше нравится Марш 26 июля. Так что Музы пушкам не всегда мешают.

Теория совпадений или дороги которые мы выбираем (Фантазия на тему Африканских снов XXXVI)

Мы сидели в ресторане аэропорта Мтвары и грустным взглядом провожали самолет, увозивший доставленный нами груз. Мы-то надеялись улететь вместе с ним, но начальству было как всегда виднее. Как говаривал майор Абвера Штейнглиц: "Работают одни, а деньги получают другие". Хотя, честно говоря, когда три дня назад этот маленький контейнер приняли от нас на ответственное хранение серьезные товарищи из еще более серьезной конторы, мы испытали явное облегчение, ибо интуиция буквально орала об опасности. Контейнер представлял собой нечто вроде матрешки, и самой маленькой частью в ней был химический снаряд с НАТОвской маркировкой. Так что, то, что мы добрались до аэродрома без потерь и вообще без боестолкновений, было чудом. А тут начальство решило, дабы жизнь медом не казалась, усложнить нам задачу. Нам приказали тайком достать жуткую начинку и припрятать, а сам контейнер, светя его на каждом углу, доставить в местный порт и в этот же день публично погрузить его на океанскую яхту "Амелия". Порт этот был похож на восточный базар во время погрома, наводнения и пожара одновременно, так что дюжина приданных нам добрых молодцев, в лицах которых ясно читался штангель-циркуль перекрещенный с молотком, была нам очень кстати, а то уж очень много народа кишело вокруг нас все это время, и добрые лица и намерения были отнюдь не у всех. Ох, и не хотела мировая буржуазия расставаться со своими секретами. И ведь не скажешь им, что, мол, отстаньте, это муляж, а настоящий снаряд заныкан в другом месте. Мы потом долго гадали, а что же там с этой засвеченной яхтой было потом...

В порту, кстати, пытались завербовать Тарасюка, когда он хотел обменять два тюбика зубной пасты на древнюю маску из черного дерева. Тарасюк честно довершил обмен, в процессе которого на все вопросы и предложения, не имеющие отношение к мену, отвечал Yes of Yes, после чего обездвигил вербовщика ударом в горло, таким же, но более жестким ударом вырубил его напарника и сдал злыдня кому надо в лице Таракана.

Пролетели годы, прошли десятилетия, наступил XXI век. Как-то 9 мая я застрял во Франкфуртском аэропорту: то ли Москва, действительно, не принимала по погоде, то ли немцы хотели испортить праздник, но вылет отложили всерьез и надолго. И пришлось тащиться в местный ресторан Гёте, и, войдя туда, я застал момент, когда трое мужчин, сидевших за столиком аккуратно под портретом Иоганна Вольфганга, на чистом русском языке, не оскверненным отсутствием идиом, объясняли местным

гитаристам, слоняющимся промеж столов, куда именно они засунут им гитары, если те будут мешать отдыхать исполнением вражеской музыки. Я тепло поздравил земляков с Днем Победы, и мы продолжили отмечать праздник вместе. До моего прихода за столом вспыхнула небольшая полемика, которая продолжилась и позднее. Речь шла о перипетиях судьбы и о том, что многие незнакомые друг с другом люди очень часто пересекаются в жизни сами того не ведая.

Самый молодой из присутствующих товарищей, назовем его Васей, был сторонником приземленно-циничной версии, что все это, мол, сказки, а согласно теории вероятности, процент реальности случайных пересечений людей и судеб, типа как в авантюрных романах, предельно мал. Двое его оппонентов, Миша и Саша, будучи людьми, более старшими по возрасту и гораздо более умудренными опытом, настаивали на том, что случайных совпадений в жизни гораздо больше, чем кажется их молодому другу, и стали приводить в качестве примера старые истории, о которых уже можно было поведать миру...

Миша рассказал, как в некоем Африканском порту куча каких-то жлобов принесла на его мирное судно какой-то гребаный ящик, с которым надо было добраться до ближайших островов, причем, начальством было сказано, что груз важный и возможны нюансы, в случае которых ящик нужно затопить на глубине исключаяющей подъем, но если что - свои прикроют. Причем, супостаты должны видеть, как этот ящик бросают в набежавшую волну. Так вот, когда корабль плыл по тревожным водам Индийского океана, над ним в выси величаво пролетел родной Ту-95, и вот позже выяснилось, что на том "Медведе" летал Мишин однокашник, вот такое вот совпадение. А плавание, по Мишкиным словам, выдалось тревожным, и уже в виду пункта назначения, два каких-то левых сторожевика попытались перехватить их мирное судно. Как было приказано, ящик был демонстративно сброшен в море, сторожевики, тем не менее, пытались продолжить перехват, но тут очень вовремя проявился крейсер Советских ВМФ "Дмитрий Пожарский", который погрозил нехорошим сторожевикам визгливым шипением барабет, шевелением стволов главного калибра и грозно-ленивым мявом многодецибельного ревуна. Сторожевики сразу притворились мирными рыбацкими шаландами, и со всех ног кинулись искать тунца на горизонте (видимо, для салата).

- Да-а-а-а... Всё-таки не обмануло тогда начальство на счет подмоги, - мечтательно сказал Миша.

И тут Саша выругался большим боцманским загибом, и выдал тираду на тему, что, мол, никакой подмоги не было, а просто крейсер "Дмитрий Пожарский" мирно гонял по Индийскому океану американский авианосец

"Констелейшен", и в тот момент осуществлял обходной маневр, проводя параллельно учения экипажа, а ревун без всякой агрессии просто означал условное открытие огня, и ему до гальюна были разные маломерки, кишащие в акватории. Когда стихла не совсем цензурная реакция Миши, пришла и моя очередь...

Положив руку Мише на плечо, я покаянно сообщил, что если его судно называлось "Амелия", то к жлобам, притащившим ящик на борт, я имею самое прямое отношение. Мы стали радостно отмечать данные разъяснения, хохоча, выпивая и закусывая, но нам помешали странные звуки, издаваемые Васей. Он явно пытался что-то произнести, но подавился франкфуртской сосиской, и, наконец, прокашлявшись, наш молодой друг выдал, что его родной дядя служил на авиабазе в Могадишо, на той самой, на которой базировались Ту-95. А вы говорите...совпадения.

Опасные Малютки, или Взаимовыручка при проведении спецопераций (Фантазия на тему Африканских снов XXXVII)

Весьма не этично дарить подарок, а потом забирать его назад. Поэтому начальство решило лично не пачкаться, а провести данную невежливую акцию нашими руками.

Дело было в том, что одно антиимпериалистическое движение, внезапно изменило делу Социализма и перебежало к буржуинам, причем, не по любви, а по голому расчету. От нас шло только оружие, а империалисты дали денег, что было гораздо вкуснее. А наше руководство как раз отправило им очередной подарок: пару грузовиков с интересными дивайсами под милым названием «Малютка».

Это творение конструктора Непобедимого было незаменимо в том случае, если надо остановить вражеские танки. Эти борзые «Малютки» были просты в употреблении, как винтовка Мосина, и жгли все НАТОвские бронемодели в песи и хузары, недаром НАТОвцы прозвали их Sagger, то есть - тигель, ну, а как их прозвали танкисты ЦАХАЛ, потерявшие в этом "тигле" больше восьмисот танков, я не могу привести тут из скромности*.

Мы уже почти подарили бывшим друзьям дюжину комплектов «Малюток» с БК, но по радио пришел приказ, не имеющий двойного толкования, и мы, шуганув для порядка встречающую сторону (пулемёт РПД-44 - очень подходящий инструмент для шугания нежелательных

личностей), возглавляемую местным генералом, чем-то напоминающего майского жука, удалились на сопредельную территорию. В процессе шугания, лендровер генерала перешел в цепкие руки старшины Тарасюка. И как сказал Андрей в своё оправдание: «У цього хруща там куча продуктів, а ми ще й не снідали».

В приказе было сказано, что так как от аэродрома мы уже отрезаны начавшейся между двумя местными движениями разборкой (третье движение пребывало в сторонке и ждало кто победит, чтобы под конец присоединиться к победителям), груз должен быть вывезен на одну из сопредельных территорий и, по высшим политическим и оперативным соображениям, должен быть уничтожен именно в конкретном районе, контролируемом одной из воюющих сторон. Короче, выражаясь по-простому, обломки должны были сработать в качестве подставы, но начальству, естественно, виднее.

На данную территорию мы вышли без проблем, но потом возник вопрос в какую сторону выводить инструкторов, оставшихся не у дел, и пока суд да дело, мы прикорнули в распадке, где наша колонна была не видна ни с суши, ни с воздуха и тут как раз подоспело контрольное "музыкальное" время. Прием тут был неуверенным, и на ходу радисты связь не гарантировали, так что, привал оказался кстати.

От командования не было ничего нового, но на одной из дежурных частот пошел позывной от коллег-союзников. У геноссен были проблемы, и по ряду причин мы не могли им не помочь. Коллеги должны были с помощью приданного местного батальона перекрыть рокаду и грохнуть или захватить колонну с боеприпасами, идущую к недругам тех, кого они обучали, кстати, этими недругами были как раз те, на чьей территории мы должны были рвануть свой груз. Но проблема была в том, что приданный батальон так и не появился в точке randevu, куда геноссен, как и положено пунктуальным адептам циркуля и молота, прибыли точно в срок. Ребята почему-то думали, что нас не меньше батальона, и несколько приуныли, увидев колонну из пяти разномастных машин и максимум полуроты на них, состоящей из наших ребят и неудавшихся инструкторов «Малюток». Но они в который раз недооценили славянскую смекалку...

Нет, нация ребят с циркулем, конечно, весьма не глупая и, как говорится, её представители выдумала колбасу и обезьяну, но, что все это значит по сравнению с Тарасюком и Акимом.

Начал, естественно, Тарасюк. Узнав, что тонкие провода высочайшего качества, по которым управляются ракеты, являются одноразовыми, он сначала возмутился, что столько добра пропадает зря. А потом, вспомнив, что мы должны эти ракеты уничтожить, воспылал робкой мечтой изъять из ракетных пеналов бухты кабеля, на которые можно выменять «усе, що завгодно: від слона до зенітної установки». Аким же, мыслящий менее меркантильно, сразу же воспылал и воскликнул:

- Командир! Ведь один хрен нам приказано «Малютки» уничтожить, так, давай, их уничтожим, стуча ими по вражеской колонне, заодно и задание будет выполнено в точности, ну, и ребятам поможем.

И мы поспешили - обрадовали коллег, что хоть и не сможем помочь им захватить колонну противника, ну, а вот грохнуть, так со всем прилежанием. И так что мы имеем:

Две дюжины комплексов «Малюток», то есть, - практически сорок восемь ракет в двух первых запусках (БК можно не считать, так как пустить их в дело всё равно не удастся);

Взвод инструкторов - 30 штыков;

Наша команда - 9 отчетливых орлов;

Союзники - 11 защитников дела Фридриха Энгельса;

Семь РПД-44 с кучей патронов в коробах;

Пара ящиков взрывчатки;

Сорок часов до начала операции;

Определенный опыт и немного везения;

То есть, - полный комплект для успешного выполнения двух заданий в одном флаконе.

К месту мы выдвинулись вовремя, и для засады оно было весьма удобное. От зеленки до трассы было не больше трехсот метров кочковатой почвы (типа не побегать, не спрятаться), вдоль дороги тут были глубокие кюветы (что очень к месту затрудняло съезд с неё) и для полного счастья тут был мост через пересохшее русло, причем, мост не охраняемый.

В ответ на наше удивление подобной безалаберностью очередных местных властей, союзники пояснили, что, во-первых, мост этот нужен всем и его, типа, никогда не взрывают, а, во-вторых, посты на этом мосту периодически вырезали по ночам бродячие иррегуляры, дабы разжиться оружием, и местные власти на посты решили наплевать. Ну, что же, значит, мы будем первыми.

Итак, наши инструкторы, только обрадовавшиеся возможностью лишний раз стрельнуть в боевой обстановке, стали расставлять свои грозные комплексы.

Сам комплекс «Малютка» представлял собой небольшую ракету, установленную на специальном пенале, в котором она, заодно, и транспортировалась и нечто вроде площадки с джойстиком и перископным прицелом. Ракета была соединена с площадкой восьмисот метровым кабелем и после запуска управлялась джойстиком по проводу, который был, естественно, сверхпрочный и сверхтонкий. Сейчас это, конечно, смотрится раритетом, но тогда «Малютка» считалась весьма грозным оружием, да и сейчас кое-где присутствует на вооружении.

К тому моменту, когда на дороге замаячил передовой броневик конвоя с боеприпасами, у нас все было готово. То есть, ракеты, пулемёты и Тарасюк были наготове.

Когда броневик лихо въехал на мост и бдительно замер в аккурат по середине, нагло вертя башенкой с пулеметом, Тарасюк дождался, когда подтянется колонна, и нажал на кнопку радио-взрывателя, после чего броневик и мост почили в Бозе. С шипящим свистом сорвались с лотков ракеты, и все больше и больше летело их в сторону обреченной колонны.

Полыхнули еще два броневика охраны, а потом взорвался первый грузовик, за ним второй и так далее. (Когда из одного грузовика, после попадания в него сразу двух ракет, брызнули в разные стороны сверкающими на солнце серебряными протуберанцами банки консервов, Тарасюк явственно застонал, показав, как ему хочется хоть немного покопаться в разгромленной колонне, но поймав грозный взгляд Барона, моментально притворился мышкой под веником).

Охрана и водители грузовиков, когда еще только рванула первая броня, так дружно и героически дунули в противоположную от наших позиций сторону, что пулеметы остались без работы. Приказ был выполнен, и все, кроме противника и частично Тарасюка, были счастливы и довольны.

Еще в течении двух часов почти счастливый Тарасюк выковыривал из не истраченных ракет катушки с кабелем, пока Барон на него не рявкнул, приказав поторопиться с подрывом остатков былой роскоши. Но Тарасюк был уже доволен, и провода он через несколько дней поменял на тако-о-о-о-о-е...

Но это будет уже совсем другая история про Маугли.

*В девяностых «Малютки» жгли даже хваленые «Меркавы».

Самоходки на уборке арахиса, или Свадьба с приданным (Фантазия на тему Африканских снов XXXVIII)

Сейчас бурно обсуждают новые Российские «надувные танки», причем, мнения два, и они, естественно, противоположные. Одни считают, что это грамотное решение для маскировочных мероприятий и введения противника в заблуждение, другие же считают это бесполезной тратой бюджетных денег. И вспомнился мне тут один давний случай, когда пришлось, и весьма удачно, применить фальшивую бронетехнику, а было это так...

Как-то прибыли мы в один городок под видом обоза с арахисом, вернее, под видом его охраны. Мы сдали получателям то, что было главной составляющей груза и, естественно, не относилось к сельхозкультурам и,

получив приказ отдыхать на месте вплоть до особых распоряжений, немедленно этим и занялись. Появилась возможность хотя бы отоспаться. Единственный, кто был при деле, это старшина Тарасюк. Андрей деятельно обменивал наш арахис на что-нибудь полезное. Нет, конечно, выгодно продать или махнуть арахис в этих местах, было сложнее, чем проделать те же операции с углем в Ньюкасле или самоварами в Туле, но Тарасюк - это Тарасюк.

А места тут были веселые: за рекой Рувума только что разгромили колониализм, а так как в этом городе были базы двух официальных и трех неофициальных фронтов борьбы с белоногими супостатами, то шурум-бурум тут был ого-го какой, и кого тут только не было. Был даже Швейцарский писатель-этнограф, которого прочно оккупировал Аким, рассказывая ему юмористический фольклор горного народа Фунго (это были, естественно, наши анекдоты, переведенные на немецкую мову), Аким как раз с постной мордой заканчивал анекдот: «...И тогда фроляйн ответила юноше, что не имеет никакого отношения к метеорологии вообще и к синоптикам в частности, потому что торгует своим телом за деньги», - ну тут труба протрубила в поход...

Приказ был следующим. Нужно было срочно передислоцироваться в один сопредельный городок, засветиться в его окрестностях и, по возможности, устроить там в строго определенную временную дельту шум, целью которого является задержать местный гарнизон на месте, но желательно мирно, ибо гарнизон большой и даже нам с ним не справится, а других наших, либо дружественных делу Социализма сил кроме нас, поблизости не было. Ну, мирно, так мирно (боеприпасов меньше потратим), а устроить всегда пожалуйста, правда, хоть нам и придали роту местных патриотов, тяжелой техники было ноль.

И тут, как всегда, очень удачно подсуетился Тарасюк ... Нет, понятно, запас - он карман не тянет, но поменять арахис на три трактора, это было лихо даже для него. А он надыбал три Катерпиллера в весьма приличном состоянии, причем, у него осталось еще три грузовика с арахисом. И отсюда стал вырисовываться план операции. Коли не надо штурмовать город и всего-то напугать местный гарнизон демонстрацией с флажками, то она у нас есть. В тех местах недавно появились старые добрые Су-100. Самоходка - которой пускай уже и за тридцатник, весьма не плохая. Фидель на такой скинул десант гусанос в море, и противник уже был наслышан о новых русских танках, и очень их побаивался, тем более, был один серьезный бой, Су-100 сожгли дюжину броневиков и выйдя на прямую наводку в хлам расстреляли позиции батальона, всё-таки сто миллиметров - и в Африке сто миллиметров.

И не менее удачно выступил Аким, которому дали команду найти производственно-ремонтные мощности. Короче, в железнодорожных мастерских проводили день революционной культуры, и включал этот день, помимо прочих разностей, еще и показ советского фильма. Почему-то это оказался мультфильм про пионера Петю и волка, и Красную Шапочку. Проблема была в том, что на местной аппаратуре фильм можно было крутить только без звука, и посему культуртрегера из Пролеткульта и Железнодорожного начальника ожидал за это большой втык от руководства, но «случайно» познакомившийся с ними Аким, сказал, что знает этот мультфильм наизусть и с радостью сделает сурдоперевод. Мультфильм прошел на ура, солдаты, рабочие и примкнувшие к ним крестьяне ржали до икоты и потребовали показать кино еще раз, и не смотря на то, что Аким уже ушел, ржали они, пожалуй, даже громче, чем перед первым просмотром. Таракан пребывавший на просмотре, по возвращении, рыдая от смеха, стал цитировать песенку бабушки о беременном волке. Короче, после такого блистательного выступления нашлись и сварщики, и листы металла. Краску Тарасюк нашел самостоятельно, и через пару суток под покровом ночи из ворот мастерских, осторожно постукивая по стыкам, выехал таинственный эшелон, состоявший из пары обшарпанных пульманов и нескольких зачехленных платформ, на которых стояли грузовики с арахисом и угловатые свежее-зелёные самоходки с длинными стволами (бывшими в девичестве четырехдюймовыми водопроводными трубами). Термин шуш-панцер был тогда еще не известен, но это было самое оно и есть. Было там и три трейлера, конфискованных нашими помощниками непонятно у кого. (Бардак в том городке, как я говорил выше, на то время царил страшный).

Мы прибыли на ближайшую к месту назначения станцию, разгрузили технику и стали готовиться к маршу, но предварительно нам надо было засветить тут наши самоходки, чтобы местные земли пошли слухом полниться. В общем, наша колонна выглядела грозно, но был ма-а-а-аленький нюансик... наши шушпанцеры могли реально двигаться только пушкой назад. Если помните, мы их сделали из тракторов, и иная компановка не получалась, но как сказал Аким...

«Если, скажем, для городского жителя все, что черное, с рогами и мычит - это есть бык, так и для местных иррегулярных и не очень частых все, что зеленое, квадратное, рычит и с пушкой, это Су-100».

Короче, мы загрузили шушпанцеры на трейлеры и двинулись в сторону главной точки маршрута, по дороге нас никто не тревожил, блокпосты при нашем появлении пустели со скоростью света, и выглядели мы, конечно, сурово, так как помимо всего на шушпанцерах стояли сверху турели с РПД-44, одним из самых популярных тут пулеметов. Единственно, местные не признавали коробов, хотя, на мой взгляд, стопатронную ленту

кроме, как в коробе, не унесешь, а лента на пятьдесят - это уже не комильфо. Этот неплохой пулемет для партизанских войн на дальних континентах опоздал на Вторую мировую (в сорок пятом успел пройти обкатку в войсках), после неё попал в разборку между Ковровым и Ижевском. Лобби в ЦК у обеих сторон было настолько сильным, что на вооружение почти одновременно приняли тандем СКС-РПД-44 и АК-47. Наши генералы и министры опять готовились к 1941 году, хотя были совсем другие времена. Нужен был либо тандем СКС-РПД44, либо АК-47 – РПД44, но когда генералы и министры считали народные деньги? Мне лично РПД-44 нравится потому, что он хоть и слабее по ТТД чем РПК, но за счет массивности имеет гораздо лучшую прицелимость, ну, и сто патронов - это и в Африке сто патронов.

Вскоре наша шуш-бронеколонна расположилась на границе местного нейтрального анклава. В этом городишке был большой ООНовский госпиталь, и все воюющие стороны, по умолчанию, объявили в этой местности водяное перемирие. Тут кишели представители всех воюющих сторон, кипела деловая жизнь, был рынок, кабачки и, что характерно, не было никаких конфликтов, ибо они моментально гасились окружающими... в упор, ну, и еще, по неписаным законам, туда нельзя было въезжать на боевой технике. Что еще было важно, так это то, что от гарнизона, который мы должны были смутить, это все находилось километрах в тридцати, и народец оттуда, в этих местах так и кишел, то есть, утечка уже началась. Так что, оставив наши самоходки урчать дизелями за условной границей анклава, Барон, Аким, Таракан и Тарасюк пошли прошвырнуться по значным местам, дабы проболтаться на каждом углу о нашей боевой мощи, заточенной под недалекого супостата, коварно не оценившего пользу социалистического пути развития. И в третьем по счету кабачке мы наткнулись на Дона Гарибальди...

Это был весьма интересный тип. Будучи метисом, он, в зависимости от степени опьянения, называл себя то испанцем, то итальянцем. Но самое интересное, что этот благородный дон пользовался популярностью среди национально-освободительных движений и периодически чем-нибудь руководил, как правило, до первой крупной пьяной выходки. И еще Дон Гарибальди был знаменит, как разносчик новостной информации. Ага, подумали мы с Иван Иванычем, ты-то нам, дружок, и нужен. Перед Доном стояла опустевшая на треть бутылка местного джина «Коньяги» и выглядел он, для испано-итальянца весьма неплохо, хотя находился в страшном миноре. Во-первых, его уволили из помощников командира отряда, во-вторых, его невесту, её же двоюродный дядя заточил в своем загородном доме, дабы позже выдать за муж за какого-то вождя, а у бедного Дона нет ни солдат, ни друзей, дабы помочь воссоединиться с его Инезильей. (Как мы позднее выяснили, звали девушку на самом деле Мфинанга), а дядя был какой-то шишкой у контрабандистов. Короче,

место для демонстрации тяжелой артиллерии нашлось, и ключевым словом в его выборе было – «загородный дом». Мы сказали благородному Дону, что помним его помощь делу Мировой Революции и посему поможем брату по классу.

Утром следующего дня три самоходки, грохоча траками и движками (что хорошо заглушало дребезжание металлических листов), нагло подкатили к белому колониальному особняку и развернулись к нему длинными грозными дулами, и прочесали стену длинными очередями из турельных пулеметов. Из командирской машины (на крыше ее рубки стояло аж три пулемета) вылез Таракан в своем любимом берете бельгийского паракомандо, нагло продефилировал к воротам и потребовал у охраны предоставить хозяина. И намекнул, что на все про все у них есть 5 минут, после чего особняку будут нанесены повреждения, не совместимые с дизайном. Местные быстро смекнув, что люди с такой огневой мощью адресом не ошибаются и так просто в гости не заходят, быстренько предоставили хозяина. Хозяину, мелкому мулату с ушами чебурашки, было объяснено, что тумпуку Мфинанга поедет с нами, так как её хочет видеть жених, он, ах, какой хороший человек и Дон, вдобавок, а мы типа друзья жениха, которые дали ему слово, что без невесты не вернутся. Дядя все просек на момент, но что-то проблеял на счет калыма, но тут-то он и попал. На счет калыма Тарасюк с Доном Гарибальди своевременно подсуетились, причем, часть калыма, закупленную Гарибальди, Тарасюк выменял у него на наш арахис (что он с этого поимел, оставалось только догадываться), так что, по сигналу автоматная очередь+зеленая ракета, к воротам усадьбы потянулись мелкие стада овец и грузовики с арахисом.

Все закончилось тем, что мы вручили невесту счастливому жениху, погуляли на свадьбе, и подарили молодоженам три шушпанцера, со строгим условием - в бои не встречать, ибо пушки заклепаны, и больше на них ездить, по поводу подарунка прямо на свадьбе у Дона образовался новый отряд, и все стало на мази.

Год спустя, будучи недалеко от этих мест, мы с изумлением увидели на параде наши самоходки, правда, уже в другой окраске и с другими пулеметами на рубках, но это уже совсем другая история.

**Сколько бревен надо для успешной
полит-информации**
(Фантазия на тему Африканских снов XXXIX)

Диспозиция была следующая... Мы доставили в необходимую точку маршрута транспорт с учебными пособиями, обмундированием, турельными ДШК, спаренными и курсовыми СГМТ и прочими аксессуарами школы молодого танкиста, но вот самих танков мы там не обнаружили. Танки обещали подогнать через дней десять – двенадцать, и кстати персонал учебного центра двигался вместе с ними, а будущие курсанты уже мало что были на месте, так для них уже была казарма, где они радостно предавались безделью. Курсанты были кстати для этих мест несколько своеобразные. Это была бывшая охрана каких то, то ли нефтепромыслов, то ли рудников, состояла она исключительно из мулатов, плюс мулаты эти владели стрелковым оружием, умели обращаться с автотранспортом и самое главное поголовно сочувствовали идеям Социализма. Ну безделье, это для солдата не допустимо, так нам и сказал Главный советник и предъявив радиограмму от нашего руководства, приказал, не мудрствуя лукаво, приступить к производству учебного процесса и вести его вплоть до прибытия техники и штатного персонала.

Ну что же решили мы, приказ есть приказ и взялись за курсантов со всем прилежанием.

В виду отсутствия танков, решили их учить по плакатам, разрезным пособиям по технике и вооружению и малость еще кое чему, что им безусловно пригодится в будущем.

Таракан и Аким чуть не подрались, когда обсуждали учебный план, но Барон быстро раздал всем братьям по щелобаном. Курсантов разделили на три учебных взвода по восемь человек, командирами-инструкторами назначили соответственно - Акима, Арканю и Таракана.

А учебный план составленный Акимом и Тараканом, командир одобрил и приказал принять к исполнению, внеся естественно ряд мелких изменений.

И Аким и Таракан, были по жизни садистами, Таракан по должности, Аким по призванию и развернуться в этом призвании им мешало только отсутствие должных объектов, а тут три десятка мулатов. Так вот, в качестве укрепления физподготовки будущих танкистов, было применено самое обычное бревно кипариса в количестве трех штук, благо кипарисов в этих местах был полный примус.

То есть на каждый взвод из восьми человек, было выделено по одному бревну и передвижение вне казарм, столовой и аудиторий без бревна не допускалось. Даже в сортир курсанты ходили с бревном. Конечно это не вызывало позитивных эмоций у обленившихся охранников, но захавший посмотреть на наши самопальные тренажеры (полноразмерные макеты танков, на которых экипажи тренировались в загрузке и выгрузке себя болезных и заодно учебных снарядов, а также в любимой во всех родах войск

команде газы). Комманданте пришел в восторг, одобрил, пообещал внедрить эту методику во всех революционных частях и экипажах и навесил подсуетившемуся Акиму, какую то жутко аляпистую медаль, чем весьма обидел Таракана (Аркане было по фигу).

Напряженность в подразделениях тем не менее была, но разная. Лучше всего было во взводе Акима, он всегда умел ладить с подчиненными (но не с начальством), поразил всех своих курсантом четкостью своей стрельбы «по македонски» и тут проявил еще известную дипломатию, объявив своему взводу что медаль у них общая, ибо её заслужил весь взвод своим молодецким видом, хотя именно в день награждения, несчастные мулаты проходившие мимо Комманданте после километрового марша, по своему молодечеству были наиболее близки к известной юмореске Никулинина и Шуйдина – «Бревнышко».

К Аркане в виду его габаритов относились с уважением изначально и он в добавок завел себе стек, которым практически никого не трогал, но его курсанты смотрели на инструктора как Монголы на Унгерна, ибо стеком эта палка размером с черенок для лопаты, казалась только в лапище Аркани.

У Таракана в группе изначально было даже нечто вроде скрытного саботажа, так как ему во взвод досталась бывшая элита охранного отряда, да и был он малоросл и худощав, но капитан был не пальцем делан и на утреннем построении, перед зарядкой, объявил своему взводу, что если двое добровольцев смогут его победить в рукопашной, то весь день сегодня взвод проведет без бревна. Таракан потратил вместо минуты пять, исключительно для наглядности и после этого недовольство ушло так сказать в глубь.

Но самую жирную точку, поставил естественно Барон. На утреннем построении, он некоторое время стоял перед строем молча, лишь изредка пощелкивая кнопкой и крышкой красивой пластмассовой коробки, висевшей на тонком ремешке, перекинутом через плечо. В коробке лежал девайс именуемый официально АПС, а в просторечии «Стечкин», эта чудо-машинка имела в магазине 20 патронов и могла стрелять очередями. На плацу стояла мертвая тишина ибо все знали, что данное пощелкивание означает весьма плохое настроение у командира, тишину нарушило подвывание повара из нашей столовой, его вывел на плац старшина Тарасюк, подталкивая прикладом любимого пулемета, за ними двое солдат из роты обслуживания и охраны Центра, тащили кладовщика, который уже не мог идти, по причине млявости организма. История была старой как мир... Повар взял в кладовщики племянника и вместе они естественно чуток подворовывали, но не фатально, но кладовщик превысил квоту усушки-утруски и попал на карандаш Тарасюку.

Строй курсантов почти одновременно облегченно выдохнул, виновные сегодня были на стороне. Командир как обычно был строг но справедлив. Кладовщика просто выгнали, а на повара повесили таньгу, в виде ящика пива и двух блоков сигарет каждый день в течении десяти календарных дней, а потом сделав длинную паузу, Барон объявил что пиво и сигареты будет получать подразделение, которое первым будет проходить утренний кросс (500 метров с бревнышком). Курсанты искренне заорали ура и на следующее утро, опоздавший на построение к зарядке курсант, получил по пинку от всех своих товарищей, кто смог до него дотянуться.

Но все хорошее долго длится не может, ибо командиру доложили, что грядет важный и лампасный Московский гость, аж из Главпура и будет проверять полит подготовку курсантов, к которой мы мягко говоря не имели никакого отношения, что впрочем не ограждало нас от начальственного гнева. Командир устроил экстренное совещание, на котором после единодушного ржания было принято предложение Акима. Все было дешево и сердито, на учебные бревна и макеты танков, было предложено наклеить по четыре портрета основоположников и таки образом вбить в головы курсантов хотя бы ФИО и должность борцов за народное счастье в частности и за социализм вообще. За портретами отрядили Тарасюка, дав ему для обменного фонда дюжину перочинных ножей (пару десятков октябрятских звездочек, добавил скрепя сердцем из своих запасов сам Андрей). А к концу дня, на бревнах и макетах гордо зашуршали портреты Маркса, Энгельса, Анжелы Девис и ... Поля Робсона. У Акима и Таракана была истерика, ржал даже обычно спокойный Арканя.

Я загнал Тарасюка в угол и заставил выложить всю схему гешефта с Робсоном. Сначала Тарасюк честным и жалобным голосом сказал, ну вы же сами приказали товарищ майор найти мабуть какого ни есть героя национальной борьбы за советскую власть, а про консервы и киня с вухами, я просто забыл доложить. Кинь с вухами конечно меня заинтриговал, но я решил оставить его наконец беседы. Ну а дальше пошла цепочка операций, при виде которых Остап Бендер повесился бы, а Энди Таккер застрелился...

Первым делом Тарасюк посетил штаб местной молодежной социалистической организации и выменял на звездочки портреты Маркса и Энгельса, потом посетил единственного местного букиниста (его же торговца книгами и газетами) и получил всего за два перочинных ножа иллюстрированный альбом, королевские династии Португалии и пачку плакатов – Анжела Девис, вице-президент США (плакаты шли в придачу, причем завидя плакаты Тарасюк заявил книго-торговцу, что он этот хлам никогда и никому не продаст, после чего торговец буквально навязал эти плакаты старшине в придачу). А потом старшина наехал на местного дельца черного рынка, который был ему чем то обязан. На вопрос, а нет ли якого ни будь национального героя, заробевший спекулянт от страха, выдал старшине

резидента инсургентов. Тарасюк по быстрому махнул эту инфу у местных чекистов на ящик электрических лампочек и продолжил поиск, выменяв по дороге на несколько перочинных ножей и альбом с португальскими королями, ослика (киня с вухами), которого нагрузил электрическими лампочками. После чего вернулся к букинисту и на часть лампочек и остатки ножей выменял у него ящик консервированных страсбургских паштетов и пачку конвертов от пластинок Поля Робсона. Букинист уверил старшину, что Робсон национальный герой и в добавок коммунист.

Короче старшина получил один наряд вне очереди и благодарность. В качестве наряда, он организовал изготовление козел под бревна. Это был не гуманизм по отношению к курсантам, а нежелание пачкать об землю агитационный материал.

А через тройку дней, появилась высокая комиссия. Генерал увидев картинки на бревнах и деревянных танках несколько прибалдел, но Барон доложил высокому гостю, что ввиду малограмотности личного состава (что поделаешь, проклятое наследие колониального режима), мы вынуждены учить курсантов на наглядном материале. Генерал одобрил и приказал продемонстрировать уровень знаний личного состава. Мимо как раз бодренько тащил бревнышко взвод Акима. По сигналу Барона, бревнышко установили на козлы и к генералу промаршировал специально отобранный доброволец. Показывая стилизованной указкой на портреты, он отбарабанил, что Энгельс – Великий Марксист, Анжела Девис – великая американская марксистка, Поль Робсон великий народный певец-марксист, а Маркс – просто Марксист.

Тут какая то сволочь сзади закашлялась и Барон показал за спиной кулак, намекая что обломится всем и кашель сразу прекратился.

Генерал опять одобрил и поинтересовался а как мол Поль Робсон попал в великие Марксисты, на что Аким, сделав преданно-натужное лицо дворняги страдающей запором, в пол голоса доложил, что тут еще силен национальный вопрос и мы ориентируясь на работу товарища Ленина "Критические заметки по национальному вопросу" (ПСС, 5-е изд., т.24), решили добавить в учебные материалы такого известного друга Советского Союза, как пролетарского певца негритянской национальности Поля Робсона.

Тогда генерал поинтересовался почему мол у танкистов бревна и почему не видно портретов Владимира Ильича Ленина, на что уже Барон ответил, что рано им еще к святому прикасаться. А влезший как всегда Аким добавил, что пусть бревна потаскают, а потом мы им и расскажем что такое бревно и сам Ильич легко таскал и вот тогда африканские товарищи окончательно проникнутся пользой социализма.

Генерал весьма благосклонно кивнул и даже несколько возбудился при виде такой не паханной целины, в смысле не паханной нивы пропаганды и быстро приказал собрать личный состав, которому он лично прочитает лекцию о знаменитом Ленинском субботнике.

Переводил Таракан и почему то каждую цветастую идеологическую фразу, он переводил весьма кратко, если не условно. Но судя про его довольному лицу и включенному диктофону, генерал этот, либо его начальство, некогда подгадили конторе Таракана и теперь возмездие было не за горами.

Курсанты потом выясняли у командиров взводов, а почему Ленин таскал бревна, а Анжела Девис и Маркс не таскали, на что получали абсолютно не выдержанные идеологически и даже эстетически ответы.

А потом пришли наконец танки и с ними штатный персонал учебного центра. Наши сменщики кстати были радостно удивлены, как хорошо понимают стандартный русские приказы наши курсанты и как быстр по приказу, «экипажи ***** по машинам ** вашу мать», курсанты в считанные секунды ныряют в деревянные макеты.

Нашу идею с бревнами новое руководство одобрило, но попросило нас самих и отменить. Барон прочитал курсантам пламенную речь, где почтил их званием броневых орлов революции и объявив что они физически теперь полностью соответствуют званию танкиста и бревна больше не нужны. А наши бывшие ученики спели нам на ломаном, но узнаваемом русском, песню «Броня крепка». Вот так мы и расстались.

Через несколько месяцев мы узнали, что обученный нами броневой отряд, будучи в рейде по тылам противника, при встрече с колонной тягачей-лесовозов, везущих бревна, расстрелял их в хлам из башенных орудий (ребята лупили исключительно по бревнам, так что ни один водила не пострадал).

Всё-таки Павлов и его верная собака были великими учеными

ТАРАСЮК, МОНАШКИ И КАТЮША, СРЕДИ КАССАВЫ

(Фантазия на тему Африканских снов XXXX)

Мы предавались заслуженному отдыху. Груз был доставлен по назначению и сдан по принадлежности. Жили мы в приличном колониальном особнячке, предоставленном нам одним из местных

революционных командований (всего их в данной местности было три, не считая иррегулярных группировок). Тарасюк, ставший после окончания задания счастливым обладателем сотни пустых ящиков, нескольких дюжин мешков с сушеной рыбой неизвестной породы, пары кубометров фанеры и нескольких старых грузовиков Bedford OXD, радостно предавался организации сложной цепочки гешефтов. Мы шлялись по местным кабачкам, и встречая троицу монашек из неизвестного ордена, периодически попадавшимися нам по пути, вежливо с ними раскланивались. Сами монашки представляли собой весьма интересное интернациональное трио - негритянка, мулатка и европейка-блондинка - носили они желтоватые сари с бордовым подбоем и такой же расцветки косынки. И мы, после одного случая, испытали к ним не шуточное уважение.

Как-то раз на наших глазах к ним пристало пятеро подвыпивших иррегуляров из гражданской гвардии, мы, как джентльмены, решились вмешаться, но три Матери Терезы, за считанные минуты разметали и уложили на землю пятерых не самых слабых мужиков. У монашек был в качестве средства передвижения белый ровер, и они периодически на нем куда-то уматывали, но к вечеру обязательно возвращались. А жили они при госпитале.

Но, как известно, командование не любит, чтобы подчиненные долго отдыхали, и пришедшая радиограмма одномоментно уничтожила благостный настрой и перевела его в напряженную задумчивость, а задуматься было от чего.

В нескольких километрах от места нашей дислокации, но уже в сопредельном государстве (а сопредельных государств тут было еще минимум два), приграничный район контролировала группировка ихних оппозиционеров. В основном их войска состояли из примкнувшим к ним племенных иррегулярных формирований. Костяк составляла бригада «Леопардоголовых», которых было человек пятьсот, но империалисты подкинули им несколько сотен испанских штурмовых винтовок СЕТМЕ и шесть установок РСЗО типа «Катюша», после чего тамошний командующий возомнил о себе и решил пощупать городок, в котором мы находились.

Наше начальство порекомендовало нам сделать все возможное, чтобы хотя бы дней десять на этот городок никто не рыпнулся, и руководство двух из присутствующих здесь военно-политических сил получило не имеющие двойных толкований пожелания - прислушиваться к нашим советам. Сигналом о том, что, наконец, можно прекращать операцию сдерживания, должна быть условная фраза, переданная неизвестным нам связником.

Военная ситуация была далеко не самая лучшая. Реальных штыков, способных к обороне, не больше двухсот, при самом низком качестве выучки и вооружения, пулеметов - единицы, брони - ноль. Плюс с боеприпасами не сильно, как и, вдобавок, городок кишит агентурой противника, причем, кишит эта агентура на всех уровнях, вплоть до штабных. Единственно чем порадовали местные особисты, так это тем, что к «Катюшам» у потенциального противника нет боеприпасов.

Мы вспомнили было нашу старую идею с фальш-самоходками, но Тарасюк поклялся, что технических возможностей для производства таких девайсов тут не существует, но глаза таки отвел. После допроса нужной степени, старшина признался, что чисто случайно он у местного сельского хозяина получил, путем обмена на сушеную рыбу, партию кассавы. Маниок был отборный, прямой, под метр длиной и соответствующей толщины. Фанат минометов и прочей артиллерии Аким проворчал, что эта брюква весьма похожа на снаряды, а уж если стабилизатор приделать, то от ЭрЭса вооще не отличить. И тут Барон рявкнул: «Стоп!», и приказал Тарасюку более расширенно подать информацию о некоем Гомесе, который ищет какие-то ракеты...

Как выяснилось, Гомес был контрабандистом, который по мелкому не работал, и, благодаря сходящимся тут границам сразу нескольких государств, делал упор на военный ассортимент товара. Так вот, этот Гомес интересовался именно ракетами к Катюшам. Сложить один и один было не сложно: боеприпасы, конечно, были нужны нападающей стороне, и пока она их не достанет, атаки не будет, а значит, процесс доставки боеприпасов должны были возглавить и направить мы и только мы.

Ну, а из кассавы получатся прекрасные муляжи ракет. Вообще-то маниок, или как его называют в Африке, - кассава, весьма своеобразный корнеплод. В сыром виде он ядовит, но после обработки из него делают Тапиоку (так называемое маниоковое саго) и муку. Сам процесс обработки весьма своеобразный. Клубни кассавы замачивают в специальных прудиках или просто в лужах, и держат там о тех пор, пока продукт не даст сок, вместе с которым выйдут ядовитые ферменты. Ну, а запах при этом стоит такой, что редкая птица пролетит над деревней, где заготавливают маниок, и не упадет на её середине.

Аким с Тараканом и Арканей пошли в один подозрительный кабак, и, назююкавшись, проболтались, что в город придет транспорт с ракетами для реактивных установок, и их надо будет складировать и ждать, пока за ними не приедут те, кому они предназначены. Таракана прямо там попытались вербануть (наивные, однако, люди), в результате у нас появился информатор в лагере противника.

А через пару дней Барон зашел в оба союзных штаба и, распивая по очереди с обоими команданте старый ром, просил помощи в выделении склада и охраны под секретный груз. Склад выделил один из союзников, а охрану - другой. Склад представлял собой пару старых барачков в паре миль от города, а обещанная охрана составляла порядка шести штыков. То есть, судя по всему, противник был уже в курсе всего, и купил кое-кого из местных на корню.

Арканя, Аким, Таракан и остальные ребята все эти дни находились в КОРАЛе, где хранился урожай кассавы, выменянный Тарасюком, перекрашивали многострадальные Бетфорды, и по мере возможности меняли им внешний вид, а также набивали ящики маниоком и грузили их в машины. Сам Тарасюк, путем сложной цепочки обменов, махнул фанеру на пару дюжин б\у комплектов французского камуфляжа и такое же количество американских касок времен Второй мировой, одолжил у знакомого вождя кратное обмундированию количество воинов. По каналам Гомеса мы получили информацию о том, что противник будет ждать ракеты, а до этого нападать не будет. Честно говоря, мы поступили бы на месте вражин с точностью наоборот, то есть, - нанесли бы удар в ближайшую же ночь, но... что мы знаем о местной логике.

За подготовленным к приему «секретного» груза складом следили десятки глаз, так что дело было за сигналом неизвестного связника. Короче, через неделю к нашему дому подкатил монашеский ровер, и блондинка, потрепав обалдевшего Акима по щеке, осведомилась, не найдется ли в этой лачуге сигара и постель для одинокого мужчины. Именно такой и была условная фраза. А следующей ночью в сторону пресловутого склада через город прогрохотали грузовики (глушители были сняты) с секретным грузом, в сопровождении охраны в касках и камуфляже. Грузовики были разгружены охраной в бараки, причем из пары ящиков вынули ракеты и аккуратно выложили рядком на уличном стеллаже. (Эти ракеты лично изготовили Аким с Тараканом, покрасив наиболее симметричные маниоки и воткнув в кормовую часть, жестяные стабилизаторы). На следующую ночь к складу вышли сразу две штурмующих группы противника и радостно сцепились между собой. Победители потом еще самоуменьшились на растяжках и прочих взрывных премудростях, оставленных мстительным старшиной в бараке, ну, а те из них, кто выжил, получили в качестве утешительного приза урожай маниок, складированный в ящики.

А в результате махинаций старшины Тарасюка, мы стали владельцами двух фургонов, запаса провизии и четырех туземок. В ответ на грозный рёв Барона, Тарасюк стал бормотать о том, что на счет цих дивчин винничого не знал, и цей дурень з того села, дал цих дивчин чи на сдачу, або в подарок. Короче, девиц-пейзанок отдали в госпиталь, в санитарки, чему

они были весьма рады, ибо это означало серьезное повышение социального статуса, а машины и провизия пригодились нам для следующей поездки. Там тоже были заморочки с сельхозпродукцией, но это будет уже совсем другая история про Маугли.

ОСТРОВ, ГДЕ НИКОГДА НЕ ЦВЕТЕТ САКУРА (Фантазия на тему Африканских снов XXXXI)

Гроном сотен стволов салютует нам база,
Обознались, наверно, я ведь шёл, как овца.
В море я за врагом не погнался ни разу,
И в жестоком сраженье не стоял до конца.
Кто спасёт мою честь? Кто их кровью умоет?
Командир, я прошу, загляни мне в глаза.
И сказал он в ответ: "Ты - корабль конвоя.
Мы дошли, значит, этим ты всё доказал!"

Александр Розенбаум

После многодневного плаванья на подлодке мы стали еще больше уважать подводников. Тут несколько дней кажутся вечностью, а у них боевые походы месяцами тянутся. Но всему рано или поздно приходит конец. Ночью мы всплыли, и после трехчасовых маневров нашли сухогруз. Мы получили приказ пересесть на этот сухогруз вместе с грузом и прибыть в порт *** в распоряжение местного э-э-э-э... торгпреда. Аким покидал подлодку в плохом настроении, ибо местный кап два всю дорогу громил его в шахматы, умением играть в которые Аким весьма гордился. Когда с лодки в катер потащили какой-то длинный ящик, Аким посетовал своему шахматному партнеру соболезнующим тоном:

- Как же вы теперь без перископа? Ведь Тарасюк его у вашего боцмана на коньяк выменял...

Кап два было дернулся, так как уже сталкивался с данным родом деятельности Тарасюка, но быстро вернулся в монументальное военноморское спокойствие, а Аким прошествовал на сходни с чувством глубокого удовлетворения.

На сухогрузе было плыть не в пример комфортнее, чем на лодке, но немного надоедал местный Фурманов. Помощник капитана по политчасти возжелал рассказать сухопутным нам, как и что называется на корабле. Будучи скромными экспедиторами, сопровождающими грузы, мы были вынуждены слушать его самозабвенную болтовню. Судя по абсолютно придурочно - восторженному лицу Акима, он что-то задумал, и это что-то

буквально через десять минут дало о себе знать. Политкапитанен гордо подвел нас к брашпилю:

- А вот, что это такое, вы точно не знаете, товарищи.

- Знаем, знаем! - восторженно вскричал Аким. - Во времена работорговли, когда вашего капитана звали Франциско Негоро, сюда вы приковывали рабов, а когда вашу шхуну останавливали Британские фрегаты, то жестокосердные вы на этом брашпиле их всех, таких бедных и прикованных, топили в Марианской впадине.

Но окончательно испортил Барону настроение Тарасюк. Он доложил командиру, что ящики на пароход сгрузили уже не с той начинкой, с которой они прибыли на борт подлодки. Барон поверил нераздумывая, ибо ушлый старшина видел любой ящик насквозь. Ну, а когда в порту эти ящики публично и среди бела дня перегрузили на водоплавающий раритет по имени «Кайман», все стало окончательно ясно. Нами опять кого-то прикрывают. Ну, что же, такова наша судьба. Приказ подлежит выполнению, даже когда не вызывает положительных эмоций, или не понятен в плане дальнейших результатов его выполнения. Определение – «Приказы не обсуждаются» особенно верно в нашей профессии. Любая группа видит только часть проблемы, решать которую помогает вмеру сил и приказов. Иногда создается впечатление, что ты смотришь в длинную трубу и видишь только ту информацию, которая ограничена далеким светлым кружком, а все в комплексе знает только командование.

Представьте, что вы получили задание во вторник ровно в 12 часов 17 минут, на Downing Street, в определенной с точностью до сантиметра точки на тротуаре, расположить банановую кожуру... Вроде бы полный бред... Но! Именно по этому тротуару и именно в эти минуты проходит курьер с секретными документами, касающимися Британских ядерных сил, и вторая группа должна вырубить его шприц-пулей, аккуратно около этой банановой кожуры, а третья, под видом скорой помощи, должна будет подобрать джентльмена, поскользнувшегося на банановой кожуре и ударившегося головой об асфальт. Но каждая группа видит только свою часть картины. Или более простой вариант... Вашей группе приказано отравить колодцы в мирном селении. Да, это жутко, негуманно и даже преступно. Но в этой деревушке должна стать на последний привал перед ночной атакой банда инсургентов, чтобы напасть ночью на госпиталь и вырезать там всех, включая и персонал, и раненых. Своих войск рядом нет, охрана у госпиталя символическая, а вас - четыре человека против сотни бандитов. Так что, на войне, как на войне. А война – это, в первую очередь, тяжелая и кровавая работа.

Наше судно тащилось к небольшому необитаемому острову. То, что сейчас мы шли в сопровождении, присоединившегося к нам в нейтральных водах дряхлого корвета, бывшего когда-то противолодочным, не сильно грело, ибо был он ныне лишен всех чинов, наград и амуниции, исключая своих ровесников в виде Гере Бофорса и Гере Эрликона, а назывался этот линкор «Акула». Наша эскадра чапала с

крейсерской скоростью аж узлов 7, вибрация корпуса, происходящая из машинного отделения, обещала Фуль СПИД не меньше 9. Как сострил Аким, только не давайте шкиперу команду balls to the wall, а то вдруг возьмет штурвал на себя, и ведь улетим на хрен. Но улететь нам не дали. Со стороны солнца нарисовались два торпедных катера, и корвет принял бой. Капитан корвета представился нам ранее, как капитан Мачо де Марино. Этот щуплый латинос оказался с чрезмерным самолюбием и вдобавок, был полон безудержной бравады. Но, как оказалось, нельзя поспешно судить о человеке. «Акула» храбро ринулась в бой. Один из катеров, изрешеченный меткими очередями, горел и тонул одновременно, но второй выпустил в нашу сторону две торпеды. «Акула» бросилась наперерез и подставила борт торпедой, и этой торпедой вполне хватило, кораблик подбросило вверх, и он вернулся в океан, уже разваливаясь на части. Нашему «Кайману» повезло чуть больше, мы получили торпеду под корму и пара часов у нас еще была. Тарасюк и Арканя быстро завладели одной из шлюпок, заранее выбранной Акимом и снаряженной Тарасюком (замечу, что для команды спасательных средств было тоже более чем достаточно). Мы успели спустить шлюпку на воду, пока позволял крен, и взяли курс на остров назначения, до него было не больше пятидесяти миль. По дороге наш экипаж увеличился еще на одну боевую единицу, на героического капитана Мачо де Марино, который, на свое счастье, оказался нашим коллегой, и, к нашей радости, настоящим моряком. Воды, продуктов и горючего, благодаря старшине Тарасюку, было больше чем достаточно, плюс к этому была одежда и оружие, и что-то нам подсказывало, что оружие еще пригодится.

Как и положено в таких ситуациях и сюжетах, к острову мы подошли на рассвете. Нашли нужный заливчик, высадились, замаскировали лодку и стали искать встречающих. Свежепостроенная метеостанция была пустой, судя по следам, люди тут были недавно, но следов панического бегства или боя не наблюдалось. Тарасюк задумчиво сказал: «Адже тут повинно бути що-небудь типа льоху, або підвалу?»

И подвал нашелся. Тарасюк и Арканя привели оттуда исключенного человека с дикими глазами. Увидя его, мы с Акимом хором воскликнули: «Лобачевский, блин!»

Информация к размышлению. БАЛЛАДА О ЛОБАЧЕВСКОМ.

А дело с этим Лобачевским было так. На дне рождения у одного Генерала (где мне, увы, пришлось присутствовать) один не в меру подхалимствующий капитан выдал с засаленной бумажки экспромт в стихах. Я долго терпел, но когда прозвучал перл типа – наш командир орлом из меди возведенным, вперед к победам нас ведет... - я понял, что не смолчу. Когда все прохрюкались и выпили, слово взял я. Сказав военно-

скабрзный тост, из которого генерал так ничего и не понял, импотент он или половой гигант, я сказал, что капитана мне все равно не переплюнуть, и только теперь я понял, почему Лобачевский так рано нас покинул. Большинство гостей были артиллеристы и, безусловно, знали, кто такой был старик Лобачевский, а капитан – ниит - сто пудов нет. А я, сделав максимально возможную паузу, таки дождался вопроса от именинника. А от чего умер Лобачевский? И со скорбной гордостью ответил: «А ПОТОМУ, ЧТО ОН ПОНЯЛ, ЧТО ТАКИЕ СТИХИ ОН ХРЕН КОГДА НАПИШЕТ»! Стол грохнул, но моя победа была недолгой. Ее украл у меня сам издеваемый. Он успокоительно похлопал меня по плечу и искренне успокоительно сказал, что, мол, поэт Лобачевский все равно пишет лучшие какого-то капитана.

Одно меня утешило. С тех пор и до конца службы капитана звали исключительно Лобачевским.

Так вот, именно его мы и встретили на острове, где он был командиром группы, с которой мы должны были выйти на контакт. Капитана Лобачевского (который в дальнейшем оказался майором Копытиным) поили ромом, били по щекам и опять поили бренди. Наконец, из него смогли выдавить нечто членораздельное. Майор и его трое людей изображавшие Метеорологов, согласно инструкции прошли на катере несколько миль вдоль берега и высадились в небольшом заливишке, для того чтобы осмотреться и разобраться с какими то развалинами, проглядывающими сквозь заросли, и доприглядывались... Из зарослей выскочили какие-то непонятные фигуры, но судя по одежде - явно солдаты, убили одного из людей майора, а двоих споро и грамотно спеленали. Потом подошло еще двое, судя по всему офицеры, и началось самое страшное. Победители буквально вспарывали пленных мечами и придавались натуральному каннибализму. Майора спасло то, что он отравился чем-то за завтраком, и его вдобавок так укачало на катере, что он не имел сил пойти на берег, к которому не получилось причалить из-за открывшейся во время отлива отмели. Улучив минуту, майор перерезал якорный трос, и катер мирно унесло в океан, ну, а когда страшный пляж скрылся за мысом, Лобачевский завел движок и вернулся в свои пенаты, где и затаился в подвале. А этой же ночью на острове произошло землетрясение, земля гудела и ходила ходуном, и Лобачевский даже хотел выбежать на улицу, но это показалось ему еще более страшным.

Услышав эту историю, мы думали не долго. Оказия будет только через два дня, а таинственный противник может появиться в любой момент. По описаниям майора, на солдатах был явно не камуфляж, а из оружия - только винтовки и штыки, да еще сабли и пистолеты у офицеров. Так что, наши полдюжины М 14 с сошками, да плюс еще Хайпауэры, и, как сказал, скромно потупившись, Тарасюк на вопрос Командира:

- И это все?

- Та є ще трохи сіоністських автоматів, штук п'ять або шість.

Давали заведомое огневое преимущество, ибо противника явно было не сильно много, по крайней мере, для нас. Еще у нас были три датчика обнаружения живой силы, коробочка величиной с две пачки сигарет крепилась на стволе М 14, на оператора надевались наушники, и его оповещало пиканьем разной конфигурации о присутствии в джунглях и всях живой силы противника. Система была made in USA, попала к нам из Индокитая, ну, а остальное, как говорится, военная тайна.

Борьку и Мачо, снабженных пулеметом, одной М-14, парой Узи и одним из двух Карлов-Густавов, обнаруженных на метеостанции, оставили в засаде около домика станции. Остальные погрузились на катер и отправились в рейд. Высадились мы, не дойдя немного до описанного Лобачевским заливчика. Там было удобное место для высадки, невидное с берега, примеченное майором раньше, и мы без проблем углубились в заросли и взяли курс на отмеченную на карте заброшенную плантацию, где когда-то что-то выращивалось. На подходе к плантации засекли пост, часового снял Таракан и предъявил заношенную выгоревшее кепи со значком сакуры и пятиконечной золотой звездочкой, и плюс к этому винтовку Арисака древнего образца. Ну, к образцам амуниции и вооружения времен второй мировой нам было не привыкать, но то, что мы увидели на плантации, все-таки смогло привести нас в изумление. Между старых построек слонялись солдаты в непонятной форме. Над входом одного из домов висел смутно знакомый красно-белый флаг:

- Императорская армия, - сказал Аким. – Ну, конечно, похожий флаг был еще у краснознаменного ВМФ РККА, но это явно не они.

- А чому це не радянський червонопрапорний флот? – заинтересованно спросил Тарасюк.

- А Маршала Буденного среди них не наблюдается, – абсолютно серьезно ответил Аким.

Противника начитывалось не меньше семи человек, при двух Гочкисах. Один стоял на треноге у здания с флагом, второго остроглазый Сокол засек на притулившейся к дереву вышке. Где-то далеко бахнул орудийный выстрел, потом еще один. А чуть погода не хило рвануло. Грех было не воспользоваться ситуацией, и мы ей воспользовались. Первыми погибли смертью храбрых пулеметчики, остальной гарнизон падал под нашими пулями в рабочем порядке. Граната, выпущенная Арканей из Карла-Густова, прошелестела в окно штабного дома. Броском преодолев последние метры до периметра, мы щедро добавили уже ручных гранат в окна построек и зачистка была уже собственно не нужна, хотя один пленный нам достался. Оглушенный взрывом гранаты, офицер пришел в себя и, окинув нас быстрым и цепким взглядом морской собаки, встал и, резко поклонившись, представился на прекрасном английском:

– Лейтенант Хамиро Утояси. Командир специального отряда Токей-Тай. А потом добавил напевную фразу на японском, услышав которую, Арканя усмехнулся.

Лейтенант рассказал нам историю последнего японского гарнизона Второй мировой войны. Тут в бункерах, на глубине 100 метров, были законсервированы боевые части для бомб «И» бактериологического оружия Японской империи, так и не примененного в последнюю войну. Отряд морской Кемпетаи честно нес тридцатилетний караул, уничтожая редких гостей, посещавших этот остров. В основном это были рыбаки, попавшие в шторм, пара компаний искателей приключений и кладов и даже корабль «Гринписовцев». Метеостанция Лобачевского должна была быть последней жертвой отряда. После инцидента на пляже, к метеостанции послали охрану входа в бункер, состоящую из четырех солдат и танка Чи-ха, последнего, из оставшихся на ходу. Тарасюк и Мачо приняли бой и, естественно, победили. Старички, я имею в виду, и солдат и танк, были сметены огневой мощью наших друзей. Тридцатимиллиметровая броня Чи-ха для Карла-Густава была смазкой для штыка, а успевшего добежать до них, визжавшего сержанта с мечом, Тарасюк срезал из Узи. А разговор продолжался и когда Барон, будто вскользь спросил, мол, а чегой-то сняли охрану с объекта номер один, японец усмехнулся и, встав и оправив на себе ветхий мундир, сказал: - А охранять было больше нечего Эбису Гейджин. Мы получили приказ и накануне ночью взорвали хранилища.

После чего стремительным движением выхватил кинжал и вонзил себе в живот по всем правилам сепуку, сначала проведя лезвием горизонтально от левого бока к правому, а потом вертикально от диафрагмы до пупка. Опускаясь на землю, он улыбался, и только сейчас стало видно, что он далеко не молод.

Лежащий на земле японец что-то шептал, Арканя наклонился к нему, вслушался, а потом, кивнув, достал Браунинг и выполнил акт милосердия. Весь день он был еще более задумчив, чем обычно, а вечером сказал Барону:

- Японец этот и сейчас, и при встрече процитировал старинную танку, суть которой в том, что на острове, где никогда не цветет сакура, может жить только смерть, валить надо отсюда командир.

И вот закончилось и это путешествие, а потом было еще несколько и еще одно, и, как выяснилось из объявленных нам по прибытии новостей, последнее. Первой новостью было то, что наша Группа подлежит расформированию, второй, что Отдела больше не существует, третьей... впрочем, и двух первых достаточно. А Советскому Союзу оставалось жить тринадцать лет.

«В старинном байзеле, в районе Праттера, недалеко от знаменитого колеса обозрения, гуляла странная компания. Офицанты уже слегка нервничали, но вовсе не потому, что поняли, что это русские, и, действительно, кого сейчас удивишь в Вене русскими. Эта компания вела себя нестандартно для русских туристов, они пили пиво, и вели себя не очень громко, одеты были

прилично, хотя и разномастно, и самое поразительное... у всех были ленты и знаки "Серебряного Креста" Австрийской республики. И тут компания оживилась, грациозно выскочив из фиакра, в байзель вошла красивая женщина в элегантном и очень дорогом деловом костюме, и тут случилось еще одна странность... Когда Леди подошла к столу странной компании, все русские встали и не садились, пока дама не присела на поданный официантом стул.

Народ очень обрадовались Эрике, ибо давно уже пора было начинать банкет и пиво уже надоело, вдобавок часть ребят скрывали официальные костюмы. А костюмы были подобраны весьма в своеобразной гамме... Барон, Никита и Борька с Акимом, были в стандартных смокингах, Генка и Сокол в деловых костюмах, Тарасюк облачил свои короткие телеса в белую тройку от Версаче. Ну, а Таракан и Арканя переплюнули всех: они гордо сверкали малиновыми пиджаками, черными рубашками и зелеными бабочками в белый горошек. Да-а-а, наша компания была экзотической не только по одежде, но и вообщем... Борька был Аглицким банкиром, Аким Питерским - издателем, Никита - тенором в Ля Скала, Барон владел какой-то фирмой в Калифорнии, Тарасюк, по его словам, поставлял кофе из Украины в Рио, что, исходя из его личности, не казалось шуткой, Генка и Сокол выпускали модный журнал одновременно в Москве и тут в Вене, ну, а Таракан и Арканя гм..., были представителями теневой экономики в одном небольшом Российском городе. Вобщем, как перефразировал Жванецкого Барон - "Видно, что-то не так было у нас в Военных училищах". Банкет завертелся по-нарастающей. На столе появилось шампанское, господа офицеры чинно и по очереди танцевали с Эрикой, а когда она, перецеловав всех и всплакнув напоследок, вышла к ожидавшему ее мужу для сопровождения оным домой, то начался настоящий Русский банкет...»

Как бы было здорово, будь это все полностью в реале, но не все стулья за этим столом были заняты... Один из ребят будучи тяжело раненым, остался, прикрывая отход группы и подорвал себя гранатой, другой растворился в эфире вместе с пропавшим вертолетом, третий ушел в небеса в пламени взорвавшегося танкера, четвертый сторел в танке... Но пусть они останутся в вашей памяти выжившими и победившими.

Приходят и уходят политики, меняются границы и названия государств, но люди по-прежнему делятся на две части. Те, кому все равно и те, для кого существует Присяга.

"Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству. Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины - Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся".

В КАЧЕСТВЕ БОНУСА К НОВОМУ ИЗДАНИЮ:

Юмор в Камуфляже.

Сборник Курсантских, Офицерских и Академических баек

Буриме с полевым телефоном.

Военная байка

Это был не бой, но битва, и кипела она на бумажных полях Восточной Европы. В битве сошлись два генерала, им намекнули, что победитель первым получит следующую звезду на зигзаг, и генералы суетились не по-детски, напрягнув все связи.

Военные учения всегда носят некоторые элементы бардака, а Командно-штабные учения носят элементы бардака, говоря современным языком, виртуального, но охотно переходящего в реал.

Итак, что же такое КШУ... Генералы, в кои веки играют не живыми солдатами, а только стрелочками на карте. Приказы передаются вниз, по радио, по проводной связи и курьерами и каждый низовой штаб, получив ЦУ, ставит, в свою очередь, стрелочки на своих картах, и вся битва идет, затрагивая только штабных офицеров и часть обслуги.

Генерал Красных подкинул главному Наблюдателю вводную, по которой в разгар начала учений над полем битвы произведен высотный атомный взрыв, выведший из строя радиосвязь. Хитрый генерал имел на территории вверенных ему войск отличный резервный пункт проводной связи (на базе бывшего немецкого комплекса) и за счет этого надеялся всех обскакать, но у генерала Синих был кореш, который по совместительству был большим начальником в одной веселой Конторе, и несколько подчиненных ему офицеров, после краткого Академического курса, ожидали направления на практику, и практику им придумали ни где иначе, как в окрестностях штаба Красных. Приказ гласил о временном прикомандировании оных к штабу Синих, с целью выполнения учебного практического задания по проникновения в охраняемый периметр условного противника. Наш генерал объяснил нам задачу и дал всю нужную информацию, амуницию и документы. Мы должны были заменить собой расчет Резервного пункта связи и дезорганизовать его работу, и желательно с элементами издевки, ну, при такой поддержке и обеспечении, да еще на своей территории, для нас это были семечки.

Утром, в час объявления "атомной" вводной, у ворот штаба Красных стоял строгий капитан с повязкой наблюдателя, и чуть в сторонке маялось четверо

явных "пиджаков" и один старшина - "кусок" (ну, не могли же мы бросить Тарасюка одного).

И когда к воротам подрулила буханка КАВЗ-663, капитан властным взмахом руки остановил зеленый экипаж и стал брезгливо наблюдать за неуклюже вылезавшим на волю старлеем-связистом, в котором "пиджак" был бы виден даже ночью под танком (кто есть он, нам было сообщено заранее). Капитан представил старлею его новых людей, лениво рыкнул на робкие попытки непоняток, пресек робкую попытку связаться с командованием, и все быстро загрузились в автобус и поехали в пункт назначения, а через минуту на этом же месте стоял абсолютно такой же автобус, только за рулем был Птица в форме сверхсрочника, а связиста изображал Таракан. Когда из ворот, зевая и матерясь, выползли настоящие связисты, их по-быстрому загрузили в автобус и увезли на растерзания двум лекторам Главпура, от которых в штабе уже не знали куда деться, где и оставили. После чего Птица и Таракан вернули автобус на место и растворились на просторах ГСВГ.

Учитывая, что у старлея-связиста были нужные документы, наш автобус абсолютно беспрепятственно проехал к Узлу связи. Он находился посредине одичавшего парка, парк был на территории полигона и охранялся оный только снаружи. Парный пост у бункера был счастлив, что в нем больше не нуждаются и испарился, получив достаточно невнятную команду, а связисты, мы, занялись обживанием нового рабочего места. Наш сопровождающий технарь, хорошо знал свое дело, и именно он отвечал за работоспособность узла. Тут стоял кондовый, действительно, немецкий телефонный пульт, причем не старого типа «сунь-вынь», а более современного «щелк-щелк», был даже выход в город, как объяснил связист, односторонний, был даже городской телефонный справочник. Везде висели и лежали инструкции, написанные, по словам старлея, языком понятным даже для полных дебилов, сам он дослуживал последние месяцы и ему было все пофигу. Включив систему и проведя экспресс-занятие, он с радостью выслушал заявление наблюдателя, что по бункеру нанесен химический удар, и товарищ старший лейтенант условно убит и может идти отдыхать в одно из бытовых помещений бункера, а помещений этих было богато. Бункер был построен на славу и, судя по находкам Тарасюка, который притащил из какой-то дальней каптерки ящик пустых магазинов от Штурмгевера и каску в камуфляжном чехле, это была когда-то одна из структур Ваффен СС.

А мы тем временем приступили к работе, так как стали раздаваться первые звонки. Ну, что ж, товарищи Синие, дезорганизацию заказывали? Её у нас есть!

Итак, когда абонент говорил, мол, Береза, говорит Пятый, дайте мне Дуб, то Пятого соединяли с Осинкой и так далее. Одного занудного Вереска, который без конца требовал Ансамбль, мы подключали к городскому номеру местной филармонии, где на телефоне сидела гнетикен фрау, знающая целый ряд неформальных русских идиоматических выражений, и когда бедный Вереск на третий раз плюнул на кодовые обозначения и попросил майора Нетребайло, арийская старушка пояснила советскому товарищу, что если он еще раз ей позвонит, то даже камасутра покраснеет от того, что она сделает с герром Вереском.

Там, кстати, у связистов висела стенная газета, так Аким дорисовал ей заголовок "За Связь без Брака". Когда наступил финальный час "Ч", мы стали поочередно отключать абонентов, но перед этим, как было приказано, ввели элемент издевки: на вопрос по телефону мы решили устроить буриме, и телефонист отвечал в рифму, а после этого отключал абонента. А диалоги пошли знатные...

"Я - Пятый, дайте мне Дуб". - "А Дуб уехал в Клуб".

" Я - Седьмой, дайте мне Зеленый дол". - "Он лег спать, заболел и ушел".

" Я - Ольха, дайте мне Резеду" - тут даже стесняюсь воспроизводить ответ.

Короче, когда ржать уже было больно животам, мы прекратили дежурство и, не беспокоя закемарившего связиста, эвакуировались на своем автобусе, который честно вернули через час к комендатуре ВАИ.

А еще через несколько часов мы были в Ростове, чтобы принять к сопровождению очередной мирный груз, плывущий за моря на благо Мировой Революции"

Р.С. Много лет спустя мне довелось встретить того самого старлея-связиста. И он с благодарностью вспоминал нашу встречу, ибо после нашего отбытия примчались два разъярённых полковника, долго на него орали, но обвинить так ни в чем и не смогли, потому что по правилам учений приказ Наблюдателя обязателен к исполнению. Хотя политотдел придрался к не по-советски неприличному названию стенгазеты. Связиста, в результате, выпихнули со службы на два месяца раньше, чем он был безмерно доволен. Хотя сейчас, будучи совладельцем одного из Центральных Операторов Мобильной связи, вспоминает времена службы с ностальгией.

Пиджак – офицер, служащий в войсках после Гражданского ВУЗа.

В Эту Ночь Решили Самураи

Пограничная байка

Третий, и последний раз, Зеленые фуражки шерстили нашу машину уже у ворот Отряда. Подтянутые ребята, во главе с подошедшим позднее лейтенантом с повязкой дежурного, проверили наши документы и внимательно осмотрели машину и груз. Надо вам сказать, что погранцы вообще очень не простые ребята. Пока я с ними не пообщался, я об этом как-то не задумывался, но потом я смог узнавать их буквально по глазам, то есть - взгляд у них особый, этакая серьезная внимательность пулеметчика, ждущего атаку противника. И не мудрено. Безусловно, любой пограничник находится на передовой даже в мирное время, ведь за спиной - вся Страна, а впереди - граница, которая в любой момент может стать фронтом и, как я понял еще позднее, ощущение это остается у настоящего пограничника на всю жизнь. Но хватит лирики, а лучше расскажу о том, при каких обстоятельствах я с погранцами познакомился, а было это так...

Нам нужно было сопроводить объект из одного приграничного городка, причем, объект мог опоздать, плюс особо светиться в этом городке нам было ни к чему, и поэтому мы приехали туда в

официальном качестве, вместе с бригадой из одного "Почтового ящика". Бригада была прислана сюда для установки кое-какого хитрого оборудования в местном погранотряде. Барон был майором-военпредом, а остальные ребята - технарями разных уровней, причем, Аким выбрал имидж гражданского специалиста-раздолбая, ходил в мятом комбинезоне без знаков различия и, судя по его довольной роже, быть раздолбаем штатским на территории воинской части ему чрезвычайно нравилось. Роль свою он играл самозабвенно, в первый же день подошел к местному главному комсомольцу, попросил у него закурить, а потом пригласил размяться спиртяшкой.

Старший лейтенант Акимов был вообще натурой творческой и артистичной. Когда мы зависли в одной молодой республике (республика так и почилла в бозе, будучи юной), Аким сказался композитором, и на мотив песни "Кимирсен - наш любимый вождь", накатал вместе с Арканей Гвардейский гимн на немецком и французском. Так что, Аким с Арканей весьма в своем творчестве преуспели. В КНДР к делу пролетарской пропаганды относились очень серьезно, в частности - некоторые Корейские красные композиторы учились в ГДР, и армейские песни у них получались поэтому некой смесью ГДРовской эстрады и раннего Элвиса. Когда лихие гвардейцы Ибибио, сверкая мундирами и топая босыми ногами (ботинки выдавались только на парад и развод караула), маршировали мимо нас с корейско-немецкой песней на устах, мы буквально рыдали, и только Тарасюк, мечтательно жмурясь, назвал эту пискню гарной, на что Аким подозрительно-победно сказал, ставшую крылатой, фразу: "А ведь вы кореец, Тарасюк", - на что получил мгновенный ответ: - "Я не кореец, я - старшина!" -

Впоследствии, при заполнении деклараций в графе национальность, данное звание в качестве оной стало не менее популярным, чем слово *Да* в графе *Sex*.

Короче, мы делали вид, что помогаем монтировать шкафы с аппаратурой, а сами ждали нужной нам оказии. Мы находились на так называемой дальней хозтерритории, и начальство там бывало редко, а когда бывало, то подвергалось моральной агрессии со стороны Акима, который будучи штатским рабочим в аморальном поведении себя не ограничивал. Особенно Акиму нравилось гнобить одного проверяющего в чине капитана. Он уже неделю шастал по всем территориям отряда (на границу его, естественно, никто не пустил) и проверял морально-политический уровень бойцов. Капитан Поздняков не только был арбузом*, но, к всеобщему презрению, еще и боялся собак, так что, не зря все местные за глаза звали его Чмо. Напротив части была чебуречная, и связистки любили бегать туда за чебуреками. Одну из них остановил Поздняков и стал неуклюже знакомиться. Девушка оказалось в затруднительном положении... И послать

старшего по званию нельзя, и надоел уже в первую же минуту, но на помощь пришел Аким. Он вальяжно поприветствовал девушку, и, выяснив, что она купила 10 чебуреков, послал ее купить еще два. В ответ на недоуменный взгляд он объяснил, что для сборки кошки требуется минимум двенадцать данных изделий, девушка, хохоча, убежала, а Аким покровительственно сказал капитану:

- Вот такой конструктор, приятель, - купи двадцать чебуреков и собери кошку.

А когда капитан удивленно заметил, что в первой версии нужно было двенадцать, Аким покровительственно добавил:

- Ну, ведь первые восемь ты съела.

В общем, в ожидании каждый развлекался, как мог, тем более, что оказия опаздывала уже на три дня, и Барон потихоньку начинал внутренне беситься. А тут еще так сложилось, что капитан Чмо стал испытывать к нам жгучий интерес, особенно после того, когда засек Акима, Таракана и Арканю играющих в Драйв-покер на спички и сыпящих английскими терминами. Он быстренько доложил местному командованию о подозрительных технарях, но, естественно, был вежливо послан и по живости характера решил провести расследование сам, и его квадратная морда появлялась в самых неожиданных местах и в самое неожиданное время. Даже дипломатичный и спокойный Тарасюк ворчал:

- Що він увесь час бродить, як ворона по смітнику?

К этому времени данный вечный Шуруп** с квадратной мордой и маленьких очечках достал в Отряде всех. После того, как он подкрался к молодому, стоявшему на посту, и до заикания его напугал (солдатик получил за это три наряда с неофициальной формулировкой - "За то, что своевременно не открыл огонь"), капитана Позднякова ненавязчиво вытеснили из Отряда на периферийные территории, где он тоже преуспел и добрался, наконец, до нас. Это его и погубило. Последней каплей было его предложение Барону занять вверенных ему сотрудников не буржуазными картами, а здоровыми советскими шахматами. А Барон шахматы настолько терпеть не мог, что даже Аким опасался его прикалывать на эту тему. Виной тому был один случай из курсантской жизни. Вечером, в субботу, Барон и Аким сидели в Ленинской комнате и играли в шахматы. Сама игра была им до фени, они ждали Борьку, для того чтобы вместе с ним отправиться в общежитие консерватории, дабы поднять тамошним курсисткам военно-политический уровень, и Ленкомната была наиболее удобным местом, куда в это время вряд ли кто-нибудь заглянет, но это только так казалось... Внезапно в комнату вошли наши Генерал и замполит. Генерал радостно провозгласил: "А ты говорил, что нет талантов! Вот они и поедут на чемпионат!".

Как выяснилось позже, от нас надо было послать кого-то на чемпионат Округа по шахматам, и, мало того, что послали нас, нам с

Акимом еще сказали, что, ежели, зайдем призовое место, то нам сделают МС, а если нет, то сгноят без города всю роту. Такая вот круговая порука, блин. Мы, естественно, выиграли, но неприятный осадок остался. Так вот, после всего этого, Арбуз имел неосторожность предложить Барону сыграть в шахматы...

Надо сказать, что многоплановый розыгрыш капитана Позднякова шел уже давно. Ему периодически подсовывали информацию, что на сопредельной территории со времен войны существует анклав, где до сих пор держит оборону одна из дивизий Квантунской армии. Но это жуткий секрет, и об этом запрещено даже думать, а не то, что разговаривать. Пограничники радостно участвовали в мистификации и лишь завидя Позднякова, начинали разговор о том, что опять японцы похитили место, но резко замолчали, когда капитан к ним подходил. Несчастное Чмо пару раз рыпалось к начальству, где, естественно, никто не понимал о чем идет речь, и Арбуз понял, что тут творятся темные дела, и это надо будет, естественно, отразить в отчете. А тут подоспела оказия, и в свете этого, сующее везде свой поганый нос Чмо, нам было тут не нужно, и его надо было срочно нейтрализовать. В общем, операция "Арбуз" вступила в активную фазу. Тарасюк получил приказ изыскать бутылку дешевого портвейна, арбуз, веревку и мешок. Изъять в мирном городе в мирное время человека и немножко его нейтрализовать было для нас не вопрос, так что прогулка капитана Позднякова по вечерним пенатам окончилась для него мешком на голове и кляпом во рту. Часа два его возили по городу, периодически вытаскивая из машины и волоча десяток другой метров по земле, раза три перекидывали через забор, полчаса держали в ванной и, включив воду на полный напор и запустив фен, изображали форсирование Амура.

Предпоследним актом трагикомедии был допрос красного партизана в ***Кемпейтай. Не снимая с головы мешка, пленному Позднякову объяснили, что он находится на *телитолии контлолилуемой Императорской алмией* и, если он не ответит на все вопросы, то его скормят собакам, а потом сделают харакири. Аким и Таракан в те минуты, когда им не надо было изображать японцев, изображали рвущихся с поводков собак. Барон успокаивал их, говоря: "*Нэ натто такк лляятть, соптакки. Скоррро путет мнокко ням-ням*", - после чего собаки начали хрюкать, и к ним присоединился сам Барон, который понял, что от смеха он вместо японского акцента заговорил с эстонским. В результате допроса выяснилось, что Чмо абсолютно не изучал матчасть. Он ответил, что в магазине Калаша - десять патронов, он был не знаком с реалиями приграничной зоны - не знал количество собак, охраняющих городскую баню, а так же, то, что данный капитан точно не знал, как зовут Генерального секретаря ЦК КПСС - одна из версий звучала, что секретаря зовут Владимир Ильич. Ну, а в ответ на требование произнести здравицу Императору Ямато, он и вовсе

крикнул нечто похожее на хайль. Но все хорошее, к сожалению, кончается, и подошло время уезжать. На прощанье бедному капитану положили на колени бомбу и строго на строго наказали не шевелиться, если он, конечно, хочет жить, и угостили напоследок стаканом другим портвейна со снотворным...

Ранним утром часовой сообщил дежурному офицеру, что на внешней границе охраняемой территории кто-то сидит у дерева. Дежурный наряд обнаружил мирно дремлющего человека с мешком на голове, а когда мешок сняли, оказалось, что это был капитан Поздняков. Первые его, пахнувшие дешевым перегаром, слова были: " Товарищи японцы, где тут можно пописать? "

На коленях у него лежал арбуз....

А мы в это время были уже в воздухе, нас ждал Палдиск. Большая все-таки у нас была тогда страна. И весь полет Тарасюк возмущался: " Такой гарний кавун витратили на якого-то бродячего дурня ".

После демобилизации и Перестройки капитана Позднякова занесло аж в Нью-Йорк. Там он работал у тестя в японском ресторанчике. Жалеет страшно.

ПРИМЕЧАНИЯ.

*Арбуз – офицер, пришедший в Погранвойска из армии, то есть - снаружи зеленый, а внутри-то красный.

**Шуруп – военнослужащий, не пограничник.

***Кемпейтай - военная полиция и разведка японской Императорской Армии времен второй Мировой войны. *Кемпей-Тай* - название это происходит от двух иероглифов - "Солдат" и "Закон", которые солдаты этих подразделений носили на нарукавных повязках. Первое подразделение Кемпей-Тай было создано высочайшим указом Императора Мэйдзи в 1881 году.

Геттисбергская тачанка, Все четыре колеса!

Байка из жизни "Академиков"

У нас в Академии был один "вечный" капитан при хозчасти по фамилии Морошкин. Он был известен следующими отличиями...

Во-первых, будучи юным солдатиком, он участвовал в конвоировании через Москву колонны немецких пленных в 1944.

Во-вторых, каждый день выпивал три стакана водки (в пятницу - четыре) и при этом был ни в одном глазу и даже запаха не было. О его секретном составе по отбиванию запаха перегара под ноль в Академии ходили легенды, но список лиц, имеющих доступ к оному эликсиру, был строго засекречен. По косвенным уликам был изобличен майор из гаража. Во время парада, будучи в оцеплении, он назюзюкался до беспамятства. В кармане его шинели были обнаружены пустые бутылки из-под водки и коньяка, но перегаром от него не пахло. В санчасти поставили диагноз - солнечный удар (парад был 7 ноября), и все спустили на тормозах. А капитан, надо сказать, пил отнюдь не казенку, а исключительно деревенский самогон, причем, двойной перегонки, тройной очистки и настоящий, вдобавок, на смородиновых почках, - эту амброзию он гордо называл "Моя ягодка".

В-третьих... Это пойло доставляли ему из подшефного колхоза, а так как заодно оттуда же, от сдружившегося с капитаном председателя, шел для узкого круга начальства поток закусона, типа - соленых мелких хрустящих огурчиков (в процесс изготовления которых входило опускание бочонка в зимнюю прорубь); капустки квашеной с клюковкой и антоновкой, а так же провесные окорока, сало земляной засолки, леши, ранняя клубника и т.д. и т.п., то, естественно, ему многое сходило с рук: капитан был в шоколаде, и начальство благосклонно закрывало глаза на еще одно его хобби - изготовление оловянных солдатиков и исторических миниатюр.

В-четвертых, у капитана была мастерская в подвале, и даже небольшой выставочный зал, и он там проводил все свое свободное время. А его личную выставку показывали даже почетным гостям Академии. Бывали, конечно, накладки, как, например, с миниатюрой "Разгром пулемётным полком Анархистов кавалерийского корпуса ген. Барбовича". Капитан честно сваял атаку махновских тачанок на конницу белых, этот случай действительно был в истории, и махновские пулеметчики сделали из беляков салат с озерными грибами, сделав неизбежным взятие Крыма. (Нет, не зря все-таки Махно дали в свое время орден Боевого Красного Знамени из первого десятка номеров.) Но политотдел пришел в ужас, и капитану, с помощью добровольцев, пришлось всю ночь перекрашивать махновцев в буденовцев. Но

главная хохма была при встрече делегации генералитета ННА ГДР. Их привели в казематы капитана вечером в пятницу уже после употребления им четвертого стакана "ягодки". Кто помнит, форма у ГДРовцев была один к одному, как у Вермахта, так что, когда немцев ввели в выставочный зал военных миниатюр, капитан сначала прибалдел, а потом, решив, что опять привели пленных немцев, решил показать фашистам, кто они есть на самом деле. Гордо подвел компанию немецких генералов к звезде своей коллекции и картинно сдернул покрывало. Перед глазами земляков Фельдмаршала Кейтеля открылась закопченная громада Рейхстага. На ступенях и у колонн ликовали победители, а вокруг, среди подбитых "Тигров", в живописных позах густо лежали фигурки в мышинных мундирах, фельдграу всех видов и черных кителях СС.

Тишину нарушил хрюкнувший Аким, привлеченный в качестве переводчика. Он увидел среди красных флагов победы над разбитым куполом маленький флажок ГДР. Когда через полчаса разъяренный замполит привел в подвал заместителя начальника Академии, ни капитана, ни флажка уже не было. Одного увели спать, другого спрятали в карман. А теперь перейдем к главному событию этого повествования...

У капитана Морошкина был друг - подполковник с Военно-исторической кафедры по фамилии Калибров. Они сошлись на любви к Военной истории и понимании того, что в своих чинах они застряли до пенсии. Сыграла тут роль, конечно, и "ягодка", под хорошую закуску, естественно. Подполковник очень любил возиться в тактических ящиках с песком, где с помощью капитана декорировал сражения из нашего героического прошлого, а по ночам их переигрывал. Иногда они играли с Морошкиным друг против друга, и капитан все время проигрывал. Зла за это на приятеля он не держал, но неприятный осадок оставался постоянно. Подполковник Калибров, кстати, весьма не любил Кутузова. Он считал, что Бородинское сражение можно было выиграть, и ни в коем случае нельзя было оставлять Москву. И хотя, как истинный представитель Советской Исторической Науки, он свято верил в то, что история не может иметь сослагательных наклонений, Бородинскую битву подполковник переигрывал неоднократно, причем, в чине фельдмаршала, ну, и Наполеону там, естественно, каждый раз доставалась.

У Капитана тоже был свой исторический бзик. Он очень двойственно относился к Южанам времен Гражданской войны в США. То есть, с одной стороны Конфедераты - это рабовладельцы и враги прогрессивного человечества, ну, а с другой стороны - они защищали свою землю, свои дома и вообще воевали против США - ныне потенциального противника, значит, солдаты генерала Ли -

почти союзники. А уж после того, как в результате экскурсии в подвал-музей делегации африканских борцов за свободу с ряда стендов пропало несколько фигурок, для Морошкина все стало ясно окончательно. По этому поводу капитан потихоньку стал готовить для миниатюры, посвященной Геттисбергскому сражению, армию генерала Ли и, естественно, армию генерала Джорджа Мида тоже. А подполковник Калибров, снизойдя к просьбе старого приятеля, подкрепленной литром "ягодки" и банкой "копеечных" опять, назначил на вечер последней субботы месяца их персональную Битву при Геттисберге. Помогать капитану, естественно, взялись мы с Акимом. Во-первых, нам было забавно и интересно, а ввиду того, что по ряду причин мы жили в общежитии Академии и не имели выхода в город, свободного времени у нас было предостаточно. Ну, и, во-вторых, мы искали любую возможность поддеть педанта подполковника, достававшего нас на занятиях своим догматизмом (тем более, что моя хохма с флагом ГДР на Рейхстаге ударила мимо). Подполковник Калибров, кстати, был вдобавок официальным куратором подвала-музея по военно-исторической части.

Итак, мы с головой погрузились в процесс. Готовя перенос плашек с подразделениями конфедератов и их визави в тактический ящик, мы бурно обсуждали нюансы решающей битвы Севера и Юга, и Аким, бросив взгляд на стенд с боем бывших махновских тачанок с белой конницей, сказал с сожалением в голосе:

- Вот бы под Семетри Ридж сотню тачанок, и кранты тогда генералу Ханту.

Капитан Морошкин вскинулся было, но как-то сразу привял обратно...

- Так пулеметов еще не было, - уныло сказал он, и тут в разговор вступил я.

- Во-первых, картечница Гатлинга была запатентована в ноябре 1862, во-вторых, бельгийский фабрикант Монтиньи создал митральезу в 1851 году, так что при инициативном человеке и должном финансировании, сделать сотню другую митральез к июлю 1863 года вполне реально.

- А на что их устанавливать? - с надеждой спросил капитан Морошкин, и получил вальяжный ответ от Акима:

- Так, товарищ капитан, была такая веселая тележка под легкомысленным названием "вагонет", подрессоренная, восьмиместная, и уж на Юге ее прообразы, наверняка, применялись, - ставим туда митральезу и зольдатен фойер. Две колонны по сто тачанок, - это 200 стволов по 13 мм., они дадут 200 выстрелов в минуту, то есть - сорок тысяч пуль по проклятым аболиционистам каждые шестьдесят секунд.

- Так у Ханта там, на хребте, двести орудий, они раздолбают повозки издалека, - борясь, с надеждой, произнес Морошкин, но тут снова вступил я.

- А кто сказал, что к позициям противника надо подойти спереди? - и, насладившись восхищенными взглядами коллег, добавил:

- И вспомните, товарищи офицеры, как Махно взял Екатеринослав. Сотни телег с капустой, приехавшие на рынок, оказались тачанками. Так кто нам мешает накрыть вагонеты парусиной и притвориться обозными фургонами? А чтобы было еще незаметнее, рядом с езовыми посадим кафров. Ведь были среди черных рабов сторонники Юга?

Немая сцена, как в Ревизоре, моментально сменилась бурным обсуждением будущей операции. Задачи было две, техническая и оперативная. Техническая касалась изготовления вагонетов и производства моделей митральез, ну, а оперативная составляющая часть плана, имеющая в виду реальное применение тачанок в сражении и, в первую очередь, приближение к тылам генералов Ханта и Ховарда, была уже, в основном, решена благодаря моему стратегическому гению. Пришлось, конечно, поломать голову над тем, как внедрить в войска подполковника (он командовал Северянами) левые обозы конфедератов, но решение нашлось простое и гениальное.

Ну, а с техникой все сложилось более-менее. У капитана были завалы заготовок для гужевого транспорта, а митральезы сделали из заготовок для пулеметов. На маскировочную парусину для фургонов капитан не пожалел новую казенную простыню, и в расчетное время айне и цвайне колонны имени Гера Гатлинга были готовы к бою.

И вот наступил канун 1 июля 1863 года, вернее, последней субботы этого месяца. Поле битвы было готово. Аким ассистировал капитану, а я (в качестве засланного казачка) товарищу подполковнику. Я, согласно указаниям командующего, переставлял группы фигурок и ненавязчиво подтягивал две колонны обозных фургонов, соответственно, к Семетри Ридж и тылам Ховарда. И вот, когда конфедераты генерала Пикетта пошли в свою смертельную атаку, и подполковник Калибров уже готовился отдать приказ своей артиллерии смести мятежников, как капитан скомандовал срывающимся голосом:

- Митральезы, вперед!

Аким гордо перешел на мою сторону стола, отодвинул меня в сторону величавым жестом и стал быстро снимать белые верха у фургонов. В тылу Северян хищно ощетинились десятки смертоносных стволов, и артиллерия Ханта и подразделения Ховарда были выведены из строя. Войска Южан перешли в атаку по всему фронту, и генерал Ли победил.

На подполковника Калиброва было жалко смотреть. Уже час он метался кругом ящика с песком, ставшего полем его позора, но любые его атаки разбивались о железные аргументы противников. В конце концов, подполковник должен был согласиться, что и технически и оперативно присутствие на поле боя данных подразделений, в данное время и с данным вооружением исторически и технологически возможно. Забыл сказать, что по нашему настоянию капитан предложил подполковнику сыграть этот бой на ящик коньяка. Мы обещали при этом, что если капитан проиграет, то оный ящик поставим мы. В общем, наши победили ихних...

Подполковник Калибров, конечно, не забыл, кто коварно внедрил фальшивый обоз на поле битвы и с нетерпением графа Дракулы, ждущего молоденькую девственницу, ждал экзаменов, но меня на них он не увидел, впрочем, как и Акима тоже. Мы к тому времени находились уже далеко от Москвы, и наши тамошние экзаменаторы находились от нас по другую сторону мушки.

М. РУДЕРМАН, 1936 год - лейтенант Акимов, 1974 год

Ты лети с дороги, птица, Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клубится, Кони мчатся впереди!
И с налета, с поворота, По цепи врагов густой
Застрочит из митральезы Лузианец молодой.

Привет:

Эх, тачанка-алабамка, Наша гордость и краса,
Арканзаская тачанка, Все четыре колеса!

Эх, за жаркой Чаттанунгой Мчался степью золотой
Загорелый, запыленный Митральезчик молодой.
И неслась неудержимо С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма, Грива бури и огня.

Привет:

Эх, тачанка-лузианка, Наша гордость и краса,
Каролинская тачанка, Все четыре колеса!

По земле грохочут танки, Вертолеты петли вьют,
Джефферсоновской тачанке Оду летчики поют.
И врагу поныне снится Дождь свинцовый и густой,
Боевая колесница, Митральезчик молодой.

Привет:

Эх, тачанка-джоржианка, Наша гордость и краса,
Тенессийская тачанка, Все четыре колеса!

ХАЗБУЛАТ УДАЛОЙ

Дорожная байка

Навеяло...

В одном буржуазном порту, этак 4 июля 197* года, группа Советских "торговых" матрозен отмечала день варенья боцмана. В этом же кабаке за соседним столиком сидели Американские матрозен, бывшие, для разнообразия, Морпехами. Наши, после нескольких бутылей вискаря, грянули любимую песню боцмана - «Хазбулат удалой, где ж ты бросил коня...». Морпехи, услышав мотив, встали по стойке смирно, положив правые руки на грудь. Мы, придя в восторг от такого уважения к Русской культуре, послали им две бутылки Скупа, одновременно и встречно от них тоже пришла бутылка. Естественно, пришлось сдвинуть столы. Я произнес прочувствованный тост, про то, что рад тому, что простые Американские Энцины хорошо знают и уважают Русскую культуру и фольклор. На что Энцины возмущенно заявили, что это они в восторге от знания польскими матрозен Американских реалий и уважения их к САСШ и их традициям. Мы были сильно удивлены. Ну, ладно, что Американцы приняли нас за Поляков, не привыкать, все-таки дикий они народ. Но какое-такое у нас уважение к ихним традициям?

Как выяснилось в процессе дальнейшей беседы, сегодня был Главный Американский праздник - "День независимости", но это было еще не все... Гимн США имел ту же мелодию, что и Русская народная песня - "Хазбулат".

Дурят нашего брата!

А боцмана после этого, почти полгода все звали Абрам Линкольн.

КУКЛА СУОК, КАК СИМВОЛ ТЕОРИИ ЗАГОВОРА.

Байка из жизни "Академиков"

В учебном плане одной из кафедр нашей Академии присутствовала довольно таки интересная известная, но не поименованная спецдисциплина. Но читал ее, увы, абсолютно казенный, по своей сути, препод - подполковник Масов. Он умудрялся интереснейшую информацию подавать настолько пресным языком, что местные мухи впадали в спячку уже в начале лекции, несмотря на солнечные весенние деньки. Ну, а несчастные "академики", теряя нервные клетки, переводили казенные периоды в конспекты, пытаясь предать им хоть немного читабельно-усвояемый вид. Небольшой отдушиной были обсуждения материалов в конце лекции, правда, пару раз туда забредал майор – политотделец, и пытался устраивать политинформации, но мы с Акимом быстро его отвадили. Товарищ майор любил блеснуть знанием первоисточников, и на этом же его и подловили. Аким туповато-хитроумными вопросами подвел товарища майора к теме "Политики компромиссов" в работах Ленина. Майор радостно зачирикал о работе "Детская болезнь "левизны" в коммунизме", а я преданно добавил, что Владимир Ильич и в жизни использовал разработанную им же теорию... Политработник заинтересованно спросил, а что же я такого имел в виду... На что я, истово выпучив глаза, доложил, что 19 ЯНВАРЯ 1919 года около 17 часов В. И. Ленин с сестрой Марией Ильиничной, в сопровождении шофера С. Гиля и сотрудника личной охраны И. Чабанова, выехал в лесную школу на детский праздник, но их машину остановил известный бандит Янька Кошельков, и, несмотря на наличие личного оружия, Владимир Ильич отдал бандиту:

1. Револьвер марки браунинг - 1 штука.
2. Бумажник с деньгами и документами 1 штука.
3. Автомобиль марки Рено - 1 штука.

... Но, как только машина уехала, он сразу же организовал погоню. Шипящим и срывающимся голосом заикающейся змеи, побагровевший майор спросил, раздуваясь челом и сверкая очами, откуда, мол, вы товарищ старший лейтенант, взяли этот бред? В ответ на это я, безмерно загрустив, вытащил из портфеля томик под названием "Записки коменданта Московского кремля" Павла Малькова. Эффект был потрясающим. Книжка, кстати, довольно забавная, если уметь читать между строк. Морячку Малькову помогал ее писать близкий родственник Луначарского, а Наркомпрос был в контрах с Бонч-Бруевичем, который был

управляющим делами Совнаркома. И в книжке Малькова периодически идут весьма тонкие намеки, что Бонч стучал на всех Ильичу, типа - прихожу докладывать Предсовнаркома об очередном ЧП, а там уже сидит Бонч. Забавная, надо заметить, была у товарища Малькова работа.

Но вот наступил момент, когда товарищ Масов перешел в своих лекциях к "Теории заговора", и тут у подполковника проявился следующий бзик... Он искренне считал, что в тридцатых годах XX века в стране был буквально клубок заговоров, и особенно среди интеллигенции. Особенно доставалось от бдительного преподавателя "инженерам человеческих душ" - советским писателям. И тонким флером проходила мысль, что НКВД зря не сажало, и, в буквальном смысле слова, не всех, кого надо, посадило. Тут я не выдержал и, естественно, испросив разрешения, высказался на тему, что кухонные посиделки заговором не являются, а в любой, даже детской книжке, можно найти и притянуть за уши махровую антисоветчину, которая на самом деле оной не является. Вот хотя бы Тараканище... Ведь Корнея Чуковского чуть не загнобили, за то, что в Тараканище кто-то увидел образ Иосифа Виссарионовича. И тут я попал. Подполковник, уязвленный в своих самых святых чувствах, потребовал, чтобы я доказал свой постулат. А подколотая и пригретая на моей широкой груди змея по имени Аким, выдала предмет для литературно-поэтического анализа, и это были не больше, не меньше - "Три толстяка" Юрии Олеши. Потом, конечно, Аким говорил, что эту книгу он выбрал специально, чтобы мне помочь, и ни сколько не сомневался, что именно там я найду кучу нужного материала, но все равно - зуб на него я нарисовал.

Итак, аудитория замерла в предвкушении представления, ибо народ знал, что пусть даже я проиграю в диспуте, то интересно будет по любому. Как известно из классиков, чувство ужаса и любые другие эмоциональные всплески обостряют умственные способности, и у меня они обострились... Нет, честно говоря, идея, выданная мною на гора, потрясла своей бредовостью даже меня, но как говорится, – из песни слов не выкинешь. А выдал я следующее...

- Это элементарно, товарищи. Что мы видим в данной сказке? Революция, которая удалась со второго раза, явный намек на 1917 год. Один из главных положительных героев книги - народный вожак и трибун Тибул был вождем в революционных боях, но после победы революции удалился в эмиграцию, - явный намек на товарища Лейбу Бронштейна. То есть, налицо прославление роли Троцкого в Великой Октябрьской Революции. В те времена - это явное "Особое совещание" для всех, включая наборщиков в типографии и продавцов в книжных магазинах. Хорошо, никто из ГУГБ не обратил внимания на дебильные доносы, которые просто

не могли отсутствовать, а ведь могли и обратить. А теперь до кучи могу разобрать и сюжет сказки Буратино, как диверсию Итальянских фашистов против морали пионеров и октябрят, и как доказательство латентной педофилии Дуче. Хотите?

- ДА!!! - мощным хором грянули слушатели.

- Нет!!! - панически выкрикнул подполковник Масов.

А Акиму я страшно отомстил. Я распустил слух, что он выбрал "Трех толстяков" именно потому, что с детства был влюблен в куклу Суок. Отгадайте теперь, какое прозвище он получил после этого?

Прошли годы. Не стало Советского Союза, а заодно - и нашей Конторы, и этой Академии. И тут в одном печатном издании мне попала аналитическая статья на тему репрессий тридцатых годов, где данные перегибы оправдывались ситуацией и массой врагов Советской власти во всех слоях общества. И, как пример скрытой антисоветской пропаганды, была приведена сказка Юрия Олеси. Фамилия автора статьи была Масов...

Оказалось сын. Да-а-а, яблочко от вишенки далеко не укатилось...

Пляжный Преферанс Под Шум Вертолетов

Офицерская байка

Мы коротали время на одной подмосковной Военной базе. Груз был оформлен и упакован, но была задержка с транспортом. А так как было лето, хорошая погода, а на территории военного городка был приличный водоем, то мы использовали вынужденные выходные по полной программе. Если офицеров не меньше трех и не больше четырех, и им нечем заняться, то в дело идут алкоголь и преферанс. Преферанс - это ведь вообще песня, тем более, что как говорил Барон, это не столько игра, сколько образ мышления. Ну, а алкоголь, малыми дозами, полезен в любых количествах, но.... Нас было пятеро. Увы! Четверо игроков были при деле, но пятый лишний, ожидая очереди, всем жутко мешал. Он лез с советами, разливал водку так часто, что это сбивало сдачу, и еще вдобавок ко всему, был не доволен тем, что после его вылета, мы расписали не тридцатку, а сотню. Надо добавить, что пятым оказался лейтенант Лебедев, а личностью он был своеобразной и даже несколько шепутной. Как-то в курсантские времена, он, будучи задержанным альгвазилами по подозрению в избиении группы хулиганов, радостно заявил на очной ставке: " Вот видите, они же меня не узнали. " А потом благополучно скрылся от

приехавшего за ним комендантского патруля на их же машине. Короче, надо было что-то делать. Заговор созрел в пять минут, и секретная операция по локализации объекта Лебедь началась немедленно. Короче, был кинут клич окунуться, и пять офицеров с не здешним загаром (вельми привлекавшим окрестных пейзажников из военных семей и обслуги), оглашая окрестные воды молодецкими криками, посыпались в воду. На берег вылезло уже только четверо. Нет, мы не утопили нашего друга, но лишили его весьма важной части туалета, кроме которой на нем ничего вовсе и не было. Короче, мы умыкнули с него плавки прямо в воде. Юра хоть и был пьяным офицером, но в глубине души был человеком воспитанным и, учитывая большое количество лиц женского пола на берегу, лейтенант стоически оставался в воде. Но мы же не звери какие, и поэтому после каждой сдачи к одинокому страдальцу отправлялся "слепенький" с картонной тарелкой, на которой стоял картонный же стаканчик водки и скромная закуска. Причем, гонец приближался ровно настолько, чтобы еле-еле коснуться краешком тарелки до кончиков пальцев Робинзона Лебедева (именно в этой транскрипции мы теперь поднимаем за него тосты), ибо Юрка был сейчас опаснее, чем голодный тигр в клетке. И тут интермедия получила неожиданное продолжение. У соседей начались полеты, и в воздухе заревели турбины ТВЗ-117, над нами один за другим поперли "Крокодилы" с полными подвесками. Мы и так были ребята не плохие, а на данный момент и, совсем хорошие... Короче, мы вскочили на ноги и стали орать ура, размахивая руками. К нам присоединилась пляжная детвора, и вдруг я заметил, что окружающие женщины дружно начали смеяться, причем смотрели они не на нас, а в сторону озера и, что характерно, некоторые смотрели как-то искоса, а та-а-а-м... Лейтенант Лебедев, в припадке искреннего патриотизма и гордости за родные ВВС, размахивая руками, кричал ура, периодически выпрыгивая из холодных вод гораздо ниже пояса, хотя и не ниже колена, а кругом него, как спутники вокруг Нептуна, плавали бумажные тарелочки и стаканчики. А вертолеты все летели и летели...

Когда мы отсмеялись и утерли слезы, к герою была направлена делегация по примирению и возвращению плавков, водка так же присутствовала. Когда обмундированный лейтенант вышел на берег, окружающий народ встретил его аплодисментами. А две скачущие гарнизонные дамы пригласили героя научить их играть в преф. Вернулся лейтенант только утром.

Но Робинзоном Юрка был после этого, ну, очень долго.

Темна вода в облацех Академическая байка

Однажды нам повезло попасть на переподготовку в одну хитрую Академию. Мы, естественно, особо не сопротивлялись, ибо летом потусоваться пару месяцев в столицах было вельми неплохо, особенно после года напряженной службы. Занятия были не сильно обременительны, но тут пришел приказ - пройти миниспецкурс по химии. Правда, грело, что в гражданском ВУЗе, но по части самого спецкурса, мы несколько приуныли. Ладно, там вести конспекты, это как раз не проблема, добрых людей среди студентов хватало, но были еще и лабы. Сама лабораторная была простой, тем более для нас. Мы могли бы сами продемонстрировать штатским преподам, что можно сделать, посетив аптеку и пару хозяйственных. Джеймс Бонд и Нобель удавились бы от зависти. Но по лабе надо было заполнять кучу бумажек, а это уже было скучно и просто нехорошо. Итак, наша бравая четверка зашла в лабораторию, заняла свои места и обреченно стала ждать начала действия. Впереди нас ждали две "пары" и куча бесполезной писанины. Учебное помещение потихоньку заполнялось студентами, среди которых попадались студентки, и вдруг мой наметанный глаз засек невзрачнейшую лаборантку в очечках-бочоночках. Эта незаконнорожденная племянница Менделеева с восхищением, переходящим в вожделение, смотрела на старшего лейтенанта Баринова. Сережка был среди нас самым красивым (даже красивее автора этих строк... Шутка!), и девицы на него частенько западали, но тут нашему Казанове пришлось пострадать за «общество». Я толкнул Сергея локтем и кивнул на его будущую жертву. Он в ужасе отпрянул. Я показал ему кулак, Аким и Таракан тоже сделали недвусмысленные гримасы и жесты, и бедный старлей с видом кота, влекомого на кастрацию, пошел выполнять свой товарищеский долг. Долг был выполнен с лихвой. Мы заполнили титульные листы работ, и передали счастливой Дульсинее, (когда мы узнали, как зовут малышку, на всех на нас напал приступ кашля. А когда мы представлялись сами, Аким не выдержал и, щелкнув каблуками, назвал себя Александром Ламанчским). Короче, дело было на мази, у нас было три часа свободного времени и мы пошли гулять по летним улицам Москвы. Первой мыслью было выпить пива, но в годы развитого Социализма с приличными пивными был напряг, а в гадючники нас как-то не тянуло. Второй мыслью стало купить в магазине бутылочного пива, но его также не было, зато была бутылочная водка. Полузаброшенный парк рядом со старым кладбищем послужил нам бистро, ну, а потом любознательность привела нас на кладбищенские аллеи. Кладбище было старым и уже не действующим, среди деревьев таинственно высились старинные склепы и мы заспорили по поводу надписи на одном из них. Написано было вроде бы на церковно-славянском, но не

все буквы читались и мы впали в схоластическую дискуссию. Таракан, как главный полиглот, утверждал, что это был старопольский язык, на что получил от меня достойную отповедь о том, что на Православном кладбище не хоронят Католиков. Таинственную надпись, трое из четверых исследователей, стали трактовать как "Темна вода в облацех", но упрямый и любопытный Аким настоял на том, что надо открыть двери саркофага и заглянуть внутрь, дабы поискать косвенные улики, подтверждающие чью-либо позицию. Как только мы с этим согласились, началась явная Булгаковщина. В ветвях старых деревьев зашумел ветер, неизвестно откуда появившаяся тучка заслонила солнце, и вокруг явно стемнело. Потом мы признались друг другу, что немного не по себе стало тогда всем, но гонор не дал отступить. Страшно заскрежетав, распахнулись чугунные ворота, и из темного провала на нас бесшумно вылетело нечто ужасное...

Аким ушел влево с переворотом, Барин залег за мраморной гранитной плитой и стал искать автомат, которого у него не было. Я, уходя с линии огня, резко забираю влево, где заметил толстенное дерево, увидев за которым нечто вроде воронки, радостно пригнул туда. А Таракан был, как всегда, на высоте. Выхватив метательный нож, выполненный под обсидиановую игрушку для разрезания бумаги, с которым наш друг никогда не расставался, он с криком метнул его в чудовище...

Бедная ворона. Последние секунды ее жизни были полны стресса, хотя, возможно, бомжи, мирно распивающие портвейн под сенью старого дуба, в момент моего падения на них испытали не меньшее потрясение. Пришлось в качестве возмещения морального ущерба, а так же в восполнения погибшей закуски и ста пятидесяти грамм портвейна, пожертвовать им пять рублей на ассигнации.

Учеба закончилась и снова пошла служба. Мы особо не вспоминали этот забавный случай, хотя однажды на стрельбах, на мишени Таракана появился листок с изображением вороны, и иногда экстремальные ситуации, обозначались нами не иначе, как именно фразой, написанной на том склепе.

Полгода спустя, мы на старом добром Додже 3/4 ехали в соседний городок, где находились советские геологи (действительно, геологи) и по данным разведки имели не целованный запас водки и черного хлеба. Мы с Тараканом сидели впереди, Аким и Барин с комфортом устроились в кузове на настоящем кожаном диване, подобранном в развалинах вестибюля губернаторского дома. Вдоль дороги тянулись похожие на кучи мусора Вельвичии, и мы не сразу заметили вдалеке какое-то движение. Это оказался джип, набитый подозрительными личностями, явно иррегулярного вида и оцетинившийся пулеметами. При более точном изучении объекта в бинокль на антенне была обнаружена тряпка именно тех расцветок, что использовались

инсургентами. Внезапно вражеское авто остановилось, и его пассажиры, вскочив с мест, стали оживленно тыкать пальцами в небо, а там величаво рассекал Ту-95РЦ. Мы с Тараканом переглянулись и хором произнесли: "Темна вода в облацех".

***

Мандарины для Кандализы Райс **(байка очевидца)**

У нашей конторы есть клиенты, которые родом из одной очень южной, очень молодой и очень жаркой республики. Практически нет такой страны, которая не имела бы в Москве свой интерес. Есть свой бизнес и у них. Наши пути пересеклись, когда мы делали им кое-какую рекламу в инете. Видимо, наша работа им пришлась по нраву, потому что в один из дней они обратились к нам за консультацией по одному информационному гуманитарному интернет проекту. Разумеется, и тут мы не ударили лицом в грязь. Моя консультация произвела неизгладимое впечатление на начальство, аж в самой "Стране Души". А после того, как я подправил им один благотворительный портал (*на халяву, естественно*) и кое-что присоветовал еще по паре э-э-э-э... информационных вопросов, я стал в этой солнечной республике вошще персоной грата.

Через некоторое время меня пригласили на пару дней «официальным гостем» (*за счет принимающей стороны*). Я, естественно, полетел. Не скрою, мне хотелось на месте увидеть, что же там происходит на самом деле. В процессе, так сказать, «гостевания», мы оказались в проблематичном относительно безопасности районе. Но поскольку там была свадьба племянника одного из приглашающих, отказаться было невозможно. Свадьба была, по меркам Апсны, скромная, не больше тысячи гостей. Жарко кипели десятки котлов с мамалыгой и мясом, издавая вызывающие аппетит ароматы. Блистал цветник местных красавиц. До начала ачары было далеко. Чтобы гости не сидели голодными, во дворе поставили столы с легкими закусками, сияющие красно-зеленым спектром великолепной и неповторимой аджики, которую семьдесят пять лет назад справедливо отметил сам великий Генералиссимус. Невесты еще не было, и ряд почетных гостей пригласили совершить моцион по местным красотам. Когда группа в составе двух сановных местных товарищей - нашенского мамамуши с двумя адъютантами и меня любимого - оказалась на склоне холма, обращенном в сторону потенциального противника, из зарослей саксаула, мандаринов, или там еще чего-то означавшего в тех местах «зеленку», по нам стал работать снайпер. Слава Творцу, снайпер относился к формированиям ближнего закордонья, которые

скорее напоминали не вооруженные силы, а большой мужской хор, и попасть в нас он не мог, даже если бы захотел. Тем не менее, народ пришел в боевое возбуждение. Местные джигиты азартно открыли огонь, мамамуши мужественно стал на четвереньки, а адъютанты героически закрыли его своими телами, присев на корточки. Я терпеть не могу быть инертной массой. В таких ситуациях – особенно. Короче, я сдернул автомат с ближайшего ко мне адъютанта, бахнул из подствольника в квадрат наиболее вероятного нахождения снайпера, и, взяв пример с абхазов, открыл огонь короткими и редкими (словно зубы старой девы – сладкоежки) очередями. Долго воевать нам не пришлось - набежали гости, охрана и ополченцы, которые, прочесав заросли, ямки и буераки, притащили к нам раненого снайпера. Мамамуши, уже подлеченный коньячком, (*коньяк после чачи несколько нарушил адекватность восприятия окружающего у сановного гостя*), приняв молодецкий вид победителя и присмотревшись к лицу снайпера, измазанному боевой косметикой, сделал открытие... Он стал радостно орать, что это негр-наемник из Америки, и что его надо срочно сфотографировать. Причем, слово «сфотографировать» он сопровождал жестом, имеющим явно эротический подтекст. Я хоть и был единственным трезвым в компании, но по живости характера не сдержался и во всеуслышание объявил, что наши поймали... Кандализу Райс, и что теперь мы все, как честные люди, обязаны на ней жениться. Ржали все, включая раненного пленного... Ну, а какое-то время спустя, нас с мамамуши наградили. Ему вручили что-то высокое и блестящее, а мне - солдатскую медаль... Вот так, благодаря интернациональному единению и бдительности, группы известных, но не поименованных товарищей, закордонные агрессоры и примкнувшая к ним Кандализа Райс, потерпели полное фиаско в своих зловещих планах.

Джек Лондон, как Теоретик Марксизма и племянник Энгельса

Военная байка

Однажды у нас получился незапланированный отдых на территории одной кадрированной воинской части. А там, как раз, шла какая-то окружная реорганизация, и всем было не до нас, тем более, что статус у нас был насквозь самостоятельный и были мы типа научно-технической группой, которая, проездом из Московского военного НИИ в солнечный Томск, ждала оказии. И тут на нашу беду в эти пенаты занесло стройбатовскую учебку, занесло-то ее как рабочую силу, но ведь солдата надо занимать и в свободное от работы время. И местный Замполит, радостно обнаружив на своей территории группу

молодых офицеров, решил задействовать нас в благородном деле воспитания будущих младших командиров стройбата. На свою беду тутошний Фурманов наткнулся на Акима, который пришел в инициативный восторг только при мысли о чтении лекций молодым комсомольцам, представился нашим комсоргом, но, загрустив безмерно от предложения немедленно и лично приступить, посетовал на неготовность его образовательного уровня, и по секрету доложил товарищу подполковнику, что у нас в группе есть умнейший и образованнейший человек, который хоть и из гражданских специалистов, но доктор секретных наук, член партбюро и даже учится на заочном в ЗВПШПРИ. А когда заробевший замполит спросил, что, мол, это за заведение такое - ЗВПШПРИ, Аким удивленно пояснил что это вообще-то "Заочная высшая партийная школа при ЦК КПСС" и соболезнующее добавил, что, мол, странно для политработника такого ранга не знать этой аббревиатуры. Заробевший Фурманов уже постеснялся переспрашивать, что такое аббревиатура, и только скромно уточнил, где же можно найти высоко-ученого товарища, для мобилизации оного на лекционный фронт. Надо ли уточнять, что на данную роль Аким выделил не кого-нибудь, а уже знакомого многим по предыдущим рассказам Тарасюка?

Старшина был в комбинезоне гражданского служащего, и когда не сидел в читальном зале, то везде таскал с собой книжки и прекрасно подходил для данной подставы.

К слову, с книгами Тарасюк таскался после втыка Командира. А втык был вот за что... Местный, дохнувший от тоски, Особист, воспрянувший от оживления общей жизни и прибавления потенциальных объектов разработки на вверенной ему территории, застал Тарасюка и местного складского куска в процессе обмена часов "Ориент" на пять аккумуляторов. Старшину спасло то, что в разгар выездной сессии полевого трибунала, там как всегда вовремя проявился Барон и, показав Особисту одну из своих корочек, объяснил, что это была просто проверка и, забрав Тарасюка и злополучные часы, удалился. Потом он подвел комбинатора к пожарному щиту, приказал снять с него багры, лопаты и прочий инвентарь, а потом объяснил, как и через какие места будет прибивать Тарасюка к этому щиту ржавыми гвоздями. А когда Тарасюк проникся, Командир послал старшину в библиотеку и сказал, что теперь до отъезда его место будет в читальном зале, ибо в книгах и есть такая хозяйственная и экономическая мудрость, которая некоторым шебутным старшинам и не снилась. И для примера приказал прочитать сборники Джека Лондона - "Страшные Соломоновы Острова" и "Сказки Южных Морей". И пригрозил, что будет принимать зачеты на знание материала. На свое счастье, первый же рассказ, прочитанный испытуемым, был "Буйный характер Алозия Пенкберна". Старшина сразу почувствовал родственную душу и несколько раз перечитал его,

смакуя изящную операцию по пересчету пенсов, соверенов и крон на табак в стиле а-ля Киплинг. Плюс сам добавил новацию в данный процесс, мол, раз дикари так ценят пенсы, то может за пенсы у них можно купить что-нибудь нужное и ценное. И окончательно уверился в том, что Джек Лондон - величайший экономист всех времен и народов. Барон умилился и порекомендовал Тарасюку рассказы О*Генри об Энди Таккере и Джеффе Питерсе, но к этому мы еще вернемся... А лекционная афера развивалась пока следующим путем. Тарасюк, обалдевший от вежливого заискивания подполковника, бросился за помощью к друзьям, и, естественно, первый кто попался ему по дороге, был Аким. Выслушав сбивчивые причитания перепуганного старшины, Аким Тарасюка утешил, обогрел и успокоил. И пообещал, что напишет ему лекцию на высочайшем научно-политическом уровне, мол, Тарасюку останется только ее прочитать. Тарасюк с ужасом пояснил Акиму, что ему, как ученому человеку, нужно прочитать стройбатовцам лекцию на тему: "О различиях в Социалистической и Капиталистической экономик в военное время на примерах из работ теоретиков Марксизма-Ленинизма". Старшина был неглупым мужиком, а в хозяйственной сметке ему вообще не было равных, однако высокие науки его всегда пугали. Аким сказал, что накатать такую лекцию ему раз плюнуть, пусть, мол, старшина не беспокоится. Ободренный лектор, робко спросил...

- Товаришу старший лейтенанте, а з Джека Лондона можна чого-небудь вставити, якщо він, звичайно, є теоретиком?" -

Аким радостно подтвердил причастность автора Белого клыка к теоретикам и даже произвел его в личные племянники Фридриха Энгельса. Короче, в назначенный час, Тарасюк в штатском костюме и даже с галстуком (кто не видел, тот не оценит по-настоящему), гордо вступил в полковой красный уголок, совмещенный с кинозалом на 200 мест. Там его ждал цвет "сантехников", собранный из всего соцветия Советских Среднеазиатских республик в некую строевую икебану. Будущие сержанты смиренно сидели на лавках под надзором благостно поддатого летёхи. Народ сидел, действительно, смиренно, так как за хорошее поведение на лекции им обещали показать кино. На любые звуки кроме как "Так точно, все понятно", "Никак нет, вопросов не имеется" и бурных аплодисментов в конце лекции, была только одна санкция... Запрет на просмотр фильма для всех. Так что, слушатель попался Тарасюку благодарный.

Когда Аким радостно, давась от смеха, доложил, что лекция вот-вот начнется, и что читает ее Тарасюк, а конспект молодому лектору Тарасюку писал он лично, все ринулись в красный уголок. Барон по дороге разъяснял вслух, что будет с Акимом, если на лекции будет хоть кто-то из местных политработников и командования. Но Акиму повезло - из чужих офицеров был только дремлющий лейтенант-стройбатовец. Мы расселись на заднем ряду и стали внимать, а внимать

было чему... Самый малый список Акимовских перлов в изложении Тарасюка, довел бы до инфаркта в полном составе, любую на выбор кафедру Истории партии. А, впрочем, судите сами: "Как говорил Джузеппе Гарибальди, Экономика - это война", "Как говорил Семен Михайлович Буденный, Кавалерия без погромов - экономия побоку", "Как сказала Клара Цеткин, Буржуазная собака, сидящая на сене, без силоса не останется", "Как сказал Кибальчич, без мозолистой руки пролетариата ракету на Луну не запустишь", и т.д. и т.п. Мы поддерживали Тарасюка аплодисментами и старались не смеяться, но финальная фраза вызвала у нас такой хохот, что лейтенант стройбатовцев проснулся. А фраза звучала так: "Как говорил любимый племянник Фридриха Энгельса Джек Лондон, Экспроприатора и экспроприировать не грех, особенно, если он этого не заметит".

Провокационный выкрик Акима: "Да здравствует товарищ Джек Лондон и пророк его Тарасюк", потонул в облегченных аплодисментах слушателей, так ничего и не понявших из этой лекции.

После лекции Командир роздал всем сестрам по серьгам, наш старшина потом долго обходил Акима, как змею, ну, а в следующем месяце Тарасюк применил свои новые литературные знания, почерпнутые из приключений Энди Таккера и Джеффа Питерса, следующим образом...

Всем известно, что снабженцы и складские, это люди гораздо более важные в своих неписаных должностях, чем маршалы и министры. Ведь не зря говорится: "Кто что охраняет, тот то и имеет". В последних числах апреля мы приехали получать технику и оборудование, но нам объяснили, что мы тут не одни, и бумажки у других людей тоже не менее серьезные, так что, после праздников подойдет и ваша очередь. Тарасюк развил бурную деятельность, естественно, нашел земляка и вернулся со следующим докладом:

- Отже, товаришу капітане, у начальника є сад, і він хоче, що б він був яблуневим, але садженців в достатньої кількості і потрібних сортів ніяк знайти не може.

- И что мы можем сделать в данной ситуации? - задал вопрос Барон. Тарасюк по обыкновению замялся и спросил:

- Товаришу командире, а ми на цей склад ще приїдемо коли-небудь?

- Гарантирую на 90%, что нет "

- Якщо так, товаришу капітане, то потрібно всього-нічого: вантажівка, дві лопати, брезент, вірвовки, пара надійних людей і п'ять годинників часу".

- Где же ты возьмешь столько саженцев элитных яблонь? -

- Та в лісі, там цих садженців..., - скромно ответил старшина Тарасюк.

На следующий день мы уезжали с полным комплектом необходимой материальной части. А в уже в купе, Тарасюк гордо цитировал

подвинувший его на данный подвиг монолог Джеффа Питерса из бессмертного творения О*Генри "Благородный жулик":

...На одном перекрестке дорог я свернул не туда, куда нужно, и по ошибке попал в городишко Пивайн. Мне не следовало отправляться туда, так как прошедшей весной я уже осаждал этот город и нанес ему большие повреждения. Я продал тамошним жителям на шестьсот долларов молодых фруктовых деревьев - грушевых, сливовых, вишневых, персиковых. С тех пор жители города не переставали глядеть на дорогу, поджидая, не пройду ли я по этой дороге опять. А я, не подозревая ни о чем, еду по главной улице, доезжаю до аптекарского магазина "Хрустальный дворец" и только тогда замечаю, что мы оба попали в засаду - я и мой сивый конек Билл.

Жители Пивайна схватили Билла под уздцы и завели со мной разговор, имеющий ближайшее отношение к теме о фруктовых деревьях. Двое-трое из представителей города просунули мне сквозь проймы жилета постромки, и повели меня по своим фруктовым садам. Вся беда была в том, что их деревья не хотели соответствовать тем надписям, которые были начертаны на привязанных к ним дощечках. Большинство из них оказались грушей-дичком и терновником, но были и липы, и небольшие дубки.

Единственное дерево, которое сулило привести хоть какой-нибудь плод, был молоденький виргинский тополек, на котором выросло хорошее осиное гнездо и половина старого лифчика...

Ломброзо и Камасутра

Академическая байка

В любом учебном заведении, будь это школа, гимназия, академия, институт или университет, обязательно стоят чьи-либо бюсты... И во все времена ходят легенды о случайных (и не очень) падениях данных бюстов. А вы сами прекрасно понимаете, уважаемые читатели, что в зависимости от того, чей это бюст, в какое время он существует, и как он упал, за его низвержение виновным грозит наказание от пяти розог по мягкому месту до исключения из гимназии, вплоть до Особого совещания. И в числе крайних, как правило, оказываются хозяйственники, не предусмотревшие, не уберегшие и вообще манкирующие своими обязанностями в подрывных целях.

Вот и в одной солидной Академии (не гражданской, естественно), где нашей группе было приказано пройти переподготовку, такой бюст имел место быть. А закреплен он был на пьедестале весьма

остроумно... Сквозь пьедестал была пропущена металлическая труба, нижним концом вмурованная в пол, а на ее верхнюю часть и был нанизан бюст мужа Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской. Мы одобрили это решение, ибо места большого скопления Советских офицеров, как правило, весьма чреватые для бюстов. (Сам был свидетелем, как в Новогоднюю ночь в вестибюле госпиталя группа ранбольных офицеров втуне с младшим медперсоналом, хороводя в два часа пополуночи возле новогодней ёлки, сбили бюст "сампонимаете-кого", находящийся в 11 метрах от центра хоровода). Но к академическому бюсту мы еще вернемся, по системе Станиславского он еще спрыгнет со стены и выстрелит, а пока поговорим о занятиях...

Помимо дисциплин нужных и интересных, был, естественно, и зевотный балласт, но, увы, такие уж были времена. Наша группа пала, вдобавок, жертвой закулисных интриг между кафедрами. У нас был в учебном плане факультатив по всевозможным буржуазным лжетеориям и лжеученым, а вот место под это найти было сложно, и тогда ведущий данный факультатив преподаватель нашел компромисс. В Академии была огромная Ленинская комната размерами на две полных учебных группы, а нас было всего семь единиц (Тарасюку повезло, он не был офицером и избежал этой переподготовки). Так что, высокие договаривающиеся стороны пришли к следующему соглашению...

Наша группа проводит там факультативы, но перед каждым факультативом мы должны были в течение пары выслушивать политинформацию, ведь ее чтецам тоже надо ставить галочки и зарабатывать лекционные часы. Тоска была страшная, и мы придумывали все, что только могли, что бы развлечься. На первом же занятии я обратил внимание, что на всех столах лежали номера партийной прессы. От скуки я стал читать заголовки, и мне пришла в голову хулиганская, но новаторская мысль. Ведь если представить, что на фото в газете "Правда" вовсе не ударники труда, станки и комбайны, а сценки из Камасутры, то названия статей и подписи играют совсем по-другому. Рядом со мной сидел Аким, так что через считанные минуты на всех столах шелестели листы газеты называемой некогда "Пролетарская Правда", и слышался сдерживаемый смех. Лектора сначала обрадовал интерес, который у нас вызвала наследница легендарного "Пути правды", но потом он что-то заподозрил. На следующей лекции наши столы были девственно чисты, а в другом конце Ленинской комнаты (благо ее размеры это позволяли), щупленький ефрейтор из obsługi истово что-то конспектировал из красных томиков, искоса на нас поглядывая. Все было ясно: штатный стукачёрк политотдела, но нам он был по-барабану, чай, не на вражеской территории. Хотя галочку мы поставили.

Но вот без газеты "Правда" стало скучновато, и тут мой глаз упал на прошнурованный конспект в черном колленкоре. Кто имел отношение к военной службе, тот согласится, что военный бюрократизм даст в некоторых случаях фору десяти гражданским. Темы, изучаемые нами на факультативе, а вернее - авторы этих тем, относились к запрещенным к свободному прочтению на территории СССР и, хотя их можно было свободно почитать во многих библиотеках, но на военной территории они были ДСП. И дабы не смущать неокрепшие умы, прошнурованные конспекты с пронумерованными страницами, сдавались после занятий в помещение за обитой железом дверью. Процесс сдачи и получения данных черных тетрадок лежал на мне, как на старшем группы. Но я получал их не прямо перед занятиями, а чуть раньше, то есть перед политинформацией. Это, конечно, было нарушением, но не бегать же потом через всю академию. В этот день факультатив был по буржуазному лже-криминалисту доктору Чезаре Ломброзо, именно ему были посвящены строки конспекта, которые я узрел, открыв тетрадь. Пробежав несколько строк, я поднял глаза и увидел лицо лектора. Я быстро прикинул неправильность формы черепа, относительно раздвоенности лобной кости. Аким заметив, чем я занимаюсь, быстро открыл свой конспект на том же месте и тоже стал изучать нашего бедного лектора, на предмет тяги к различным преступным деяниям. Выяснилось, что он склонен к сексуальным преступлениям и карманным кражам, но не убийца, хотя явный насильник и, безусловно, тот самый особый тип человека, которого доктор Чезаре называл "прирожденный преступник". Весь народ, осознав и просчитав новое развлечение, зашелестел страницами. А мне

уже надоел лектор, и я стал искать новую точку приложения данной буржуазной лже-теории. Аким, ровно как и другие ребята, не подходили, ибо мы друг друга уже проломброозили (как выразился Аким), и тут я увидел давно уже приглядевшийся стандартный плакат на стене, портреты членов Политбюро ЦК КПСС...

Да... Вспоминая позднее тогдашние выводы об их морали по Ломброзо, я понял, почему распался Советский Союз.

Ушей в профиль, к сожалению, не было видно, но нам хватило мочек, и мы сразу разделили боевой отряд Партии на две группы - потенциальных убийц и подделывателей документов. Ну, а потом пошли компиляции по поводу надбровных дуг, ассиметрий в строении черепов и соосности расположения глаз на лице. Наилюбимейшими персонажами оказались товарищи Пельше, Капитонов и Сизов.

Остальные тоже были, в принципе, ничего. По крайней мере, на выделенные доктором Ломброзо типы групп преступников, как-то: душегуб, вор, насильник и жулик нашлись по несколько кандидатов. Короче, веселье пошло полным ходом, но я заметил, как ефрейтор, занимающийся политграмотой, ускользнул в дверь, и легкая дымка тревоги легла на отблески веселья, и как выяснилось не зря.

В конце политинформации, в Ленинскую комнату важно и целеустремленно одновременно зашел полковник из политотдела и, величаво оглядев зал, подошел к Таракану и потребовал показать конспект. Не успел капитан Тараканов его послать, как я уже был рядом. К подобным личностям у Таракана была стойкая идиосинкразия, могущая перейти в мордобой. Я объяснил товарищу полковнику, что данные документы выданы мне, как старшему, под расписку, и предъявить их простой член группы может только строго ограниченному количеству должностных лиц, в число которых товарищ полковник не входит. Весьма возмущенный полит-чин впал в истерику, стал кричать о своих полномочиях и грозить всевозможными карами. И тут я, как бы случайно, проговорился, что я сам, как старший группы, могу ему, как старшему по званию, показать свой конспект, но исключительно из своих рук. Нет, на самом деле я выражался еще косноязычнее и запутаннее, но просто повторить это второй раз было невозможно. Просто мне нужно было любым методом отвести политработника от греха и от Таракана подальше.

Полковник схавал приманку за обе щеки, и потребовал предъявить мой конспект, что я с радостью сделал. Я раскрыл черную тетрадь, и полковник впился в строки жадным взглядом, и тут розы его на лице, превратились в пепел, а охотничий азарт, сменился неким отупением. Часть конспекта, показанная мною полковнику, имела отношение к Шопенгауэру, и глазам стража социалистической нравственности предстала фраза, которая и более стойкого человека могла ввести в ступор:

"...Когда люди вступают в тесное общение между собой, то их поведение напоминает дикобразов, пытающихся согреться в холодную зимнюю ночь. Им холодно, они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больнее они колют друг друга своими длинными иглами. Вынужденные из-за боли уколов разойтись, они вновь сближаются из-за холода, и так - все ночи напролет..."

Тут в зал вошел наш преподаватель и, увидев полковника, вопросительно на него посмотрел. Полковник встряхнул головой, чтобы избавиться от буржуазно-философского дурмана, и, широко улыбаясь, направился к выходу. Проходя мимо преподавателя, он успокаивающе похлопал его по плечу, и сказал, как ему думалось негромко, что, мол, был сигнал о том, что тут ходит по рукам тетрадка с анекдотами про членов Политбюро, но к этой группе это отношения не имеет, в чем он самолично убедился.

А нам стало ясно, что причиной сего инцидента был стукачек-ефрейтор, а таких хохмочек мы не спускали никому. Предложений о мере наказаний было много: от утопления в сортире, до выпуска пьяным и голым на утренний развод. Но решили поступить и проще, и коварнее.

Как-то, будучи в наряде, ефрейтор рассекал по академии со штыком от АКМа на ремне. Внезапно ему стало плохо. Проходившие мимо "добрые самаритяне" посадили уставшего ефрейтора на деревянную банкетку у стены, где он окончательно в себя и пришел, держа в руке штык на изготовку, а вот ножен от оногo и след простыл. Получил он в этот день конечно по самое не хочу. Хотя гораздо меньше, чем получил бы он, пропади штык. А ножны мы спрятали по системе Станиславского. То есть спрятали их, подвесив на веревочке в той самой трубе под бюстом, о котором я говорил в начале истории...

Р.С. Нет, мы конечно не звери. На другой день испытуемый узнал, где спрятаны ножны его оружия. Этой же ночью, он таки уронил несчастный бюст, но нашел свои ножны раньше срока данного ему старшиной.

А Ломброзо так официально нигде и не признали. Наверное, опять интриги.

Копченый угорь, как аргумент сохранения государственной тайны

Военная байка

Дела службы занесли нас на большую базу, на берегу Балтийского моря. Сейчас там независимое государство и база брошена, разорена и разворована,

но тогда это был мощнейший военно-морской (и не только) комплекс. Мы, по обыкновению, должны были получить некий литерный груз и сопроводить его по назначению. Груз мы получили, но не весь и, по сему, были вынуждены ждать довоза и последующей оказии.

Мы временно расположились на территории законсервированных в незапамятные времена периферийных реммастерских железнодорожных войск. Там была небольшая добротная казарма, пакгаузы, каменная стена по периметру и даже каменный сортир на 12 персон, аж с тремя дверями. Это все построили зольдатен Вильгельма в конце Империалистической войны, потом тут были Eesti sõjavägi, потом РККА, потом снова зольдатен, но уже фюрера, а потом снова наши, к коим и мы также относились.

Накануне нам выдали солдатское ХБ с «партизанскими» офицерскими погонями и эмблемами ЖД войск, и даже несколько СКСов*. Мы косили под «партизан»* из МИИТа, а для разборок с местными нам придали капитана-особиста и его верного мотоцикла с сержантом. Из техники на территории были БТМ*, агитационный автобус и здоровенный псина по кличке Чипок*. Предыдущие караульные хотели забрать его с собой, но Чипок сразу выбрал себе в новые хозяева Арканю и не отходил от него. Что и говорить, но пара получилась колоритная. Надо напомнить, что Арканя и по лицу, и по размерам был копией Шрека, и плюс имел привычку передвигаться то ли быстрым шагом, то ли медленным бегом. При этом, кстати, что бы у него не было в руке - чи кувалда, чи РПД*, это ему при ходьбе совершенно не мешало, так что несущийся по двору Арканя в сопровождении Чипка (этакой помеси дога, мастино и еще тройки пород), - это было еще то зрелище.

Делать было особенно нечего, но был приказ имитировать деятельность, и Таракан с Арканей решили повозиться с БТМкой, Птица с Борькой стали ковыряться в агитмашине, Тарасюк, на свою беду, пошел лазать по пакгаузам, ибо старшина чутьем хозяйственника чувствовал - тут заброшенные склады. Короче, он нашел две сотни непонятных емкостей литров по восемь, покрашенных в красный цвет и имеющих форму немецкой армейской фляги. Были они в ящиках с орлом Вермахта и без какой-либо дополнительной информации. Блин, где мы только не натыкались на амуницию вермахта, и в Африке, и на Ближнем востоке, ну, а тут это было вообще закономерно.

Как выяснилось позднее, во время экстренного потрошения Тарасюка Бароном, в соседнем рыболовецком колхозе служил завхозом экс-кусок*, земляк Тарасюка, женатый на местной. Короче, колхозникам приглянулись красные фляги для использования оных в качестве поплавков на сетях, за что Тарасюк поставил нас на доп-довольствие, состоящее из натуральных колхозных продуктов, включающих в ассортимент бекон, копченых угрей, соления, семидесятиградусный картофельный «Пускаар*» и прочие

вкусности. С одной стороны, дело было благое, но с другой стороны, прямого приказа-то на это не было, а инициатива в армии всегда наказуема, пусть даже и полезная. Тем более присутствовали и элементы нарушения режима секретности... Так что, Барон дал Тарасюку три наряда, в которые входила покраска ворот и приведение фасада сортира в надлежащий вид, когда же старшина поинтересовался в каком смысле надлежащий, командир многозначительно ответил, чтобы было не хуже, чем у немцев. Тут случилась очередная рутинная неприятность, скисла проводная связь, а рацию нам так и не доставили. Командир, оставив старшим капитана Тараканова, взял Уазик и уехал в штаб ругаться.

А Тарасюк истово взялся за выполнение нарядов. Он покрасил ворота в строгий зеленый цвет, нарисовал на створках по красной звезде в желтой окантовке, но перед сортиром впал в задумчивость. Данное удобство было каменным и оштукатуренным, то есть - на стены тут просилась явная побелка, но вот с дверями Тарасюк задумался, ибо их было три штуки (хотя все они вели в одно и то же помещение). А тут, как всегда, к старшине подкатил с предложениями помощи вездесущий Аким. Он напомнил Андрею, что командир приказал сделать так же, как у немцев, а у немцев были именно трехдверные туалеты. Двери у них были ярко-красные, и на каждой двери была специальная немецкая туалетная надпись, которую, к счастью старшины, Аким помнил наизусть и с радостью напишет её на бумажке и даже набьёт контуры специального сортирно-готического шрифта. Так что, когда усталый, но честный старшина отправился отдыхать, на дверях сияли надписи: *Für die Herren, Für die Damen, Für die Offiziere* (для Господ, для Дам, для Офицеров). А Аким, довольный, как удав, взял СКС и пошел на пост у ворот, ибо в связи с особой литерой груза, караульная службы была на нас, и как раз была его очередь.

Офицер с СКСом было, конечно, не совсем комильфо, но для «партизана» сойдет, а вот Стечкин выглядел бы слишком вызывающе для заштатного объекта. В это время Таракан с Арканей запустили-таки БТМку и стали выбирать ей во дворе более пристойное, на их взгляд место, а Птица с Борькой, в виду невозможности завести агитавтобус (завести машину, где нет движка, - катахреза даже для Левши), запустили радиокунг. Там были выносные колокольчики и мощный приемник. В Западной Европе был радиомаяк на КВ, который круглые сутки чистым и мощным сигналом гнал в эфир Битловскую *Can't Buy Me Love*, БТМка, рыча, кружила по двору, из колокольчиков орали Пол и Джон. То есть, именно эту картину увидел экипаж УАЗика, подъехавшего к зеленым воротам с красными звездами. Экипаж был хоть и однополый, но разношерстный. Водила-сержант с непроницаемым восточным лицом, очкательный, «пиджак» в чине старлея, явный мажор в капитанской форме из полковничьего сукна и подполковник, с лицом типичного проверяющего.

Те из вас, уважаемые читатели, кто имел счастье (или несчастье) смотреть УС-2, наверняка помнят, как немецкие танки наступали под огромными фашистскими штандартами, мол, ахтунг, тут фашисты наступают, типа не перепутайте с румынами. Так вот, над проверяющим подполом, реяла аж целая виртуальная хоругвь с надписью – «Хочу быть полковником».

Аким, который, как уже было сказано выше, стоял на воротах в партизанской форме железнодорожного старлея, сделал СКСом на караул и попросил разрешения товарища подполковника вызвать начальника караула, на что получил благосклонный кивок. А старший по команде капитан Тараканов быстренько поставил БТМ вплотную к пакгаузу, где хранился секретный груз и приглушил движок. Ящики, доверенные нам, несли такую литературу, что посторонним не то, что дотронуться до них, а хотя бы спросить что внутри, было чревато нашим огнем на поражение.

А Аким занялся дипломатическим гостеприимством... Рассказывая подполу, что тут при немцах была секретная пыточная Гестапо, он пару раз назвал проверяющего товарищем генералом. А когда подпол смущенно его поправил, то Аким сделал понимающее лицо и сказал, понизив голос, что для проверки таких важных объектов, никого кроме генерала из Москвы не пришлют, а что такое секретность - он понимает, но в Москве сделали большую ошибку, послав сюда именно данного товарища... И выдержав поистине садистскую паузу, продолжил, что, мол, какую форму вы не оденьте товарищ начальник, генерала всё равно сразу видно. Как сказал потом Таракан: «Если бы Аким был женщиной, то подполковник на нем бы женился, и немедленно».

Птица в это время поймал волну с пионерскими песнями, а приданный особист послал своего сержанта на мотоцикле в штаб с докладом о ситуации.

А Акима, который всю жизнь питал искреннюю «любовь» к проверяющим, как говориться понесло... Он жаловался генералу-подполковнику, на тяжелую жизнь «партизан», загнанных в дальний ремцех, и даже сообщил по секрету, что к ним ссылают сюда лиц с расстроенной психикой, которые запросто могут покалечить, и показал глазами на Арканю, который будучи в комбинезоне и с кувалдой, мирно выбивал из гусениц БТМки пальцы, дабы, на всякий случай, окончательно лишить её хода.

Так что, когда коварный Аким из-за спины проверяющего дал Аркане знак подойти, то бедный подполковник увидел бегущего в его сторону страшного гиганта с кувалдой в руке и сопровождаемого, в добавок, собакой Баскервиллей. Нет, столичный проверяющий не бросился бежать, он просто оцепенел и покорно ждал своей судьбы, но его лучший друг лейтенант Акимов, закрыл своим телом старшего по званию и, заболтав страшного

Арканю, услав его назад к трудовому процессу. Последней точкой был расписной трехдверный сортир. Гости долго не решались туда войти (причем «пиджак» все время, явно, давился от смеха), но Аким объяснил, что это все осталось от нехороших оккупантов, и направил «пиджака» и капитана в мужскую дверцу, а подпола, что характерно, в офицерскую. Когда испытуемые обнаружили внутри отсутствие каких-либо перегородок, то ржали уже в три голоса. Ну, а потом высокую проверяющую сторону пригласили пообедать, чем Тарасюк послал, а Тарасюк, произведенный на сегодня в лейтенанты Остапенко (чтобы не нарушать видимую субординацию) и названный именинником (дабы был предлог к спиртному на столе), превзошел сам себя. У старшины была какая-то секретная связь с рибальським колхозом, ибо помимо бекона и прочих продуктов из обменного фонда, на столе появились настоящие деликатесы типа вяленых, но тушеных снетков со свининой под непонятным местным названием «Хаутатуд кала» и даже Сааремааских копченых угрей, причем, уже в порционном виде. Особист, прикинувшийся простоватым зампотехом, ненавязчиво подливал гостям семидесятиградусный картофельный Пускаар из деревянного бочонка с медным краном, и все было на мази.

Наши ребята потребляли яблочный сок, делая вид, что это самогон.

В разгар пиршества проверяющий поинтересовался, а почему не видно начальника транспортного батальона майора Кунцева, после чего особист зашелся в хохоте. Оказалось, что майор Кунцев командовал батальоном, находившемся в 8 километрах отсюда. Ориентир, который искала комиссия, был обозначен как зеленые ворота с красными звездами, но была еще одна тонкость... на перекрестке надо было повернуть налево, но в армии лево и право иногда одно и то же. Вот так эта комиссия к нам и попала.

Когда приехал Барон, гостей уже грузили в УАЗик, благо шофёр был не пьющим татаринном из Казани. Так что, все разрешилось мирно и без нарушения Гостайны.

А Аким не удержался и применил к отъезжающим гостям свое несколько извращенное чувство юмора. Никак не могущий расстаться со своим новым другом и надоевший Акиму хуже горькой редьки подполковник в десятый раз восхитился копченым угрем и на свою беду спросил, а что это была за рыба. Как раз в этот момент к машине подбежал Чипок, таща в зубах здоровенного ужа (собачка была еще та). Аким показал на охотничий трофей верного пса Аркани, и обыденным тоном доложил, что как раз из этой дичи и было состряпано данное блюдо. Спазмы скрутили всех, кроме задрыхшего в машине «пиджака», правда, в отличие от гостей, у гостеприимных хозяев спазмы были от смеха.

Так что, последующий начальственный втык получил только Аким. А за раскрашенный туалет старшина Тарасюк, известный так же как лейтенант Остапенко, как ни странно, был обласкан и поощрен. То есть, Барону эти художества настолько понравилось, что Аким пожалел о том, что не успел примазаться к авторству.

А на следующий день мы чудесным образом превратившиеся из военных железнодорожников в торговых моряков, уходили на сухогрузе в известный, но не поименованный квадрат Мирового океана, и там мы опять встретили одного из героев этого рассказа. Но это уже будет совсем другая история, про удава Каа и его верного Маугли.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пиджак – армейское прозвище офицеров, проходящих службу после гражданского ВУЗа.

Партизаны – армейское прозвище солдат и офицеров запаса, призванных на переподготовку.

Кусок – армейское прозвище сверхсрочников (ныне прапорщиков).

Чипок – на армейском жаргоне - офицерское кафе на территории воинской части (иногда буфет).

Пускаар (Puskar) – эстонский картофельный самогон.

БТМ – машина быстроходная траншейная БТМ-3.

СКС - самозарядный карабин Симонова (СКС-45) образца 1945 г.

РПД - ручной пулемёт Дегтярева.

Количество рюмок коньяка, как элемент вербовки

Дорожная байка

Все те, кто из Вас, уважаемые читатели, часто бывал в дороге, прекрасно знаю о том, какие самые невероятные совпадения и встречи там происходят.

Один мой приятель, выйдя покурить в тамбур, познакомился там с попутчиком, они пошли потом в вагон ресторан, где под пиво пошли

анекдоты и мужские истории из жизни. И, когда мой друг рассказал о том, как он еле разминулся с внезапно приехавшим мужем своей пассии, и что спасло его только то, что в подъезде был ремонт, и он притворился рабочим, и в творческом процессе попал себе по пальцу молотком... Его визави изволил ржать буквально до слез, а потом доложил, что он и есть тот самый муж. И что он очень долго помнил, как его удивил странный рабочий, в приличном костюме, но в засаленной кепке, матерясь забивающий в кирпичную стену гвоздь кувалдой.

Или о том, как мой батюшка, будучи в разгар социализма в Нью-Йоркском аэропорту встретил однокашника, которого не видел лет 15. Они очень обрадовались встрече, зашли в одно из местных кафе, но его друг, будучи советским человеком, вспомнил о бдительности. Узрев, что мон па-па одет в буржуазные шмотки, плюс выразил желание угостить приятеля за свой счет, и продемонстрировал в бумажнике гораздо больше 1,5 \$ суточных, его друг совсем приуныл и стал ждать неизбежной вербовки. И как же он был рад, когда им оказалось на один и тот же рейс... в Квебек.

Кстати, на счет вербовки...

Как-то еду в Москву на поезде из одной местной командировки, мы встретили в вагоне-ресторане старого знакомого, который должен был, по идее, находиться сейчас у себя на родине в районе солнечной Замбези, а никак не рассекать по стальным трассам МПС СССР. Майор Энок Маркеш пересекался с нами в одной непростой истории, и был безмерно рад встрече. Он резко выделялся из дорожной публики белым спортивным костюмом Адидас, оттеняющим его черную кожу. Майор потреблял знаменитую железнодорожную солянку, под водочку. Ох, железнодорожная солянка, кто её пробовал, тот никогда не забудет, и водится она только в вагонах-ресторанах или хороших кулинарных книгах.

Энок тут же поделился с нами радостью, что женится на нашей соотечественнице, и, погостив у её родителей под Львовом, едет сейчас в Москву оформлять в посольстве документы. Но сообщил он это несколько более грустным тоном, чем принято докладывать о таких радостных событиях. Мы, естественно, применили сыворотку правды под названием коньяк, и майор поплыл. Оказывается, у его невесты с редким именем Лена, было много родственников, и все они, судя по всему, вознамерились поехать в Африку с молодыми, дабы погулять на тамошней свадьбе, познакомиться с новыми шабрами и свояками и так далее. И, судя по всему, счастливого жениха это несколько напрягло, два дяди невесты, кстати, ехали с ним, дабы прикупить в Москве костюмы для свадьбы и должны были вот-вот подтянуться в вагон-ресторан. Мы с Акимом и Тараканом сразу же стали разрабатывать информационную отсекающую бомбу, и, вроде, она нам удалась. Выяснив у Энока, что дяди разные, то есть - один со стороны тестя,

а другой, соответственно, со стороны тещи, мы предложили следующий коварный план. Когда дяди подойдут, мы пересядем за соседний столик, и будем громкими голосами обсуждать географическое положение деревни Маркеша и милые обычаи, которые там творятся. Маркеш должен будет при этом делать фальшиво изумленное лицо, но потом, по секрету, и, естественно, по пьянке, должен будет рассказать дядям в купе, что он и в правду живет в джунглях, и что в его племени считается особым уважением, когда на свадьбу невеста привозит много своих родственников, ибо они и считаются главным блюдом на празднике. А те, кто имеют усы, дополнительно являются предметом сексуальных утех для наиболее здоровенных охотников. И перед свадебным праздником будет торжественно кинут жребий, какая ветвь родственников невесты пойдет на сексуальные утехы, а какая на кухню. Маркеш сначала чуть не обиделся, но, учитывая то, что после общения с нами и учебы в СССР, он уже достаточно проникся нашим юмором, то, в конце концов, пришел в восторг.

Далее подошли дяди (оба, кстати, усатые и в вышиванках), и мы уже ерничали по полной, причем, в вагоне-ресторане стояла мертвая тишина, - настолько пассажирам были интересны сексуальные привычки и кулинарные обычаи племени Маракеша. Через часик все в прекрасном (кроме дядей) настроении разошлись по купе. А в купе нас ждал сюрприз...

Проводница стала умолять сдружившегося за прошлую ночь с ней Акима уговорить нас приютить на несколько часов попутчика, и Аким нас уговорил. Наш гость был мужичок сублично-похмельного вида, впрочем, державшийся достаточно вежливо. Нам он представился как Петрович. Этому субъекту моя знакомая врач - психиатр Татьяна Абрамовна Сухоног - поставила бы следующий диагноз: потатор на грани дипсомании, с легкой склонностью к параноидальным психозам и сексуальным патологиям. Короче, Фрейд и Ломброзо стоя аплодируют в углу.

Когда мы продолжили коньячком, то не выдержали умоляющего взгляда, и пожертвовали жертве позднего похмелья пару рюмок одного коньячку. И тут началось общение, причем, несколько одностороннее. То есть, мужичка развезло на старые дрожжи, и он ударился в бесконечные истории о своей жизни. Начиная с того, что он в детстве мечтал быть пограничной собакой, и заканчивая тем, что год назад его пытались завербовать то ли американские, то ли фашистские шпионы, и именно тогда он первый раз в жизни попробовал коньяк, и хорошо, что он тогда выпил только одну рюмку, а выпей пять, то были бы кранты. Эта история нас профессионально заинтересовала (и вербовка, и количество рюмок коньяку) и мы, как говорится, обратились в слух.

Жертва спецслужб во время данного инцидента несла домой аванс, но зашла в пивную, и там и состоялось роковое знакомство. Через час - другой

несчастливого заманили на конспиративную квартиру, где начали беспрестанно поить, и совращать полуголыми шпионками. Наш герой исправно пил поднесенную врагами водовку, но исправно же отвечал проставой со своей стороны. А что касается домогательств шпионки, он был полностью «облико морале» и даже «бона моралито», хотя шпионка была невероятной красоты. С точки зрения нашего гостя, невероятная красота складывалась из образа небольшого роста пейзажки с рубенсовскими формами, кружевного прозрачного халата и красных подвязок, украшенными красными же розочками. Короче, описание почти по Райкину: «Машка у меня красивая: морда красная, глазки маленькие и все время поет».

Причем, дальше Петрович стал изображать заезженную пластинку, то есть, он на минутку задремывал, а потом начинал рассказ с самого начала. Короче, история пошла по кругу и рассказчик, если честно, несколько нас задолбал.

Наш гость вдруг всхрипнул и снова на пару минут задремал, бормоча во сне нечто вроде: «Нет, шнардфюрер Шмит, не надо, шнардфюрер Шмидт» (*курсив мой*). Мы переглянулись и, пошептавшись, решили приколоться по полной. Таракан помчался в вагон к Маракешу, а пробудившийся гость стал хвастаться, как он не попался на вербовку именно потому, что не поддался чарам красавицы и в ответ на шпионскую водку, угощал фашистов своей. Аким невинно спросил:

- Но ведь коньяком ты их не угощал? А сам ведь их коньяк пил?

- Но ведь я только одну рюмку... - взвизгнула жертва ЦРУ и Гестапо.

- А про четыре рюмки выпитых тут, ты что забыл, ферфлюхтер швайн? - рявкнул Барон.

Тут в дверь постучали условным стуком. Барон крикнул: «Херайн, майне херен». Дверь открылась, и в проеме предстал Маракеш в полной парадной форме полковника своей армии. А форма смотрелась. Черный мундир с алыми петлицами и золотыми пуговицами, аксельбантами и витыми погонами и белые брюки, с алыми же лампасами. Поинтересовавшись у Акима о том, сколько рюмок выпил агент Петровитч, Маркеш величественно повернулся к Петровичу и произнес историческую фразу:

- Тебе привет от шнардфюрера Шмита, Петровитч.

От впадения в кому нашего гостя спасла проводница, заглянувшая в купе, и сообщившая, что пассажиру Петровичу пора выходить. Петрович затравленно обвел нас глазами, но тут лицо его просветлело. Известно, что чувство опасности обостряет даже небольшие умственные способности.

- Я сейчас быстро за коньяком и сразу вернусь, - крикнул наш гость, и рыбкой ринулся к выходу из вагона.

Когда поезд тронулся дальше, на перроне Петровича уже не было, зато там стояли два усатых мужика в вышиванках.

Маркеш до самой Москвы вез нас исключительно в вагоне ресторане.

ИСПОВЕДЬ ЛЕЙТЕНАНТА МОРСКОЙ ПЕХОТЫ **ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ**

Меня зовут Майкл Фогетти, я капитан Корпуса Морской пехоты* США в отставке. Недавно я увидел в журнале фотографию русского памятника из Трептов-парка* в Берлине и вспомнил один из эпизодов своей службы. История эта произошла лет тридцать назад в Африке. Мой взвод, после выполнения специальной операции, получил приказ ждать эвакуации в заданной точке, но в точку эту попасть мы так и не смогли.

В районе Золотого рога, как всегда, было жарко, во всех смыслах этого слова. Местным жителям явно было мало одной революции. Им надо было их минимум три, пару гражданских войн и в придачу один религиозный конфликт. Мы выполнили задание и теперь спешили в точку randevу с катером, на котором и должны были прибыть к месту эвакуации. Но нас поджидал сюрприз. На окраине небольшого приморского городка нас встретили суетливо толкущиеся группки вооруженных людей. Они косились на нас, но не трогали, ибо колонна из пяти джипов, ошетилившаяся стволами М-16* и М-60*, вызывала уважение. Вдоль улицы периодически попадались легковые автомобили со следами обстрела и явного разграбления, но именно эти объекты и вызвали основной интерес пейзажа, причем вооруженные мародеры имели явный приоритет перед невооруженными. Когда мы заметили у стен домов несколько трупов явных европейцев, я приказал быть наготове, но без приказа огонь не открывать. В эту минуту из узкого переулочка выбежала белая женщина с девочкой на руках, за ней с хохотом следовало трое местных нигеров (извините, афро-африканцев). Нам стало не до политкорректности. Женщину с ребенком мгновенно втянули в джип, а на ее преследователей цыкнули и недвусмысленно погрозили стволом пулемета, но опьянение безнаказанностью и пролитой кровью сыграло с мерзавцами плохую шутку. Один из них поднял свою G-3* и явно приготовился в нас стрелять, Marine Колоун автоматически нажал на гашетку пулемета и дальше мы уже мчались под все усиливающуюся стрельбу. Хорошо еще, что эти уроды не умели метко стрелять. Мы взлетели на холм, на котором собственно и располагался город, и увидели внизу панораму порта, самым ярким фрагментом которой был пылающий у причала пароход.

В порту скопилось больше тысячи европейских гражданских специалистов и членов их семей. Учитывая то, что в прилегающей области объявили независимость и, заодно, джихад, все они жаждали скорейшей эвакуации. Как было уже сказано выше, корабль, на котором должны были эвакуировать беженцев, весело пылал на рейде, на окраинах города сосредотачивались толпы инсургентов, а из дружественных сил был только мой взвод с шестью пулеметами и скисшей рацией (уоки-токи* не в счет). У нас было плавсредство, готовое к походу и прекрасно замаскированный катер, но туда могли поместиться только мы. Бросить на произвол судьбы женщин и детей мы не имели права. Я обрисовал парням ситуацию и сказал, что остаюсь здесь и не вправе приказывать кому-либо из них оставаться со мной, и что приказ о нашей эвакуации в силе и катер на ходу. Но, к чести моих ребят, остались все. Я подсчитал наличные силы... двадцать девять марин, включая меня, семь демобилизованных французских легионеров и 11 матросов с затонувшего парохода, две дюжины добровольцев из гражданского контингента. Порт во времена Второй мировой войны был перевалочной базой и несколько десятков каменных пакгаузов, окруженных солидной стеной с башенками и прочими архитектурными излишествами прошлого века, будто сошедшие со страниц Киплинга и Буссенара, выглядели вполне солидно и пригодно для обороны. Вот этот комплекс и послужили нам новым фортом Аламо. Плюс в этих пакгаузах были размещены склады с ООНовской гуманитарной помощью, там же были старые казармы, в которых работали и водопровод и канализация, конечно, туалетов было маловато на такое количество людей, не говоря уже о душе, но лучше это, чем ничего. Кстати, половина одного из пакгаузов была забита ящиками с неплохим виски. Видимо кто-то из чиновников ООН делал тут свой небольшой гешефт. То есть - вся ситуация, помимо военной, была нормальная, а военная ситуация была следующая...

Больше трех тысяч инсургентов, состоящих из революционной гвардии, иррегулярных формирований и просто сброда, желающих пограбить вооруженных, на наше счастье, только легким оружием от маузеров 98* и Штурмгеверов* до автоматов Калашникова* и Стенов*, периодически атаковали наш периметр. У местных были три старых французских пушки, из которых они умудрились потопить несчастный пароход, но легионеры смогли захватить батарею и взорвать орудия и боекомплект. Мы могли на данный момент им противопоставить: 23 винтовки М-16, 6 пулеметов М-60, 30 китайских автоматов Калашникова и пять жутких русских пулеметов китайского же производства с патронами пятидесятого калибра*. Они в главную очередь и помогали нам удержать противника на должном расстоянии, но патроны к ним кончались прямо-таки с ужасающей скоростью. Французы сказали, что через 10 – 12 часов подойдет еще один пароход, и даже в сопровождении сторожевика, но эти часы надо было еще продержаться. А у осаждающих был один большой стимул в виде складов с гуманитарной помощью и сотен белых женщин. Все виды этих товаров здесь весьма ценились. Если они додумаются атаковать одновременно и с Юга, и с

Запада, и с Севера, то одну атаку мы точно отобьем, а вот на вторую уже может не хватить боеприпасов. Рация наша схлопотала пулю, когда мы еще только подъезжали к порту, а уоки-токи били практически только на несколько километров. Я посадил на старый маяк вместе со снайпером мастер – сержанта* Смити – нашего радио-бога. Он там что-то смудрил из двух раций, но особого толку с этого пока не было.

У противника не было снайперов, и это меня очень радовало. Город находился выше порта, и с крыш некоторых зданий территория, занимаемая нами, была как на ладони, но планировка города работала и в нашу пользу. Пять прямых улиц спускались аккуратно к обороняемой нами стене и легко простреливались с башенок, бельведеров и эркеров... И вот началась очередная атака. Она была с двух противоположных направлений и была достаточно массивной. Предыдущие неудачи кое-чему научили инсургентов, и они держали под плотным огнем наши пулеметные точки. За пять минут было ранено трое пулеметчиков, еще один убит. В эту минуту противник нанес удар по центральным воротам комплекса: они попытались выбить ворота грузовиком. Это им почти удалось. Одна створка была частично выбита, во двор хлынули десятки вооруженных фигур. Последний резерв обороны - отделение капрала Вестхаймера - отбило атаку, но потеряло троих человек ранеными, в том числе одного тяжело. Стало понятно, что следующая атака может быть для нас последней, у нас было еще двое ворот, а тяжелых грузовиков в городе хватало. Нам повезло, что подошло время намаза и мы, пользуясь передышкой и мобилизовав максимальное количество гражданских, стали баррикадировать ворота всеми подручными средствами. Внезапно на мою рацию поступил вызов от Смити:

- Сэр. У меня какой-то непонятный вызов, и вроде от русских. Требуют старшего. Позволите переключить на вас?

- А почему ты решил, что это Русские?

- Они сказали, что нас вызывает солнечная Сибирь, а Сибирь, она, вроде бы, в России...»

- Валяй, - сказал я и услышал в наушнике английскую речь с легким, но явно русским акцентом...

- Могу я узнать, что делает United States Marine Corps на вверенной мне территории? - последовал вопрос.

- Здесь Marine First Lieutenant* Майкл Фогетти. С кем имею честь? - в свою очередь поинтересовался я.

- Ты имеешь честь общаться, лейтенант, с тем, у кого, единственного в этой части Африки, есть танки, которые могут радикально изменить обстановку. А зовут меня Tankist.

Терять мне было нечего. Я обрисовал всю ситуацию, обойдя, конечно, вопрос о нашей боевой «мощи». Русский в ответ поинтересовался, а не является ли, мол, мой минорный доклад, просьбой о помощи. Учитывая, что стрельба вокруг периметра поднялась с новой силой, и это, явно, была массивная атака осаждающих, я вспомнил старину Уинстона, сказавшего как-то, что «если бы Гитлер вторгся в *ад*, то он, Черчилль*,

заклучил бы союз против него с самим дьяволом...», и ответил русскому утвердительно. На что последовала следующая тирада...

- Отметьте позиции противника красными ракетами и ждите. Когда в зоне вашей видимости появятся танки, это и будем мы. Но предупреждаю: если последует хотя бы один выстрел по моим танкам, все то, что с вами хотят сделать местные пейзажи, покажется вам нирваной по сравнению с тем, что сделаю с вами я.

Когда я попросил уточнить, когда именно они подойдут в зону прямой видимости, русский офицер поинтересовался, не из Техаса ли я, а получив отрицательный ответ, выразил уверенность, что я знаю, что Африка больше Техаса и несколько на это не обижаюсь.

Я приказал отметить красными ракетами скопления боевиков противника, не высовываться и не стрелять по танкам, в случае ежели они появятся. И тут грянуло. Бил как минимум десяток стволов, калибром не меньше 100 миллиметров. Часть инсургентов кинулась спасаться от взрывов в нашу сторону, и мы их встретили, уже не экономя последние магазины и ленты. А в проветах между домами, на всех улицах одновременно появились силуэты танков Т-54*, облепленных десантом. Боевые машины неслись, как огненные колесницы. Огонь вели и турельные пулеметы, и десантники. Совсем недавно, казавшееся грозным, воинство осаждающих рассеялось как дым. Десантники прыгнули с брони, и, рассыпавшись вокруг танков, стали зачищать близлежащие дома. По всему фронту их наступления раздавались короткие автоматные очереди и глухие взрывы гранат в помещениях. С крыши одного из домов внезапно ударила очередь, три танка немедленно повернули башни в сторону последнего прибежища, полоумного героя джихада, и строенный залп, немедленно перешедший в строенный взрыв, лишил город одного из архитектурных излишеств. Я поймал себя на мысли, что не хотел бы быть мишенью русской танковой атаки, и даже будь со мной весь батальон с подразделениями поддержки, для этих стремительных бронированных монстров с красными звездами, мы не были бы серьезной преградой. И дело было вовсе не в огневой мощи русских боевых машин... Я видел в бинокль лица русских танкистов, сидевших на башнях своих танков: в этих лицах была абсолютная уверенность в победе над любым врагом. А это сильнее любого калибра. Командир русских, мой ровесник, слишком высокий для танкиста, загорелый и бородатый капитан, представился неразборчивой для моего бедного слуха русской фамилией, пожал мне руку и приглашающе показал на свой танк. Мы комфортно расположились на башне, как вдруг русский офицер резко толкнул меня в сторону. Он вскочил, срывая с плеча автомат, что-то чиркнуло с шелестящим свистом, еще и еще раз. Русский дернулся, по лбу у него поползла струйка крови, но он поднял автомат и дал куда-то две коротких очереди, подхваченные четко-скуповатой очередью турельного пулемета, с соседнего танка. Потом извиняющее мне улыбнулся, и показал на балкон таможни, выходящий на площадь перед стеной порта. Там угадывалось тело человека в грязном бурнусе, и блестел ствол автоматической винтовки. Я понял, что мне только что спасли жизнь.

Черноволосая девушка в камуфляжном комбинезоне тем временем перевязывала моему спасителю голову, приговаривая по-испански, что вечно синьор капитан лезет под пули, и я в неожиданном порыве души достал из внутреннего кармана копию-дубликат своего Purple Heart*, с которым никогда не расставался, как с талисманом удачи, и протянул его русскому танкисту. Он в некотором замешательстве принял неожиданный подарок, потом крикнул что-то по-русски в открытый люк своего танка. Через минуту оттуда высунулась рука, держащая огромную пластиковую кобуру с большущим пистолетом. Русский офицер улыбнулся и протянул это мне. А русские танки уже развернулись вдоль стены, направив орудия на город. Три машины сквозь вновь открытые и разбаррикадированные ворота въехали на территорию порта, на броне переднего пребывал и я. Из пакгаузов высыпали беженцы, женщины плакали и смеялись, дети прыгали и визжали, мужчины в форме и без, орали и свистели. Русский капитан наклонился ко мне и, перекрикивая шум, сказал: «Вот так, морпех. Кто ни разу не входил на танке в освобожденный город, тот не испытывал настоящего праздника души, это тебе не с моря высаживаться». И хлопнул меня по плечу. Танкистов и десантников обнимали, протягивали им какие-то презенты и бутылки, а к русскому капитану подошла девочка лет шести и, застенчиво улыбаясь, протянула ему шоколадку из гуманитарной помощи. Русский танкист подхватил ее и осторожно поднял, она обняла его рукой за шею, и меня внезапно посетило чувство дежавю. Я вспомнил, как несколько лет назад в туристической поездке по Западному и Восточному Берлину нам показывали русский памятник в Трептов-парке. Наша экскурсовод, пожилая немка с раздраженным лицом, показывала на огромную фигуру Русского солдата со спасенным ребенком на руках, и цедила презрительные фразы на плохом английском. Она говорила о том, что, мол, это все большая коммунистическая ложь, и что кроме зла и насилия русские на землю Германии ничего не принесли. Будто пелена упала с моих глаз. Передо мною стоял русский офицер со спасенным ребенком на руках. И это было реальностью и, значит, та немка в Берлине врала, и тот русский солдат с постамента, в той реальности тоже спасал ребенка. Так, может, врет и наша пропаганда, о том, что русские спят и видят, как бы уничтожить Америку. Нет, для простого первого лейтенанта морской пехоты такие высокие материи слишком сложны. Я махнул на все это рукой и чокнулся с русским бутылкой виски, неизвестно как оказавшейся в моей руке. В этот же день удалось связаться с французским пароходом, идущим сюда под эгидою ООН, и приплывшим таки в два часа ночи. До рассвета шла погрузка, пароход отчалил от негостеприимного берега, когда солнце было уже достаточно высоко. И пока негостеприимный берег не скрылся в дымке, маленькая девочка махала платком, оставшимся на берегу русским танкистам. А мастер-сержант Смити, бывший у нас записным философом, задумчиво сказал:

- Никогда бы я не хотел, чтобы Русские всерьез стали воевать с нами. Пусть это непатриотично, но я чувствую, что задницу они нам обязательно

надерут. - И, подумав, добавил: - Ну, а пьют они так круто, как нам и не снилось... Высосать бутылку виски из горлышка и ни в одном глазу... И ведь никто нам не поверит, скажут что такого даже Дэви Крокет* не придумает.

Владимир Чекмарев 2012 год

По изданию «Анабазис на фоне Северной Анголы» Москва 2006 год с добавлением новых глав 2006 - 2012

Аудиоверсии можно найти по адресу <http://army.podfm.ru/>

